

КОНТРОЛЬ

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6

1980

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

6

1980

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Иванова Н. А.</i> Первая народная революция эпохи империализма (К 75-летию революции 1905—1907 гг. в России)	3
<i>Барновский М.</i> (ЧССР). Эволюция позиций буржуазных политических партий в Словакии периода национально-освободительной борьбы и революционного процесса 40-х годов	17
<i>Костюшко И.</i> Выкуп и регуляция феодальных повинностей в Силезии по законам от 2 марта 1850 года	31
<i>Мананчикова Н. П.</i> К вопросу о ранней мануфактуре в Дубровнике XV века	51
<i>Даскалова Екатерина</i> (НРБ). Александр Блок и славянский мир	66
<i>Лавыцьев Ю.</i> Распространение польских произведений Яна Кохановского на фоне общей рецепции польской книги и литературы в России XVII века	74
<i>Архипов А. А.</i> О происхождении древнеславянской тайнописи	79
<i>Козлова Р. М.</i> К проблеме реконструкции праславянской лексики	87
<i>Чубиньский Антони</i> (ПНР). Западный институт в Познани (Научная и издательская деятельность. 1945—1979)	93

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Тимова Л. Н.</i> Из наследия чешского будителя Яна Рулика	104
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Игнатъева Т.</i> М. Исусов. Политическите партии в България. 1944—1948	108
<i>Шевдак О. М.</i> В. П. Чугаев. В борьбе против фашизма и угрозы войны	110

<i>Гришина Р. А.</i> Веков. Г. В. Плеханов и социалистическото движение в България	111
<i>Попков Б. С.</i> Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim. Gustaw Ehrenberg i «świętokrzyżcy»	113
<i>Смирнов С. В.</i> Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь	115
<i>Венедиктов Г. К.</i> С. Иванчев. Приноси в българското и славянското езиковедение	117

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Валева Е. Л., Досталь М. Ю.</i> Историографические чтения в Институте славяноведения и балканистики АН СССР	120
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1980 г.	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), Л. Б. ВАЛЕВ, В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Грубниковский пер., д. 30а.
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

Н. А. ИВАНОВА

ПЕРВАЯ НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА

(К 75-летию революции 1905—1907 гг. в России)

Первая буржуазно-демократическая революция в России сыграла важную роль в истории не только нашей страны, но и всего мира. Она открыла собой период политических потрясений и революционных бурь, основным содержанием которого явился переход от капитализма к социализму. В начале XIX в. центр мирового революционного движения переместился из Западной Европы в Россию, и не случайно именно в этой стране, пережившей за короткий срок три революции, в октябре 1917 г. был прорван империалистический фронт и создано первое в мире социалистическое государство.

В ходе первой буржуазно-демократической революции, происходившей в эпоху империализма, был всесторонне учтен уже накопленный ранее опыт мирового революционного движения. Вместе с тем революция внесла много нового в теорию и практику международного рабочего движения, предопределила ряд закономерностей всего последующего революционного процесса. В. И. Ленин называл революцию 1905—1907 гг. «генеральной репетицией» Февральской революции и Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., прообразом и прологом грядущей европейской революции¹. Как отмечала Р. Люксембург, революция в России, вырастая из противоречий в этой стране и отражая результаты мирового капиталистического развития, являлась «скорее первым предвестником новой серии пролетарских революций на Западе, чем последним отзвуком прежних буржуазных революций»².

Всесторонний анализ характера революции, ее движущих сил, становки в ней классовых и политических сил, форм и методов борьбы, а также ее международного значения был дан в трудах В. И. Ленина. Развитие В. И. Лениным марксистской теории применительно к новым историческим условиям — условиям империализма, применение научного социализма к изучению истории России позволило ему глубоко осмыслить происходящие в стране события, выработать единственно правильную стратегию и тактику большевистской партии и отстоять ее в борьбе с ревизионистами разных мастей.

В начале XX в. Россия воплощала в себе основные противоречия тогдашнего капиталистического мира, была узловым пунктом этих проти-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 306; т. 54, с. 481.

² Р. Люксембург. Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия. Шт., 1919, с. 63.

воречий. В условиях, когда высоко развитый капитализм во всем мире перерос в стадию империализма, со всей очевидностью проявились его пороки и недостатки, углубились классовые антагонизмы, сложились материальные предпосылки для перехода к новому общественному строю — социализму.

Россия, будучи страной со средним уровнем развития капитализма, одновременно с высокоразвитыми странами вступила в высшую стадию капитализма, и ей были присущи основные черты империализма. Вместе с тем в ее социально-экономическом и политическом строе сохранялись феодално-крепостнические пережитки. Российский рабочий класс страдал не только от развития капитализма, но и от недостаточного его развития. Остатки крепостничества в деревне, огромное аграрное перенаселение, техническая отсталость промышленности обуславливали сохранение грубых, примитивных форм эксплуатации, чрезвычайно длинного рабочего дня и низкой заработной платы, несовершенного фабричного законодательства и т. д. Но особенно острым был конфликт «между капитализмом, высоко развитым в нашей промышленности, значительно развитым в нашем земледелии, и *землевладением*, которое продолжает оставаться средневековым, крепостническим»³.

Сохранение помещичьего землевладения имело своей оборотной стороной малоземелье крестьян. В 1905 г. 28 тыс. помещиков владели 62 млн десятин (в среднем 2227 десятин на каждого), что составляло более 70% всего частного землевладения. В то же время 10 млн крестьянских дворов имели только 73 млн десятин земли⁴. Из 85 миллионного крестьянского населения России не менее 70 млн были безземельными и малоземельными. Из них 16 401 тыс. имели от 0,23 до 0,9 десятины, 53 599 тыс. крестьян — от 1 до 1,75 десятины земли на душу⁵. «Куренка выпустить некуда», — образно говорили крестьяне центральных губерний о своих ничтожных наделах.

Широкое распространение отработочной системы, являвшейся пережитком барщины, других кабальных форм найма, непосильные государственные налоги, земские подати и огромные выкупные платежи по реформе 1861 г. сковывали развитие производительных сил в сельском хозяйстве, консервировали низкую агрикультуру и рутинную технику земледелия, разоряли и без того нищую русскую деревню. «Крестьянин, — писал В. И. Ленин, — был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже *откупаясь* от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожаяев, которые возвращались все чаще и чаще»⁶. В. И. Ленин подчеркивал, что «аграрный вопрос составляет основу буржуазной революции в России и обуславливает собой национальную особенность этой революции.

Сущность этого вопроса составляет борьба крестьянства за уничтожение помещичьего землевладения и остатков крепостничества в земледельческом строе России, а следовательно, и во всех социальных и политических учреждениях ее»⁷.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 309.

⁴ Там же, т. 16, с. 201.

⁵ С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, ч. 1. М., 1974, с. 99.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 431.

⁷ Там же, т. 16, с. 403.

В стране, где капитализм стал господствующим способом производства, политическая власть находилась в руках помещиков, сохранялась самодержавная форма правления. Полицейско-бюрократический гнет, отсутствие демократических свобод тяжело сказывались на всех трудящихся и эксплуатируемых и особенно на рабочем классе. Рабочие не имели права устраивать стачки, издавать газеты, создавать союзы, собираться на собрания. Рабочий класс по закону не мог иметь своей партии. РСДРП находилась в глубоком подполье, а ее вождь В. И. Ленин вынужден был скрываться в эмиграции. Принадлежность к РСДРП рассматривалась как тяжчайшее преступление, каравшееся ссылкой в отдаленные местности и каторжными работами. «Политическая свобода необходима России, как воздух необходим для дыхания человека,— отмечал В. И. Ленин.— Без свободы печати, собраний, союзов и стачек не может жить и развиваться Россия, и прежде всего, больше всего нуждается в этих свободах пролетариат, которого бесправие русской жизни связывает по рукам и ногам в необходимой для него борьбе за повышение заработной платы, за сокращение рабочего дня, за улучшение жизни»⁸.

Социальный и политический гнет тесно переплетался с гнетом национальным. Царское самодержавие искусственно задерживало экономическое и культурное развитие большинства национальных районов, превратив их в сырьевые придатки центра страны. Оно преследовало нерусские народы, составлявшие более половины населения страны, стремилось посеять между ними вражду и недоверие, проводя политику «разделяй и властвуй». Это делало чрезвычайно острым еще одно противоречие — между самодержавием и угнетенными им народами России.

Разрешить имевшиеся противоречия, обеспечить дальнейшее прогрессивное развитие страны могла только революция. Буржуазно-демократическая по своему характеру и социально-экономическому содержанию, она должна была ликвидировать в стране остатки крепостничества, расчистить почву для свободного и быстрого развития капитализма, для борьбы пролетариата за социализм. На демократическом этапе революции, происходившей в условиях империализма, борьба народных масс направлялась также и против империалистической буржуазии, тесно связанной экономическими и политическими узами с помещиками и царизмом, заинтересованной в сохранении крепостнических пережитков, позволявших ей нещадно подавлять и грабить трудящихся, получать максимальные прибыли как в центре страны, так и на ее национальных окраинах. Борясь против буржуазии за улучшение условий труда и быта, пролетариат в городе и деревне вел одновременно ту вторую социальную войну, которая пока не выходила за рамки капитализма, но имела своей конечной целью ликвидацию всякой эксплуатации, социалистическое переустройство общества.

Революция 1905—1907 гг. являлась подлинно народной революцией не только по своим целям и требованиям, имевшим общенародное значение, но также и по движущим силам. Впервые гегемоном в буржуазно-демократической революции выступил пролетариат, союзником которого стали крестьяне, а также демократические слои городского населения. Имея в виду гегемонию пролетариата в революции и значение, которое занимала в ней чисто пролетарская форма борьбы — революционная массовая стачка, В. И. Ленин называл революцию 1905—1907 гг. в этом смысле пролетарской⁹. В русской революции сложилась новая расстановка классовых и политических сил, принципиально отличная от ранних буржуазных ре-

⁸ Там же, т. 22, с. 204.

⁹ Там же, т. 30, с. 311.

волюций. Если в тех революциях действовали два политических лагеря — правительственный и буржуазно-демократический во главе с либеральной буржуазией (и именно такую расстановку классовых сил отстаивали для российской революции кадеты, а за ними и меньшевики), то в России выступили три лагеря — революционно-демократический, либерально-буржуазный и царистско-помещичий.

В условиях достаточно высокого развития капитализма, острых классовых антагонизмов российская буржуазия не могла и не стала гегемоном революции, как это было в странах Западной Европы в период буржуазных революций. Занимая господствующие позиции в экономике страны, российская буржуазия не имела политической власти и мечтала ее получить. Однако тесная связь буржуазии с помещиками и царизмом, ее зависимость от казенных заказов и правительственных денежных субсидий и в то же время боязнь рабочего движения обусловили ее политическую слабость, инертность, непоследовательность; она больше страшилась революции, чем реакции.

Даже главная партия либеральной буржуазии — партия кадетов (не говоря уже об октябристах), находясь в оппозиции самодержавию, не шла дальше требований конституционной монархии и отдельных частных реформ. В то же время она стремилась отвлечь народные массы от революционной борьбы, направить ее в реформистское русло. Чем выше поднималась волна революции, тем больше либеральная буржуазия страшилась натиска масс и тем охотнее стремилась к сделке с царизмом за спиной народа. После Всероссийской октябрьской политической стачки и издания манифеста 17 октября и особенно после декабрьских боев 1905 г. либералы окончательно перешли на контрреволюционные позиции.

Более половины населения страны составляла мелкая буржуазия, прежде всего крестьянство, заинтересованное в ликвидации помещичьего землевладения и других феодально-крепостнических пережитков и являвшееся революционной силой. Были заинтересованы в ликвидации самодержавия и демократизации страны, ограничении капитала, улучшении условий труда и быта городские средние слои (студенчество, демократическая интеллигенция, служащие, ремесленники, мелкие торговцы и т. п.). Однако из-за своего промежуточного положения между буржуазией и пролетариатом, социальной и политической неустойчивости, распыленности, слабой организации и сознательности мелкая буржуазия не способна была к самостоятельной революционной борьбе, не говоря уже о руководящей роли в ней. Опыт России в данном случае является весьма показательным и актуальным при оценке попыток буржуазных социологов и политиков умалить роль рабочего класса и представить средние слои современного общества в качестве главной и решающей силы классовой борьбы. Созданная в 1902 г. мелкобуржуазная партия социалистов-революционеров (эсеров) выдвинула революционно-демократические требования по аграрному вопросу — ликвидации помещичьего землевладения и уравнительного распределения земли между крестьянами. Однако эсеры смешивали буржуазную национализацию земли с ее социализацией, вводили в заблуждение крестьянство (обещая ему «социализацию» земли) и рабочий класс, распространяя совершенно неверные представления о «социалистичности» крестьянского движения. Наконец, эсеры игнорировали классовую борьбу как единственный путь освобождения трудящихся от всякой эксплуатации, подменяли ее террором и мелкобуржуазным реформаторством. Столь же непоследовательны и эклектичны были программы других мелкобуржуазных, в том числе национальных партий.

Единственным классом, который не только являлся наиболее последовательным и активным борцом за демократию, но и способен был повести

за собой широкие народные массы, был пролетариат. В конце XIX — начале XX в. рабочий класс России стал самостоятельной социальной и политической силой. Его численность в 1900 г. составляла около 14 млн человек. Ядром пролетариата, наиболее передовым и организованным его отрядом (около 2,5 млн человек) являлись рабочие крупных предприятий (фабрично-заводской обрабатывающей, горной и горнозаводской промышленности) и железных дорог. Такая особенность формирования пролетариата России, как высокая концентрация на крупных капиталистических предприятиях способствовала его сплоченности. Велика была численность сельскохозяйственных рабочих (4,7 млн), рабочих, занятых на дому и в мелкой промышленности (2 млн), в лесном хозяйстве и чернорабочих (2 млн), несколько меньше (около 1 млн) — строительных рабочих. В многонациональной стране, какой была Россия, пролетариат складывался как многонациональная сила.

Придавая важное значение росту численности пролетариата для его борьбы, В. И. Ленин, однако, не абсолютизировал чисто количественные показатели, как это делали русские меньшевики и ревизионисты из II Интернационала. Он показывал, что сила рабочего класса в общественном движении неизмеримо больше его доли в общей массе населения и зависит от роли пролетариата в экономике страны, от его сознательности и организованности, от связи с массой трудящихся¹⁰.

Пролетариат являлся авангардом потому, что по своей природе объективно был способен в социальном смысле идти дальше и делать больше, чем другие участники борьбы. Именно пролетариат мог не только довести до конца все демократические преобразования, но и бороться за полную ликвидацию капиталистического строя, за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Вместе с тем это был тот отряд, который в идейном плане оказался более подготовленным, а в политическом — более инициативным, более предприимчивым, который сумел предложить программу действий, указывающую путь всему революционно-демократическому лагерю.

Ко времени революции рабочий класс России прошел немалый путь борьбы от отдельных стихийных стачек 60—70-х годов до массовых экономических стачек середины 90-х годов и политических выступлений начала XX в. (стачки и демонстрации), проходивших под руководством социал-демократии. Это был в то же время сложный путь формирования пролетарской идеологии, путь от разрозненных кружков и организаций к созданию революционной марксистской пролетарской партии.

С именем В. И. Ленина связана разработка теоретических проблем рабочего движения в России, определение задач социал-демократии. В. И. Ленин сформулировал и обосновал идею об исторической роли российского пролетариата как передового борца за демократию и социализм, как гегемона революции. Под его руководством произошло в России соединение социализма с рабочим движением и была создана революционная марксистская партия нового типа. Ленинская партия принципиально отличалась от социал-демократических партий западноевропейских стран, которые в начале XX в. все дальше отходили от научного социализма, превращались в организации реформистского толка, неспособные возглавить массы в ходе нараставшего революционного подъема. Она являлась боевым авангардом рабочего класса, верным марксизму, тесно связанным с массами, выступала как партия революционного действия.

Ленинское учение о партии исходило из основополагающих положений марксистской теории, являлось результатом учета и обобщения опыта не

¹⁰ Там же, т. 3, с. 13; т. 8, с. 403—404; т. 12, с. 117; т. 40, с. 23; «Ленинский сборник», т. XI. М.—Л., 1929, с. 391.

только российского, но и всего международного революционного движения, отражало объективные закономерности классовой борьбы в эпоху перехода от капитализма к социализму. Прошедшие десятилетия доказали правоту этого учения. Свидетельство тому — руководящая роль большевистской партии в Великой Октябрьской социалистической революции, в построении социализма в СССР. Свидетельство тому — рождение после Октября во многих странах мира партий, подобных ленинской, которые повели трудящихся на борьбу за демократию и социализм.

Уже в 1905—1907 гг. РСДРП стала массовой партией, объединив 150 тыс. членов¹¹. Рабочие составляли в ней 64%, интеллигенция — 32%, служащие — 4%¹². Однако массовый характер партии определялся не только числом ее членов, но и тесными связями с трудящимися во всех слоях общества. Одно из важнейших условий победы революции В. И. Ленин видел в том, чтобы революционная партия, последовательно выражая классовую точку зрения пролетариата, сблизилась, до известной степени слилась «с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но также и с непролетарской трудящейся массой»¹³.

Принятая на II съезде РСДРП программа партии, ориентируя пролетариат на достижение своей конечной цели — совершение социалистической революции и установление диктатуры пролетариата, предусматривала осуществление в первую очередь программы-минимум, отвечавшей интересам не только рабочего класса, но и широких народных масс. Она предусматривала проведение буржуазно-демократической революции, свержение самодержавия, установление демократической республики, конфискацию помещичьих земель, улучшение положения рабочих и всех трудящихся и эксплуатируемых (в том числе введение 8-часового рабочего дня), установление национального равноправия, предоставление каждой нации права на самоопределение.

В условиях империализма особенно важное значение приобрела связь борьбы за демократию и за социализм. Уже в начале XX в. в России проявилась закономерность современного мирового революционного процесса — отмеченная В. И. Лениным тенденция к сближению демократической и социалистической революций. В. И. Ленин, большевики выделяли буржуазно-демократический этап революции как вполне самостоятельный, без которого в условиях России невозможно было немедленное полное освобождение рабочего класса, разоблачали троцкистов, игнорировавших демократический этап, проповедовавших «перепрыгивание» непосредственно к решению социалистических задач. Вместе с тем они подчеркивали единство демократических и социалистических задач пролетариата, критиковали меньшевиков, возводящих стену между той и другой революцией, показывали, что демократическая и социалистическая революции при всем различии их классового содержания являются двумя этапами единого революционного процесса. «... От революции демократической, — писал В. И. Ленин, — мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции»¹⁴. Решение этой задачи требовало перегруппировки классовых сил, перехода пролетариата от союза со всем крестьянством к союзу с беднейшим крестьянством и другими полу-пролетарскими слоями трудящихся.

¹¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2. М., 1966, с. 215.

¹² М. С. В о л и н. К вопросу об изучении состава большевистской партии накануне и в период революции. В кн. «Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение». М., 1976, с. 175.

¹³ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 41, с. 7.

¹⁴ Там же, т. 41, с. 222.

В то же время гегемония пролетариата в демократической революции позволяла уже в ходе ее делать реальные шаги, облегчающие ее перерастание в революцию социалистическую. Существенное значение в этом процессе имели изоляция либеральной буржуазии, конфискация помещичьих земель и национализация всей земли, завоевание демократических свобод, установление народовластия и др.

В условиях начавшейся революции, учитывая опыт Парижской Коммуны, В. И. Ленин выдвинул полностью поддержанное III съездом РСДРП (апрель 1905 г.) принципиально новое положение о необходимости установления в результате победы буржуазно-демократической революции революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Решение этой задачи предполагало слом, ликвидацию военно-бюрократической государственной машины царизма и привлечение революционного народа к участию в управлении государством. Новая власть была бы диктатурой огромного большинства над меньшинством. Участие социал-демократии во временном революционном правительстве — политическом органе революционно-демократической диктатуры, включающем «самых разнородных представителей революционной демократии»¹⁵, позволило бы развернуть беспощадную борьбу с контрреволюцией не только «снизу», но и «сверху», осуществить весь комплекс демократических преобразований и обеспечить дальнейшее развертывание и перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В процессе революции возникла политическая форма революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В 1905 г., особенно в период высшего подъема революции — октябре — декабре, творчеством революционного народа, начавшего разрушать старые органы власти, были созданы невиданные ранее в истории массовые политические организации трудящихся — Советы рабочих депутатов. В. И. Ленин прозорливо увидел в Советах зародыши новой революционной власти, органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, подготовки и проведения вооруженного восстания. В городах и рабочих поселках страны было создано 54 Совета¹⁶. Они являлись центрами объединения революционных сил: рабочих, крестьян, ремесленников, солдат и матросов, демократической интеллигенции, служащих и мелкой городской буржуазии. Но руководящую роль в этом объединении осуществлял рабочий класс, возглавляемый большевиками. «По существу дела Совет рабочих депутатов является неоформленным, широким боевым союзом социалистов и революционных демократов...»¹⁷, — писал В. И. Ленин. Роль Советов как общенародных центров революционного движения и органов народной власти проявилась в их повседневной деятельности: введении явочным порядком свободы печати и 8-часового рабочего дня, регулировании хозяйственной жизни, охране предприятий, создании народной милиции и революционного суда, руководстве стачечной и вооруженной борьбой и т. д. В некоторых местах были созданы маленькие «республики» (Новороссийская, Читинская, Люботинская, Красноярская и др.), в которых власть фактически находилась в руках Советов.

В феврале 1917 г. российский пролетариат использовал полученный в годы первой революции опыт создания Советов, а после победы Октября Республика Советов стала политической формой диктатуры пролетариата.

III съезд РСДРП поставил задачу укрепления единства рабочего класса и сплочения вокруг него всех левых революционных сил страны, создания

¹⁵ Там же, т. 10, с. 18.

¹⁶ Н. Н. Демочкин. В. И. Ленин и образование Республики Советов. М., 1974, с. 46—51.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 130.

широкого демократического фронта, включающего помимо пролетариата крестьянство, городские средние слои, угнетенные народы России. Тактика «левого блока», обоснованная В. И. Лениным, творчески обобщала опыт международного революционного движения. «Не было *ни одного* буржуазно-освободительного движения в мире, — писал В. И. Ленин, — не дающего примеров и образцов „левоблокистской“ тактики, причем *все* победоносные моменты этих движений связаны *всегда* с успехами этой тактики...»¹⁸. Применяя левоблокистскую тактику, большевики категорически выступали против слияния всех левых сил «в один революционный хаос»¹⁹, не ослабляли идейной борьбы с мелкобуржуазными партиями. В. И. Ленин постоянно подчеркивал, что пролетариат поддерживает мелкобуржуазную демократию лишь постольку, поскольку она борется за свободу и демократию, что пролетарская партия отвергает беспринципные, вредные и ненужные соглашения²⁰. Задача рабочего класса как гегемона революции заключалась в политическом просвещении мелкобуржуазных масс, в борьбе с их ограниченностью, в высвобождении из-под влияния либеральной буржуазии и вовлечении в революцию. Левоблокистская тактика была направлена на изоляцию либеральной буржуазии, что являлось одним из важнейших условий гегемонии пролетариата. Вот почему левоблокизм был органически чужд меньшевикам, которые недооценивали революционные возможности крестьянства, считали гегемоном освободительного движения в России либеральную буржуазию.

Тактика «левого блока» в 1905—1907 гг. проявилась в совместных выступлениях революционных классов, в координации действий и заключении соглашений большевиков с меньшевиками, эсерами, другими мелкобуржуазными партиями в ходе массовых стачек, вооруженных восстаний, избирательных кампаний, в сотруничестве их в Советах, профсоюзах, стачечных комитетах, в Государственной думе и т. д.

Разработка В. И. Лениным тактики «левого блока», осуществление ее в ходе революции опровергают измышления буржуазных фальсификаторов истории и ревизионистов о якобы бланкистской, бунтарско-заговорщической тактике большевистской партии, об отрицании большевиками каких-либо союзов и соглашений с другими партиями, с непролетарскими слоями населения. Тактика «левого блока», впервые примененная в период империализма большевиками, взята на вооружение коммунистическими и рабочими партиями других стран и широко используется в современных условиях.

Революция 1905—1907 гг. продемонстрировала многообразие форм и методов борьбы, вооруженных и мирных, парламентских и внепарламентских, легальных и нелегальных, применяемых в зависимости от конкретных исторических условий. При этом рабочий класс наложил свой отпечаток на все основные средства борьбы.

Исключительное значение в борьбе против самодержавия и буржуазии, в вовлечении масс в революцию и их сплочении вокруг пролетариата имела революционная массовая стачка. Стаечная, пролетарская форма борьбы, применявшаяся во всех странах буквально с первых шагов рабочего движения, в условиях революции приобрела не только грандиозный размах, но и новое качество. Только по официальным данным в 1905 г. бастовало 3 млн фабрично-заводских рабочих, а по подсчетам исследователей число стачечников превысило 5 млн человек²¹, что значительно превосходило масштабы стачечной борьбы в передовых капиталистических странах. Даже в период отступления революции число стачечников (по данным фабричной инспек-

¹⁸ Там же, т. 21, с. 89.

¹⁹ Там же, т. 9, с. 281.

²⁰ Там же, т. 14, с. 289.

²¹ «Исторические записки», т. 52. М., 1955, с. 173.

ции) составляло в 1906 г. свыше 1 млн человек, а в 1907 г. — 740 тыс²². Массовая стачка, являясь главной пружиной развития революционного движения, определяя его подъемы и спады, отличалась такими чертами, как сочетание и взаимодействие экономических и политических форм борьбы; она имела общенародный характер, была неразрывно связана с восстанием, стала важным средством осуществления гегемонии пролетариата.

К осени 1905 г. среди не только рабочих, но и городской демократии, мелкобуржуазных партий и организаций получила признание идея проведения всеобщей стачки. Призывом к бойкоту законосовещательной булыгинской Думы и проведением всеобщей стачки большевикам удалось сплотить демократические силы, на деле осуществить тактику «левого блока».

Всероссийская политическая стачка, потрясая страну в октябре 1905 г., явилась одним из центральных событий первой российской революции и крупным событием международного рабочего движения — это была первая в мировой истории всеобщая, «всенародная», как называл ее В. И. Ленин, революционная стачка²³. Она была таковой по своим политическим и экономическим целям, выражавшим общенародные задачи революции, и по составу основных, наиболее последовательных борцов. Помимо 2 млн фабрично-заводских, горных, горнозаводских рабочих, железнодорожников, в стачке приняли участие чиновники и служащие государственных учреждений, почты и телеграфа, торговых предприятий и городского транспорта, интеллигенция, студенты, учащиеся средних учебных заведений. «Социалистический пролетариат, — писал В. И. Ленин, — на практической, боевой задаче объединился, без всякого соглашения и без всякого договора, с пробудившимися слоями революционной буржуазной демократии»²⁴. Примкнула к стачке и либеральная буржуазия, преследуя свои цели. Однако после издания манифеста 17 октября либеральная буржуазия идет на сделку с монархией, что означало переход ее как класса на «соответствующую его экономическим интересам контрреволюционную позицию»²⁵.

Всеобщая стачка вынудила царизм объявить о «конституционных» свободах, однако, решающей победы, как и предсказывали большевики, с ее помощью добиться не удалось. Уже на III съезде РСДРП, исходя из опыта революционных боев в других странах, анализа конкретной обстановки в России, большевики указали на то, что средством свержения самодержавия может быть только всенародное вооруженное восстание. В подготовке и ходе его важная роль отводилась и массовой стачке.

События одиннадцати месяцев 1905 г. свидетельствовали о назревании и неизбежности восстания в стране. Большое значение имела его идейно-политическая и военно-техническая подготовка. Большевики выпускали литературу, создавали боевые и санитарные дружины, заготавливали оружие и т. д. Боевые организации работали при Петербургском, Московском, Рижском, Ивано-Вознесенском, Ревельском и других комитетах РСДРП, на Урале и Кавказе, в Донбассе. Постоянное внимание подготовке вооруженного восстания уделял В. И. Ленин, особенно после своего возвращения из эмиграции в Россию в ноябре 1905 г.

В начале декабря большевикам вновь удалось добиться единства действий левых сил относительно проведения всеобщей политической забастовки, которая на этот раз переросла в вооруженное восстание. Декабрьские вооруженные восстания в Москве, а также Сормове, Донбассе, Ека-

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, с. 379.

²³ Там же, т. 12, с. 27; т. 54, с. 480.

²⁴ Там же, т. 12, с. 13.

²⁵ Там же, т. 21, с. 102—103.

теринославе, Харькове, в Ростове-на-Дону, Новороссийске, в Грузии, в Чите, Красноярске и других местах знаменовали собой высший подъем революции, вписали яркие страницы в историю революционной борьбы.

В отличие от восстаний, происходивших в ходе революций в других странах, особенностью восстаний в России была их неразрывная связь, сочетание с массовой стачкой. Принципиально новыми чертами являлся их подлинно массовый, всенародный характер, гегемония пролетариата, руководство революционной марксистской партии.

Хотя восстания по ряду причин (разрозненность выступлений пролетариата, нехватка оружия, оборонительная тактика, слабая поддержка крестьянами и солдатами и др.) потерпели поражение, их значение было велико. Революционное движение поднялось на высшую ступень, пролетариат приобрел ценнейший практический опыт, который был использован в дальнейшем. Он получил боевое крещение, закалился, сплотил массы в вооруженных боях. Меншевицкую оценку восстания как ошибки большевики считали ренегатством.

В. И. Ленин видел в Октябрьской стачке и вооруженных восстаниях 1905 г. в России «величайшие движения пролетариата после Коммуны»²⁶, прообраз вероятных форм пролетарской революции на Западе²⁷. Всеобщая стачка и вооруженная борьба были использованы не только в России в 1917 г., но и в других странах — от Германии в 1918 г. до Кубы 1959 г.²⁸

В период отступления революции (1906—1907) важным средством воздействия пролетариата на широкие народные массы (наряду со стачками, профсоюзами, прессой и т. д.) стали парламентские формы борьбы, в которые рабочий класс сумел внести принципиально новое, революционное содержание. Выступая с лозунгами подготовки всенародного вооруженного восстания и созыва Учредительного собрания, большевики использовали избирательные кампании в I и II Думы для того, чтобы сплотить борцов за свободу, усилить сознательность и организованность российской демократии. Все 23 депутата, избранные во II Думу от рабочей курии, являлись членами РСДРП. Наиболее острая борьба с либералами развернулась в городской курии. В противоположность меньшевикам, которые отстаивали блок с кадетами, большевики выступали за создание блока с трудовиками, эсерами, энесами (народными социалистами) и частично с меньшевиками с тем, чтобы провалить представителей черносотенных и либеральных партий. Тактика «левого блока» с успехом была проведена в Петербурге и еще 38 городах страны. В 22 крупных городах кадеты получили около 74 тыс. голосов, а левые около 41 тыс.²⁹ «Гегемония кадетов над мелкобуржуазной городской демократией, — писал В. И. Ленин, — несомненно, серьезно подорвана на выборах во вторую Думу»³⁰. В большинстве национальных районов выборщиками, а затем депутатами в Думу были избраны социал-демократы. Всего во II Думе левые составляли 43% всех депутатов³¹.

В ходе работы Думы была выработана и успешно применена большевистская тактика использования реакционного парламента для революционного просвещения и организации масс, для укрепления гегемонии

²⁶ Там же, т. 17, с. 50.

²⁷ Там же, т. 17, с. 48; т. 30, с. 327, т. 41, с. 370.

²⁸ См. У. З. Фостер. Очерки мирового профсоюзного движения. М., 1956, с. 228; Ф. Кастро. Речи и выступления. М., 1960, с. 162.

²⁹ А. Смирнов. Как проходили выборы во 2-ю Государственную думу. СПб., 1907, с. 207.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, с. 407.

³¹ «Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции». М., 1975, с. 209.

пролетариата в освободительном движении. Открытое провозглашение программных требований большевистской партии в аграрном и национальном вопросах, последовательная защита рабочими депутатами интересов всего народа сыграли важнейшую роль в разоблачении реакционной политики царизма, в преодолении конституционных иллюзий и влияния либералов на крестьянство, в завоевании широких демократических масс на сторону пролетариата.

Практика последних десятилетий доказала справедливость неоднократно высказываемой В. И. Лениным мысли о необходимости использования мирных и вооруженных форм борьбы. После революции 1905—1907 гг. он писал: «...пролетариат не должен пренебрегать мирными орудиями борьбы — они служат его повседневным, будничным интересам, они необходимы в периоды подготовки революций — но никогда не должен он забывать и того, что классовая борьба при известных условиях выливается в формы вооруженной борьбы и гражданской войны; бывают моменты, когда интересы пролетариата требуют беспощадного истребления врагов в открытых боевых схватках»³².

Эпоха империализма характеризуется, с одной стороны, развитием социалистического рабочего движения в высокоразвитых капиталистических странах, с другой стороны, буржуазно-демократическим и национально-освободительным движением в колониальных и зависимых странах. В России в 1905—1907 гг. эти революционные потоки впервые слились. Соединение рабочего, крестьянского, национально-освободительного движения, движения городских демократических слоев при гегемонии пролетариата обусловили грандиозный размах и международное значение российской революции.

В 1905 г. произошло 3228 крестьянских выступлений, в 1906 г. — 2600, в первую половину 1907 г. — 902³³. Наибольший подъем крестьянского движения наблюдался в октябре — декабре 1905 г., т. е. приходился на период высшего подъема рабочего движения. В 1905—1907 гг., по далеко неполным данным, имели место 723 выступления сельскохозяйственных рабочих, главным образом стачки (что составляло 13,4% всех выступлений против помещиков)³⁴. Подчеркивая, что весной и осенью 1905 г., а также весной 1906 г. крестьянские восстания охватили от 1/3 до 1/2 уездов Центральной России, В. И. Ленин писал: «Только пролетариат беззаветно помогал этой революционной борьбе, всесторонне направлял ее, руководил ею, объединял ее своими массовыми стачками»³⁵.

Под влиянием рабочего и крестьянского движения в революционную борьбу включились армия и флот, в основном состоявшие из крестьян. Каждый подъем стачечного и крестьянского движения сопровождался солдатскими восстаниями во всех концах страны. В 1905—1906 гг. в армии было зарегистрировано не менее 437 солдатских выступлений. Характерно, что на октябрь — декабрь 1905 г. приходится наибольший размах движения в армии и на флоте. В это время произошло 195 массовых революционных выступлений солдат³⁶, т. е. почти половина их общего числа.

Вошли в историю восстания на броненосце «Потемкин» и крейсере «Очаков», Свеаборгское восстание солдат и матросов — свидетельство интернациональной солидарности, прочных революционных связей рус-

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 454.

³³ С. М. Дубровский. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956, с. 42.

³⁴ Там же, с. 77.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, с. 362.

³⁶ «Борьба большевиков за армию в трех революциях». М., 1969, с. 47, 64.

ского и финского народов в борьбе против самодержавия и многие другие. Для работы в войсках большевики создали военные организации, число которых в 1905 г. достигло 27³⁷. «Октябрьская стачка и декабрьское восстание, с одной стороны, крестьянские восстания на местах и восстания солдат и матросов были именно „союзом сил“ пролетариата и крестьянства»³⁸, — писал В. И. Ленин. Вместе с тем революция показала необходимость дальнейшего укрепления союза с крестьянством, недостаточность нейтрализации армии и важность решительной борьбы за переход ее на сторону народа.

Из средних городских слоев наиболее активно участвовало в революции студенчество, демократическая интеллигенция, служащие. Под влиянием пролетарской борьбы городская демократия проделала путь от петиционной кампании до открытого протеста в форме стачек, митингов и демонстраций, участия в вооруженных восстаниях, от экономических требований — к требованиям политических свобод. С февраля по сентябрь 1905 г. продолжалась всероссийская студенческая забастовка, за первые девять месяцев революции произошло 235 стачек железнодорожных рабочих и служащих, 130 стачек торговых служащих, в 23 городах состоялись стачки фармацевтов и т. д. Городские демократические слои внесли существенный вклад во Всероссийскую октябрьскую стачку, а наиболее передовые их представители участвовали в заготовке и хранении оружия, входили в боевые и санитарные дружины, строили баррикады, сражались с оружием в руках в ходе восстаний. Самое активное участие приняли интеллигенция, служащие, студенты в создании профсоюзов, в деятельности Советов, открыто признавая руководящую роль пролетариата в общенародной борьбе.

Под воздействием пролетариата и в связи с его борьбой развивалось национально-освободительное движение. Большое значение имело интернациональное единство многонационального пролетариата России, которое проявилось уже в январские дни 1905 г. и особенно отчетливо во время Всероссийской октябрьской политической стачки, объединившей, по словам В. И. Ленина, «в героическом подвиге самого угнетенного и самого передового класса *все народы* проклятой „империи“ Российской»³⁹. Важную роль в вовлечении в революционное движение широких народных масс национальных окраин имел тот факт, что большевики неизменно связывали борьбу за национальное освобождение с решением самых насущных общеполитических и социальных проблем, и прежде всего аграрного и рабочего вопросов. Переплетение национального движения с аграрным прослеживалось в Польше, Литве, Белоруссии, на Кавказе, Украине и других районах. Против русификаторской политики царизма боролась демократическая интеллигенция. Народы национальных окраин на практике убеждались, что решающее значение для успеха национально-освободительного движения имела борьба пролетариата и крестьянства всей России, братская помощь русского рабочего класса, что национальная буржуазия «*предает* интересы свободы, родины, языка и нации, когда встает пред ней революционный пролетариат»⁴⁰. Так, благодаря общему выступлению пролетариата всей страны в октябре 1905 г., поддержке финских трудящихся русскими рабочими и солдатами была восстановлена автономия Финляндии, создан однопалатный сейм на основе всеобщего избирательного права. Когда в ноябре 1905 г. для подавления мощного

³⁷ Ю. И. К о р а б л е в. Военная работа петербургских большевиков в революции 1905—1907 гг. М., 1955, с. 89.

³⁸ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 17, с. 342.

³⁹ Там же, т. 12, с. 2.

⁴⁰ Там же, т. 7, с. 241.

революционного движения в Домбровском бассейне в Польше было введено военное положение, рабочий класс России забастовкой добился отмены этого решения. Борьба угнетенных народов усиливала общий натиск на самодержавие, делала его, по словам В. И. Ленина, «особенно энергичным»⁴¹.

Первая российская революция потерпела поражение. Однако она до основания потрясла устой самодержавия. Революция явилась величайшей школой политического воспитания масс, показала в действии все классы и партии, выявила их подлинное лицо, обогатила массы ценнейшим опытом классовой борьбы, который был использован в ходе Февральской и Великой Октябрьской социалистической революций, облегчив их победу.

Революция 1905—1907 гг. подтвердила на практике основные теоретические положения марксизма, доказала правильность большевистской стратегии и тактики и несостоятельность догм оппортунистов II Интернационала, русских меньшевиков, других, мелкобуржуазных партий. События в России продемонстрировали могучую силу рабочего класса — гегемона революции, исключительное значение его союза с крестьянством, городскими демократическими слоями, национально-освободительным движением, решающую роль революционной пролетарской партии в руководстве классовыми битвами трудящихся. Они разрешили происходивший среди социал-демократов спор о месте и роли массовой и всеобщей стачки в революции, доказали возможность восстаний в условиях большого города. Все эти закономерности народной революции в эпоху империализма получили подтверждение на опыте Февральской и особенно Великой Октябрьской социалистической революции, а затем народно-демократических, социалистических революций в ряде других стран мира.

Подчеркивая вклад В. И. Ленина, партии большевиков в теорию и практику мирового пролетарского движения, Л. И. Брежнев говорил: «Ленинское учение о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, об отношении к другим классам и партиям, о тактике пролетарской партии в периоды подъема и спада революции — все это и сейчас составляет большевистский „образец тактики для всех“, кому еще предстоит свергнуть эксплуататорский строй»⁴².

Российская революция вызвала бурный подъем пролетарского и общедемократического движения в большинстве капиталистических стран мира. Уже 30 апреля 1905 г. чешская газета «Право лиду» писала: «Русская революция оплодотворяет, освящает революционный дух рабочего класса всей Европы, повышает его революционную решимость и энергию. Своим примером она создает во всем мире атмосферу, которая будет благоприятствовать во всех государствах началу великих битв между миром труда и миром капитала». Только в четырех крупных капиталистических странах Западной Европы в 1905—1907 гг. было на 1 млн стачечников больше по сравнению с предыдущим трехлетием. Особенно усилилось рабочее движение в Германии. Стаечные бои развернулись в Англии, Италии, Австро-Венгрии. Невиданного размаха достигло в 1905—1907 гг. рабочее движение на Балканах — в Румынии, Болгарии, Сербии. В скандинавских странах, в Соединенных Штатах Америки и Японии чувствовалось дыхание русской революции.

Под влиянием российской революции, обострения классовой борьбы во многих странах происходило более четкое размежевание революцион-

⁴¹ Там же, т. 9, с. 381.

⁴² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речь и статья, т. 2. М., 1970, с. 555.

ного и оппортунистического течений внутри международной социал-демократии. Укрепляется ее левое, революционное крыло, усиливаются позиции большевиков на международной арене.

Революция в России оказала огромное влияние на развитие национально-освободительного движения в странах Востока. В 1905—1912 гг. произошли буржуазные революции в Иране, Турции, Китае, начался подъем национально-освободительного движения в Иране, Афганистане, Индонезии и других странах ⁴³. «Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы знаменуют открывшуюся в начале XX века новую полосу всемирной истории» ⁴⁴, — писал В. И. Ленин. С победой Октябрьской революции в России, социалистических и народных революций в странах Европы, Азии и Америки социализм превратился в мировую систему, произошло крушение колониальной системы империализма. Это означало торжество марксистско-ленинских идей, освещающих путь всем народам, борющимся за демократию и социализм.

---

⁴³ «Революция 1905—1907 годов в России». М., 1975, с. 390—408.

⁴⁴ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 23, с. 146.

М. БАРНОВСКИЙ

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЗИЦИЙ БУРЖУАЗНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СЛОВАКИИ ПЕРИОДА НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ И РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА 40-Х ГОДОВ

Деятельность буржуазных политических партий в указанный период уже давно привлекает внимание историков. Эта проблема рассматривалась в связи с изучением истории рабочего движения, антифашистского движения Сопротивления и развития национально-демократической революции. Позднее ей были посвящены специальные работы, результаты которых значительны и во многих аспектах представляют интерес, однако их все же никоим образом нельзя назвать исчерпывающими.

В статье предпринята попытка, опираясь на имеющиеся в современной историографии достижения в изучении данного вопроса, а также на наши выводы в исследовании указанной проблемы, проследить эволюцию позиции словацкой буржуазии в период национально-освободительной борьбы и в годы революции 1944—1948 гг.¹ Поскольку основной фактический материал о политической деятельности буржуазии более или менее известен, в статье сделан акцент на анализе эволюции позиций, которые занимала буржуазия в исследуемый период.

Краткий экскурс в прошлое облегчит понимание поведения буржуазии в годы второй мировой войны и национально-демократической революции. До 1918 г. словацкая буржуазия практически не оказывала никакого влияния на политику правящих классов в Венгрии, была слабой, не имела доступа к власти. Ее политические акции 1848 и 1861 гг., направленные на освобождение от национального гнета, не принесли успеха. Поэтому с начала 80-х годов XIX в. словацкая буржуазия избирает тактику неучастия в выборах.

Бурные события начала XX в. вывели словацкую буржуазию из состояния пассивности и способствовали ее политической активизации и дифференциации. Но при этом характерно, что прежний конфессионализм словацкой буржуазии не был полностью преодолен. Позднее эта религиозная дифференциация закрепились в четко очерченных политических партиях и течениях. Вместе с тем ни одна из политических группировок

¹ В статье анализируются позиции прежде всего словацкой национальной буржуазии. Вопрос о политике и позиции инонациональной буржуазии в Словакии, требующий специального изучения, не является здесь предметом исследования. Следует также отметить, что речь не всегда идет о позициях буржуазных партий, поскольку антифашистская буржуазия не имела политической партии и приступила к ее созданию лишь в период Словацкого национального восстания. Поэтому в отношении ее было бы более правильным говорить о буржуазных политических группах или течениях.

буржуазии не выдвигала программных требований и целей, выходявших за рамки либерально-демократических реформ и австро-венгерской государственности.

В революционные дни 1918 г. словацкая буржуазия объявила себя сторонницей чехословацкой государственности, поскольку она была политически настолько слаба, что без помощи и поддержки чешской буржуазии оказывалась не в состоянии справиться с аппаратом власти старого режима и с революционной ситуацией в стране. Можно сказать, что словацкая буржуазия, как политическая сила, с разветвленной структурой массовых политических партий, сформировалась лишь в период домюнхенской республики. Различные политические партии имели свои программы, свою идеологию, между ними сложилось определенное «разделение труда», существовала конкуренция.

При освещении рассматриваемой темы будем исходить из принятого деления буржуазных партий на «чехословакистские» — централистские и автономистские. В основе такого деления лежит подход к словацкому вопросу, хотя безусловно в нем находят отражение две различные буржуазные концепции решения более широкого комплекса проблем. Чтобы лучше это понять, необходимо принять во внимание экономическую слабость словацкой национальной буржуазии, состоявшую преимущественно из мелких и средних предпринимателей, ожидавшую от нового государства укрепления и расширения своих экономических позиций прежде всего за счет инонационального капитала. Именно на основе борьбы за вытеснение иностранного капитала и овладение экономическими позициями складывалось сотрудничество чешской и словацкой буржуазии. Словацкая буржуазия получала немало от такого сотрудничества. В домюнхенской республике экономический ее потенциал в промышленности, финансах и сельском хозяйстве достиг таких масштабов, которые были немислимы в Венгрии. Словацкая буржуазия была зависима от более сильной в экономическом и политическом отношениях чешской буржуазии, которая могла защищать ее от империалистических appetитов соседних держав и от революционного движения внутри страны.

Вместе с тем между чешской и словацкой буржуазией существовал антагонизм, вытекающий из самого существа капиталистического строя. Экономическая отсталость Словакии, а вследствие этого и более низкая конкурентоспособность словацкой буржуазии, ограниченные возможности участия в государственном аппарате, захваченном чешскими чиновниками — все это не удовлетворяло словацкую буржуазию. Лишь ее сравнительно узкая прослойка обогатилась и заняла выгодные позиции, в то время как масса мелких производителей и предпринимателей в городе и деревне по-прежнему владели жалкое существование, будучи не в состоянии избавиться не только от гнета монополий, но и от притеснений инонациональных предпринимателей.

С определенной долей упрощения можно утверждать, что опорой централистских партий в Словакии являлись буржуазные и мелкобуржуазные слои, которые связали свою судьбу с чешскими концернами и обогатились, обеспечив себе места в государственных учреждениях, а также круги буржуазии, не испытывавшие конкуренции со стороны чешских монополий. Эту часть буржуазии устраивала существовавшая политическая система.

В оппозиционное автономистское течение постепенно вливалась недовольная, амбициозная в политическом отношении часть словацкой буржуазии, прежде всего мелкой, которая испытывала на себе гнет чешских монополий и иностранного капитала. Эта часть буржуазии видела выход из создавшегося положения в автономии Словакии, связывая

с этим надежды на улучшение своего материального положения. Именно экономической слабостью объясняется стремление этой части буржуазии к максимальному участию в системе государственной власти, использованию этой власти для защиты и расширения своих экономических позиций, а также для обеспечения карьеры в государственном аппарате и создания выгодных для себя экономических и политических условий. Эта главная цель, подчинившая себе все остальные, красной нитью проходит через всю историю словацкой буржуазии².

Следует иметь в виду, что под термином «словацкая буржуазия» подразумеваются не только национальные словацкие банкиры и предприниматели, но и та часть интеллигенции, государственные служащие, политики и идеологи — выходцы из различных классов и социальных слоев, — которые выражали и отстаивали интересы словацкой буржуазии. В этой связи не потеряли своей актуальности слова К. Маркса, сказанные им в адрес политических представителей мелкой буржуазии: «По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа...»³ Именно эта часть буржуазии формировала идеологические основы и политическую программу класса, без них буржуазии никогда не удалось бы обеспечить себя сторонниками и избирателями.

Хотя идеология и программы буржуазных политических партий отражали отдельные временные специфические требования и других социальных слоев, в первую очередь мелкобуржуазных, а состав этих партий отличался пестротой, все же они никогда не переставали быть партиями буржуазными, несмотря на преходящие коллизии и разногласия между классом и его политическими представителями.

Учитывая особенности словацкой буржуазии, т. е. ее относительную экономическую неразвитость и связь с массой мелких производителей, испытывающих гнет крупного капитала и страдающих от пережитков феодализма, можно поставить вопрос, почему в Словакии не возникла относительно прогрессивная мелкобуржуазная партия, партия такого типа, как, например, эсеры в России или Болгарский земледельческий народный союз? Централистские партии, состоявшие на службе у чешского капитала, несмотря на значительную дифференцированность, не отличались особым демократизмом, а глинкавская словацкая народная партия (ГСНП), ставшая в конце 30-х годов единственной представительницей словацкой буржуазии, со дня своего основания почти всегда занимала крайне правые позиции, видя свой идеал в тоталитарных режимах. Одной из причин отсутствия в Словакии мелкобуржуазной партии было, вероятно, то, что словацкая буржуазия сформировалась сравнительно поздно, в период, когда рабочее движение уже достигло значительного размаха. Именно это имел в виду В. Клементис, отметивший в 1934 г., что словацкая буржуазия обладает особым «набором» качеств, поскольку она «не пережила либерального периода развития, не имела традиции „прогрессивной“ культурной борьбы, не прошла ни через одну из школ буржуазной философии»⁴.

² Попытки проанализировать характер и позиции словацкой буржуазии в период буржуазной ЧСР относятся к началу 60-х годов. Настоящая статья опирается на результаты этих исследований и в какой-то мере дополняет их. См., в частности, «Historický časopis», 1961, ч. 2, s. 201—284; 313—317.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 8, с. 148.

⁴ V. Clementis. Vzduch našich čias, zv. 2. Bratislava, 1967, s. 7.

Связь глинковской партии с реакционным католицизмом позволяла ей эффективно воздействовать на наиболее отсталые слои населения. Это вынуждало ее защищать церковные поместья, что шло вразрез с интересами малоземельных и средних крестьян. Именно поэтому в 20-е годы значительная часть их примкнула к аграрной партии, второй крупной буржуазной политической партии в Словакии, нажившей политический капитал на земельной реформе и аграрных кооперативах.

Буржуазно-демократическая политическая система не устраивала ГСНП еще и потому, что не давала возможности вытеснить из словацкой экономики как несловацкий крупный капитал, так и инациональную, преимущественно венгерскую, немецкую и еврейскую мелкую буржуазию. Глинковская партия стала сторонницей тоталитарного режима вследствие экономической и политической слабости словацкой буржуазии.

В начале 30-х годов разразился экономический кризис, ограничивший возможности для предпринимательской деятельности словацкой буржуазии, что способствовало росту ее оппозиционности. Недовольство политической централистских партий, которые редко считались со специфическими интересами словацкой буржуазии, стало проявляться и у той части буржуазии, у которой в 20-е годы дела шли неплохо. Косность и анахронизм чехословакизма стали ощущаться в большей степени и теми политическими силами, которые в прошлом являлись его сторонниками. В централистских партиях в Словакии все более открыто формируются центробежные силы, происходит их сближение с глинковской партией. Этот процесс завершается принятием ими автономистской программы и слиянием с ГСНП, которая, пользуясь поддержкой германского нацизма, постепенно переходит от программы автономии к сепаратизму⁵.

Что определяло после расчленения Чехословацкой республики политику словацкой буржуазии и каковы были ее характерные черты? С созданием так называемого словацкого государства словацкая буржуазия полностью овладела элементами надстройки и многие из них использовали для улучшения своих экономических позиций, подчинила себе все органы власти, государственный аппарат, идеологию. Государственной идеологией стали национализм и клеро-фашизм. Буржуазии уже не нужно было вести борьбу за власть, у нее появилось «свое государство». Сведя счеты с чешской буржуазией по вопросу о власти, она стала задумываться и над тем, как завладеть чешским капиталом. Прямое участие в системе государственной власти и тоталитарный режим предоставляли словацкой буржуазии, принимая во внимание ее характерные особенности, огромные возможности. В обычных условиях, при свободной конкуренции словацкой буржуазии никогда не удалось бы получить столько прибыли, сколько она получила в годы второй мировой войны. Это достаточно прочно связывало ее к фашистскому словацкому государству и придавало ей специфические черты. Если, например, вся польская буржуазия (и правое, и демократическое крыло) была настроена антигермански, то большинство представителей словацкой буржуазии, особенно в начале второй мировой войны, охотно сотрудничало с фашизмом. Коллаборации поддалась и значительная часть чешской буржуазии, однако здесь были некоторые различия — после расчленения республики чешская буржуазия потеряла свое ведущее положение, в то время как словацкая буржуазия заняла его, разумеется, в пределах, предоставленных и диктуемых ей германским фашизмом. Это явилось причиной того, что буржуазное сопротивление в протекторате, особенно в начале второй мировой войны, располагало

⁵ В октябре 1938 г. в ГСНП вошли аграрная партия, живностенская, Чехословацкая народная партия, национальная фашистская община (гайдовцы), национально-социалистическая, а затем и Словацкая национальная партия.

более широкой потенциальной базой. Оккупационный режим и различная политика, проводившаяся гитлеровской Германией по отношению к оккупированным странам и государствам — сателлитам, также оказывали большое влияние на позицию буржуазии. Если в оккупированной Польше проводился массовый террор, применялись жестокие формы эксплуатации, конфисковалось и экспроприировалось имущество, то в Чешских землях вводились более эластичные формы правления с использованием коллаборационизма. Но несмотря на это, экономические интересы значительной части чешской буржуазии все же были затронуты, прежде всего в результате проводившейся политики «ариизации», проникновения и концентрации здесь германского капитала, введения принудительных поставок и т. п. Однако крупная буржуазия приспособилась к установленному Германией режиму и использовала военную конъюнктуру для всемерного обогащения⁶.

В Словакии в первые годы войны положение было несколько иным, хотя и там экономика была подчинена интересам германского рейха. Нацистская экономическая политика практически не затронула непосредственно словацкую буржуазию, поэтому она располагала в какой-то мере большей свободой в сфере экономики, в инвестиционной деятельности. Экономика в меньшей степени была скована ограничительными мерами. В промышленности и сельском хозяйстве создавались выгодные условия для сбыта продукции, военная конъюнктура способствовала росту производства. Земельная реформа также не затронула интересов словацкой буржуазии и даже принесла ей определенные выгоды. Словацкий капитал увеличился абсолютно и относительно. Именно в этом кроются экономические корни коллаборационизма. Таким образом, положение словацкой буржуазии отличалось от положения польской, а также в определенной степени чешской буржуазии; скорее всего его можно сравнить с положением венгерских и румынских буржуазных кругов.

Разумеется, из этого не следует, что так называемое словацкое государство поддерживали лишь наиболее состоятельные слои. Нельзя забывать, что буржуазия вела обработку общественного мнения. Создание «самостоятельного» национального государства, или, как говорили людаки, «первого в словацкой истории национального государства после Прибины», маскировало сущность германского империализма, создавало определенные иллюзии. Фикцию самостоятельности многие не заметили еще и потому, что Словакия не обладала почти никаким опытом, связанным с экспансией германских господствующих классов. Военная конъюнктура в целях наживы использовалась и зажиточными слоями ремесленников, с помощью черного рынка обогащалась аграрная буржуазия, а также значительная часть среднего крестьянства. Кроме того, людаки обещали крестьянам радикальную земельную реформу, оказавшуюся по существу фарсом. Образование государственного аппарата, расовые преследования, увольнения преподавателей и служащих чешской национальности создавали для словацкой интеллигенции новые вакансии. Наконец, даже та часть буржуазных и мелкобуржуазных слоев, которым людацкий режим не импонировал, зачастую видела в существовании так называемого Словацкого государства наименьшее зло, и в начале второй мировой войны иной перспективы себе не представляла. «Все эти обстоятельства, — сообщал Г. Гусак московскому руководству КПЧ 5 февраля 1945 г., — взлелеяли во многих слоях в Словакии, главным образом в среде буржуазии, мелкой буржуазии (прежде всего в торговых кругах,

⁶ См. V. K r á l. Otázky hospodářského a sociálního vývoje v českých zemích 1938—1945. Praha, 1957; «Odboj a revoluce. 1938—1945». Praha, 1965.

у высшей бюрократии и др.), мнение о том, что независимая Словакия в экономическом отношении состоятельна, что она гораздо лучше просуществоует без пражских центров и опекунов... В Словакии тоталитаризм был введен под маской национального освобождения, став тем самым на какое-то время удобоваримым и для многих честных, демократически настроенных людей»⁷. Это свидетельствует о том, что людацкий режим абсорбировал вначале или по крайней мере нейтрализовал значительные политические силы, которые на более позднем этапе, когда было раскрыто истинное лицо режима, отмежевались от него и включились в движение Сопrotивления.

В период так называемого словацкого государства поляризация сил внутри буржуазного лагеря шла в нескольких направлениях. В целом в буржуазном лагере можно выделить две группы: людацкую и антилюдацкую⁸. В начале второй мировой войны преобладает первая группа, однако со временем она постепенно начинает терять свои позиции, в то время как для второй группы характерны увеличение численности и престижа. В сфере экономики обе группы извлекают выгоды из военной конъюнктуры. В 1939—1945 гг. экономический потенциал бывшей чехословакистской буржуазии никоим образом не уменьшился, более того, даже увеличился.

В рамках названных групп существовало несколько течений. Антилюдацкий лагерь составляли прежде всего политические группы, входившие в состав бывших централистских партий, главным образом аграрной и частично Словацкой национальной партии. Причиной их оппозиционности зачастую являлся конфессионализм, поскольку указанные партии в прошлом располагали значительной базой среди евангелического населения. В период существования так называемого словацкого государства евангелическая церковь с трудом мирилась с гегемонией католицизма. Речь идет о лицах и небольших группах, не примирившихся с объединением своих партий с ГСНП, а также о тех, кто после 14 марта лишился возможности принимать участие в политической жизни и был отнесен на задний план. Эти группы ориентировались на находившихся в эмиграции буржуазных деятелей Э. Бенеша, М. Годжу, Я. Паулини-Тота.

В Словакии позиции Э. Бенеша из-за его консерватизма в словацком вопросе (непризнание самобытности словацкой нации) вначале были очень незначительны. Даже преданные Бенешу лица постепенно отмежевывались от чехословакистской идеологии. М. Годжа, бывший глава правительства, пользовавшийся среди оппозиционеров — аграриев в Словакии гораздо более высокой авторитетом, чем Э. Бенеш. В ноябре 1939 г. он создал в Париже Словацкий национальный совет и в противовес централизму Э. Бенеша выступал за автономию Словакии. Соперничество в эмиграции между Э. Бенешем и М. Годжей за лидерство в движении Сопrotивления завершилось победой Бенеша. После падения Франции Годжа вынужден был отойти на второй план, а затем вообще отказаться от политической деятельности. Создание чехословацкого буржуазного эмигрантского правительства и признание его великими державами — участниками антигитлеровской коалиции, значительно упрочили позиции Э. Бенеша, повысили его авторитет в некоммунистических группах Сопrotивления. Однако точка зрения Э. Бенеша по словацкому вопросу оставалась неизменной. Практически лишь Словацкое национальное

⁷ «SNP. Dokumenty». Bratislava, 1965, s. 948.

⁸ Деление буржуазии на людацкую и антилюдацкую проведено скорее по политическим и идеологическим признакам, чем по партийным, поскольку словацкая буржуазия не имела других политических партий. В антилюдацком лагере было немало и официальных членов глишковской партии.

восстание заставило его считаться с существованием словацкой нации.

Борьбу за признание самобытности словацкого народа и его равноправия необходимо было вести внутри страны. В этой борьбе буржуазные группы Сопrotивления никогда не смогли бы добиться победы без словацких коммунистов (при поддержке московского руководства КПЧ). Э. Бенешу не удалось реализовать свою концепцию Сопrotивления и подчинить себе все антифашистские некоммунистические группы. Деятельность «гражданских» групп Сопrotивления вплоть до 1943 г. ограничивалась информационной работой и организацией побегов за границу лиц, которым угрожало заключение. Э. Бенеш и его сторонники не стремились развивать массовые формы сопротивления и вооруженной борьбы, опасаясь их революционного содержания. Они желали переворота «без восстания и хаоса»⁹. Лишь после переговоров с руководством КПЧ в Москве в декабре 1943 г. Э. Бенеш признал необходимость активизации вооруженной борьбы против оккупантов.

Под внешней однородностью людацкого лагеря скрывалась глубокая поляризация сил. Правозэкстремистское крыло в глинковской партии составляла группа «словацкого национального социализма» (В. Тука, А. Мах), слепо копировавшая нацистский режим. После переговоров с нацистами в Зальцбурге в июле 1940 г. эта группа овладела ключевыми позициями в правительстве, однако вытеснить группу Тисо ей так и не удалось, видимо, еще и потому, что гитлеровцы понимали ограниченность их социальной базы. Группа Тисо — тоже прогерманская и по существу никогда не отмежевывавшаяся от нацизма, тем не менее в сравнении с первой представляла несколько более умеренное крыло. Она основывалась на традиционной политике глинковской партии, опиралась на католицизм. Обе указанные группы, вплоть до окончания войны отстаивавшие «словацкую государственность», отличались крайней реакционностью, антидемократизмом и антикоммунизмом.

В завуалированной оппозиции к вышерассмотренным группам находился К. Сидор со своими сторонниками. К. Сидор, известный в предвоенные годы как радикал и полонофил, впал в немилость к гитлеровцам уже в мартовские дни 1939 г. Возглавляя автономное правительство, он 12 марта отказался от провозглашения «самостоятельности» Словакии и рассматривался нацистами как орудие политической диверсии в Словакии. Он был отстранен от руководства в глинковской партии. Хотя К. Сидор и его группа не проявляли симпатий к нацистам и правящей людацкой клике, он все же не смог разорвать связи с братиславским правительством и в течение войны был в Ватикане посланником. Неопределенной оставалась и его политическая платформа. Сначала он выступал за восстановление Чехословакии при условии гарантии словакам национальных прав в форме автономии. Затем, учитывая позицию Ватикана, высказывался за создание реакционной средневропейской католической федерации.

Наконец, в людацком лагере существовали группы так называемых умеренных или «демократических» людаков, возглавляемых М. Соколом, председателем словацкого сейма, и некоторыми деятелями профашистских профсоюзов (Чавойский, Мора). Они не одобряли нацистских методов, осуждали расистские законы и не возражали против восстановления Чехословацкой республики с предоставлением автономии Словакии. Однако они не шли на открытую конфронтацию с правительством и не разорвали своих связей с режимом.

⁹ Наиболее ярко эта позиция прослеживается в меморандуме Шробара (сентябрь 1943 г.). См. «SNP. Dokumenty», s. 88—93.

С целью усиления своего авторитета и влияния на католическое население буржуазные группы Сопротивления внутри страны и буржуазная эмиграция стремились привлечь на свою сторону кого-либо из известных политических деятелей — людаков, но эти попытки не увенчались успехом. В конце концов Э. Бенеш смирился с такой не пользующейся влиянием в политических кругах личностью, какой был П. Махачек, ставший заместителем председателя Государственного совета в Лондоне.

Процесс дифференциации в людацком лагере не завершился созданием группы с ярко выраженной демократической антифашистской ориентацией, группы, которая приняла бы активное участие в движении Сопротивления. «Подавляющее большинство стоявших у власти или же находившихся в оппозиции людаков настолько прочно привязало себя к режиму, что из-за своих экономических, социальных и политических позиций, из страха перед немцами, а также из-за собственной трусости никогда не решалось на сколько-нибудь серьезное проявление недовольства»¹⁰. Тем не менее с 1941 г. социальная база людаков неуклонно сокращается. Клеро-фашистский режим в Словакии постепенно, по мере того, как население убеждалось в его подлинной сущности, теряет почву под ногами. Победы Советской Армии уже ни у кого не оставляли сомнений в неизбежности поражения нацизма. Росли симпатии к СССР, поднимался авторитет Коммунистической партии — наиболее последовательного борца против фашизма. С 1943 г. начинается разложение государственного аппарата. В этих условиях появилась возможность привлечения рядовых, демократически настроенных людаков, а также тех, кто подвергся идеологической обработке этой партии, к антифашистской борьбе. Деятельность КПС и других антифашистов в этом направлении дала определенные результаты, проявившиеся в период Словацкого национального восстания.

КПС дифференцированно подходила к различным политическим буржуазным группам, учитывая, какое место между фашизмом и демократией занимали эти группы. Исключением является период, когда в КПС не было ясной позиции в вопросах политики Национального фронта, и она руководствовалась лозунгом «За Советскую Словакию». Первые попытки словацких коммунистов завязать более тесные контакты с так называемой буржуазной оппозицией относятся к 1940 г. Однако они не увенчались успехом. На рубеже 1941—1942 гг. второе нелегальное руководство КПС начало переговоры с сидоровцами, аграриями (Я. Урсини) и некоторыми группами Сопротивления лондонской (бенешевской) ориентации (группа Зибрина) с целью создания центрального антифашистского органа. Попытки установить более тесные контакты с группой Сидора ни к чему не привели. Сидоровцы сразу же дали понять, что они «с коммунистами не желают иметь ничего общего». По этой же причине не дали результатов и переговоры с группой Зибрина. Наиболее сговорчивыми оказались аграрии, согласившиеся обсуждать создание центрального органа Сопротивления, выступавшие против чехословакизма Бенеша и даже не протестовавших против планировавшихся на послевоенный период демократических мероприятий (земельная реформа, частичная национализация). Однако как только стало ясно, что поражение немецких войск под Москвой не принесло еще решающего перелома в ходе войны, они потеряли всякий интерес к переговорам¹¹. Таким образом, в рассматриваемый период левое крыло буржуазии не стремилось к сотрудничеству с коммунистами. Это вело к усилению сектантских тенденций в рядах:

¹⁰ Ibid., s. 947.

¹¹ «Dejinná križovatka». Bratislava, 1964, s. 103—110.

КПС. Интересно, что как раз в 1942 г. в связи с критикой этого сектантства появилась идея (тайные записки из тюрьмы В. Широкого) дифференцированного подхода к правящим группировкам Тисо, Туки—Маха, прекращения «неполитической» борьбы «против Тисо и нанесения главного удара по клике Туки—Маха»¹². Я. Осога, входящий в первые три нелегальные руководства КПС, отвергал, однако, эту идею, говоря «один черт, другой дьявол». Политическая платформа Я. Осоги не была правильной, но история все же подтвердила его правоту в отношении группы Тисо. Надежды на то, что это крыло перейдет на антинацистские позиции, не оправдались, так же как и надежды, что в антифашистскую борьбу включаются сидоровцы. Поэтому последующие нелегальные руководства КПС, прежде всего пятое руководство, вынуждены были отказаться от подобных попыток. Пятое нелегальное руководство КПС предприняло шаги по выяснению позиций лишь отдельных деятелей христианских профсоюзов (Чавойского, Моря) и пришло к выводу, что на них также нельзя положиться¹³.

В этих условиях переговоры о создании центрального общенационального органа Сопротивления и подготовке к восстанию велись лишь с представителями антилюдацкой буржуазной оппозиции. Условия для заключения соглашения в 1943 г. по сравнению с предшествующим периодом были значительно благоприятнее. После разгрома гитлеровской армии под Сталинградом и появления перспективы скорого освобождения Чехословакии, влияние коммунистов начинает возрастать с каждым днем. Если прежде буржуазные группы Сопротивления не проявляли особой заинтересованности в сотрудничестве с коммунистами, то теперь сам Э. Бенеш советует своим сторонникам установить связи с коммунистами. В новой обстановке лучше других сориентировались аграрии (Я. Урсини, Й. Леттрих). Эта группа уже ранее имела контакты с коммунистами, поддержала идею активной борьбы с фашизмом и реалистично относилась к планам послевоенного устройства государства. Поэтому именно с этой группой коммунисты подписали Рождественское соглашение и создали центральный революционный орган Сопротивления — Словацкий Национальный Совет (СНС). Позднее, приняв в качестве платформы Рождественское соглашение, в состав СНС вошли представители других групп Сопротивления (члены Словацкой национальной партии, группы Флора, группы Шробара и др.), а также словацкой социал-демократии (во время Словацкого национального восстания произошло объединение словацкой социал-демократической партии с Коммунистической партией Словакии). Из-за существующих разногласий переговоры затянулись, но в конце концов завершились успешно. Хотя само соглашение являлось компромиссом, все же в принципиальных вопросах «гражданские» группы Сопротивления вынуждены были принять концепцию коммунистов. Это свидетельствовало о том, что во главе нации встал рабочий класс — руководитель национально-освободительной борьбы¹⁴.

В буржуазном лагере, сложившемся после 14 и 15 марта 1939 г. под эгидой глинкавской партии, несмотря на видимость монолитности и стабильности зрели противоречия, которые под влиянием побед Советской Армии и нарастающей революционной ситуации в стране углублялись и наконец привели к четко выраженному идейно-политическому размежеванию. С одной стороны, сформировалось антифашистское крыло бур-

¹² Ibid., s. 112—118.

¹³ G. H u s á k. Svedectvo o SNP. Bratislava, 1975, s. 88.

¹⁴ Ход этих переговоров достаточно подробно освещен в книге: G. H u s á k. Ibid., s. 70—86.

жуазии, которое, несмотря на извлекаемые на первом этапе существования людацко-фашистского режима экономические выгоды, под давлением внутренних и внешних обстоятельств вынуждено было все более переходить на антифашистские позиции, что нередко объяснялось и стремлением обеспечить себе алиби.

С другой стороны, предательство людацкого политического руководства, его коллаборация с фашизмом достигли такого предела, откуда уже не было пути к антифашизму и демократии. В отличие от Польши правые в Словакии (ГСНП) не перешли на антифашистские позиции, а буржуазное Сопротивление было настолько слабо, что не могло противостоять требованиям коммунистов. Его представители понимали, что без сотрудничества с Коммунистической партией Словакии, без лояльной политики по отношению к Советскому Союзу у них нет ни малейшего шанса проявить себя в общественно-политической жизни. Эти факторы, несомненно, облегчали достижение соглашения между коммунистическими и «гражданскими» группами Сопротивления. Степень разногласий между ними никогда не достигала уровня, характерного для Югославии и Польши, где каждый лагерь создавал свои вооруженные отряды, свои политические организации и органы власти.

Интересы национально-освободительной борьбы и будущего нового устройства Чехословацкой республики требовали решения вопроса о возможности возрождения гегемонии чешской буржуазии в Словакии после ее освобождения. Бенешевская модель Чехословацкой республики препятствовала вовлечению масс в национально-освободительную борьбу в Словакии. Поэтому здесь, в отличие от чешских районов, к буржуазным партнерам по Национальному фронту предъявлялись более жесткие требования, которым в конце концов вынуждена была подчиниться и чешская буржуазия: не только разорвать связи с клеро-фашистским режимом и вести против него борьбу, но и отмежеваться от политики чехословакизма лондонского эмигрантского правительства. Словацкие коммунисты требовали от «гражданских» групп Сопротивления последовательности в этом вопросе. Политические представители антифашистской буржуазии сознавали двойственность своего положения. С одной стороны, их не устраивало опекуновство чешской буржуазии, видели они и непопулярность в Словакии идеи «единой чехословацкой нации». Вместе с тем понимание тождественности своих «органических» классовых интересов с интересами чешской буржуазии стало причиной их нежелания разорвать связи с лондонской эмиграцией. Однако революционная ситуация в Словакии и принципиальность коммунистов не оставляли им слишком широкого простора для маневрирования. Сотрудничество между Коммунистической партией Словакии и некоммунистическими группами Сопротивления в период Словацкого национального восстания по оценке обоих лагерей осуществлялось удовлетворительно. И хотя разногласия имели место, все же ни одно из них не вылилось в конфликт, который мог бы привести к расколу.

В период Словацкого национального восстания была создана Демократическая партия (ДП), представлявшая собой конгломерат различных политических течений, между которыми часто велись споры, возникали трения. Это подтверждается многими документами и мемуарной литературой. Г. Гусак в феврале 1945 г. в цитированном выше сообщении К. Готвальду, в частности, писал: «В рамках Демократической партии существовало множество фракций. ... Поскольку эта „партия“ возникла путем слияния многих групп (примерно 6—7), трения между ними не прекращались... Однако в целом можно сказать, что в Демократическую партию влились все группы, за исключением людаков и бывших людаков».

поэтому необходимо было считаться с нею и работать, нашей партии такое сотрудничество удавалось»¹⁵.

В 1976 г. один из бывших деятелей Демократической партии Я. Бегарка в своих воспоминаниях о Словацком национальном восстании написал, что в Демократической партии столкнулись «два течения, две группы, относившиеся друг к другу с подозрением, „правоверными“ являлись те, кто считал Рождественское соглашение делом своих рук, в то время как вторые его только терпели и допускали»¹⁶. В данном случае автор воспоминаний намекает на ведущее положение группы аграриев (Я. Урсини и Й. Леттрих). Несмотря на разногласия, Демократическая партия не распалась и противостояла левому блоку, т. е. Коммунистической партии Словакии (объединившейся со Словацкой социал-демократической партией), которую после освобождения страны поддерживали и многие влиятельные общественные организации. В 1946 г. часть членов Демократической партии, покинув ряды, образовала Партию свободы, которая, однако, не сумела занять серьезных позиций и осталась на периферии политической жизни. «Раскол гражданского лагеря, — как позднее написал один из деятелей Демократической партии И. Кветко, — явился бы катастрофой», разумеется, катастрофой для словацкой буржуазии, сумевшей в конце концов ее избежать¹⁷.

Во время восстания Демократическая партия выработала и опубликовала «Программные принципы», явившиеся первым относительно цельным программным документом буржуазного Сопротивления. Состоявший из слишком общих положений, он тем не менее говорил о многом. Согласно этим «принципам» Демократическая партия не поддерживала ни одной «из известных экономических систем, ни индивидуалистического, ни коллективного характера», поскольку ни одна из них «сама по себе не создает условий для должного решения экономических и социальных проблем Словакии». «Либерализм» (т. е. домонополистический капитализм. — М. Б.) Демократическая партия называла пройденным этапом, а социализм в его начальном виде нереальным. «Однако те требования этой системы (социализма. — М. Б.), которые в наших условиях можно реализовать без ущемления интересов национального коллектива, мы изучаем и хотим их применить на практике...», — говорилось в программном документе.

Демократическая партия отстаивала принцип частной собственности и свободной конкуренции, ей хотелось устранить лишь некоторые негативные явления, порожденные самим существом капиталистического способа производства. Она допускала национализацию крупных предприятий отдельных категорий, проведение земельной реформы, планирование производства государством, увеличение рабочих мест в промышленности и др. В области культуры Демократическая партия выступала за осуществление принципов гуманизма, искоренение из культуры фашистской идеологии, подчеркивая при этом, что «христианская культура была и остается основой всего нашего национального сознания и развития». Итак, речь шла о программе социальных реформ, выражающей интересы и идеалы словацкой буржуазии, а также мелкой буржуазии¹⁸. Эта программа могла стать исходным моментом в повороте Демократической пар-

¹⁵ «SNP. Dokumenty...», s. 971.

¹⁶ «Zborník úvah a osobnijch spomienok o SNP». Toronto, 1976, s. 159. (В 1946 г. Я. Бегарка вышел из Демократической партии и стал одним из основателей Партии свободы).

¹⁷ Ibid., s. 124.

¹⁸ Более подробно об этом см. M. B a r n o v s k y. Sociálne triedy a revolučné časy na Slovensku v r. 1944—1948. Bratislava, 1978, s. 186—191.

тии к мелкобуржуазной демократии, но могла и превратиться в тормозящий фактор, явиться орудием укрепления позиций буржуазии. Все зависело от участвовавших в ее создании политических сил и от того, каким образом они намеревались проводить ее в жизнь. На это обращала внимание и Коммунистическая партия Словакии. Газета «Nové slovo» откликнулась на публикацию «Программных принципов» Демократической партии. Приветствовалось, что «словацкие буржуазные круги признают неизбежность ограничения своих классовых привилегий в интересах каждого, а тем самым и самих себя». Вместе с тем отмечалось, что «их путь к пониманию этого облегчается тем, что национализацией банков, предприятий и крупных поместий относительно слабый словацкий капитал был бы затронут в значительно меньших масштабах, в сравнении с иностранным капиталом». Статья заканчивалась вопросом: «В какой степени Демократическая партия будет последовательна в реализации этих принципов на практике...»¹⁹.

В период восстания Демократическая партия не имела еще ярко выраженного характера, она лишь зарождалась и формировалась, ее толкала вперед революционная волна, и в целом в этот период она играла положительную роль, хотя в ее рядах было немало консервативных и беспринципных политиков.

В послевоенный период буржуазия вступала с мрачными перспективами, опасаясь за свое будущее. Ее политические позиции, скомпрометированные фашизмом, были подорваны, монополия власти и ведущее положение в обществе утрачены. Моральное право включиться в политическую и общественную жизнь получала лишь часть буржуазии, не предавшая национальных интересов. Вместе с тем рабочий класс, показавший себя наиболее последовательным борцом против фашизма, под руководством Коммунистической партии встал во главе нации, превратившись из класса эксплуатируемого в класс, осуществляющий власть. Решающая роль Советского Союза в поражении фашизма, его помощь Словацкому национальному восстанию и освобождение Чехословакии Советской Армией — вот факторы, поднимавшие авторитет Коммунистической партии. Единственной представительницей словацкой буржуазии была Демократическая партия. Уже вскоре после войны в ее политике можно проследить определенный сдвиг вправо, сначала к старому аграризму, а вскоре, после заключения «апрельского соглашения» с политизирующим католическим клиром, она весьма отчетливо эволюционирует в направлении к людацтву. Демократическая партия довольно скоро сбросила с себя маску «демократичности» и отмежевалась от программы восстания. Постепенно она превращалась из партии некоммунистической в антикоммунистическую. Каковы причины перехода Демократической партии в оппозицию в период, когда революционные мероприятия нацеливались главным образом против нацистов и коллаборантов? Исчерпывающий ответ на этот вопрос — тема отдельной статьи, ограничимся поэтому несколькими замечаниями.

Любая буржуазия чувствует себя в безопасности только при условии политического обеспечения и гарантии своего экономического господства, когда для защиты своих классовых привилегий она может использовать орудия власти. Как уже отмечалось, для словацкой буржуазии вопрос о власти имел особо важное значение. Строй народной демократии в значительной степени подорвал позиции буржуазии, и что особенно важно — ограничил сферу ее идеологического воздействия, являющуюся составной частью классового господства буржуазии. С этим буржуазия

¹⁹ «Nové slovo», 1944, с. 1, с. 9.

не могла и не хотела мириться, к тому же она не была заинтересована в дальнейшем развитии революционного процесса. Однако революционный потенциал мелкобуржуазных слоев — малоземельные и средние крестьяне, мелкие ремесленники — не был полностью исчерпан. По мере углубления революции эти слои могли рассчитывать на дальнейшее улучшение своего материального положения за счет крупных землевладельцев и буржуазии (получение земли в результате проведения земельной реформы, снижение налогов и др.). Демократическая партия проводила политическую и идеологическую работу с целью привлечения на свою сторону этих слоев, пользуясь и таким испытанным орудием, как католическая церковь. С помощью церкви ей удалось привлечь на свою сторону деревню. Однако связь с реакционным политизирующим клиром, сотрудничавшим с людацтвом, имела отрицательные политические последствия: церковь располагала крупными поместьями, а Демократическая партия в качестве вознаграждения за «апрельские соглашения» должна была выступать против раздела этих поместий; католическая церковь имела свои школы, а Демократическая партия должна была бороться против передачи этих школ государству; ряд политических представителей католической церкви был осужден народными судами и Национальным судом за предательство словацкого народа, включая и одного из лидеров так называемого словацкого государства Й. Тисо, а Демократическая партия должна была выступать в их защиту и т. п.

Интересы малоземельных и средних крестьян резко контрастировали с политикой, проводимой Демократической партией. И все же эти слои очень медленно выходили из-под ее влияния прежде всего потому, что для их идеологической обработки она использовала католическую церковь. Нужно было время для того, чтобы эти массы убедились на собственном опыте, кто является истинным защитником их интересов.

Поскольку прежние правые и другие реакционные политические партии были запрещены, в Демократическую партию, единственную буржуазную партию в Словакии, стали вливаться все антинародные и реакционные элементы. Подобное явление не было присуще только Словакии. С ним мы встречаемся почти во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Коммунисты, как следует из выступления К. Готвальда в Кошице 8 апреля 1945 г., учитывали этот фактор в своей деятельности и не считали его особенно опасным, предполагая, что при правильной политике его удастся использовать в своих интересах²⁰. Правда, в тот период Демократическая партия еще не находилась под давлением клерикально-людацких сил, представлявших гораздо большую опасность по сравнению с указанными тенденциями в аграрной и национально-социалистической партиях. Процесс сближения антифашистской и коллаборационистской буржуазии в Словакии наметился еще ранее и проходил выразительнее, поскольку людацкий режим имел более широкую опору, чем правительство протектората, а словацкая буржуазия, участвовавшая в движении Сопротивления, тесными узами была связана с этим режимом. Она извлекала выгоды из военной конъюнктуры, отделилась от чешских концернов, обогащалась. Разумеется, после освобождения страны ей не хотелось отказываться от награбленного в годы войны. Как только Демократическая партия вступила на путь борьбы за сохранение финансовых и материальных средств, что весьма отчетливо проявилось уже в ходе подготовки национализации и финансовой реформы, она объективно представляла уже интересы словацкой буржуазии в целом, в том

²⁰ «Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferenci a plén. 1944—1948». Bratislava, 1971, s. 147.

числе и той ее части, которая в годы так называемого словацкого государства была у власти²¹.

Необходимо иметь в виду и то, что несмотря на объединявшую чешскую и словацкую буржуазию общую цель — задержать развитие революции — их разделяли существенные противоречия. У политических представителей чешской буржуазии еще были свежи в памяти действия словацкой буржуазии в 1938—1939 гг. Выступления Бенеша в период войны, прежде всего его доверительные беседы, пронизаны недоверием по отношению к словацкой буржуазии и стремлением взять реванш. Его позиция в вопросах словацкого и чешского коллаборационизма неоднозначна. В адрес первых он открыто высказывал отрицательные и неприязненные суждения, по отношению ко вторым — проявлял лояльность. В начале войны он даже поддерживает связи с Гахой — «президентом» протектората. Буржуазные деятели в Лондоне не могли примириться с тем, что Демократическая партия отвергла концепцию единой чехословацкой нации и видела в Словацком Национальном Совете единственного представителя словацкого народа. Специфические интересы словацкой буржуазии не разделялись ни национальными социалистами, ни лидерами. Указанные противоречия предоставляли Коммунистической партии возможности для маневрирования, использовались ею для блага революции. Вместе с тем эти противоречия способствовали сближению части словацкой буржуазии, участвовавшей в движении Сопротивления, с коллаборационистами. Сдвиги в политической ориентации Демократической партии происходили в момент отлива революционной волны, когда у революционных сил после предшествующего напряженного периода (восстание, события весны 1945 г.) проявляется временная усталость.

История показывает, что во все времена буржуазия извлекала пользу из революционного спада.

В заключение необходимо подчеркнуть следующее: Демократическая партия, представляющая антифашистскую буржуазию, в период своего создания во время Словацкого национального восстания сыграла положительную роль, внесла вклад в общую борьбу против фашизма. Она выражала интересы той части мелкой и средней буржуазии, а также мелкобуржуазных слоев, которые испытывали гнет германских монополий, не желали мириться с ним и сознавали неизбежность проведения социальных реформ. Именно понимание того, что без некоторых уступок революционным силам, без приспособления к новой ситуации Демократическая партия потеряет какую-либо возможность осуществлять власть, позволило ей объективно стать защитницей интересов всей словацкой буржуазии.

После «апрельского соглашения» Демократическая партия отмежевалась от программы периода восстания, стала контрреволюционной и антинародной. «Католическая часть» партии переходит на путь подпольной борьбы. После раскрытия антигосударственного заговора в сентябре 1947 г. Демократической партии было нанесено серьезное поражение, существенно повлиявшее на всю ее последующую деятельность. Главной опорой реакции в Словакии и в Чешских землях стали легальные буржуазные партии. Вторая, аграрная, часть Демократической партии начиная с лета 1947 г., ищет сближения с представителями чешской буржуазии. В это же время национальные социалисты принимают решение установить более тесные контакты с Демократической партией. Происходит сближение чешской и словацкой буржуазии на антикоммунистической платформе, что и проявилось в их совместных акциях в феврале 1948 г.

²¹ Подробно см. М. Вагновскý. Ibid., кап. 6, 7.

И. КОСТЮШКО

ВЫКУП И РЕГУЛЯЦИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ПОВИННОСТЕЙ В СИЛЕЗИИ ПО ЗАКОНАМ ОТ 2 МАРТА 1850 ГОДА

С началом революции 1848 г. почти во всех провинциях Пруссии и в особенности в Силезии развернулось широкое антифеодалное движение крестьян. Оно вызвало серьезное беспокойство у помещиков и заставило правительство заняться аграрным вопросом. 20 апреля 1848 г. министры внутренних дел (Р. Ауэрсвальд) и торговли, промышленности и общественных работ (Э.-Р. Патов) направили обер-президентам провинций циркуляр, в котором говорилось о намерении правительства провести «в соответствии с требованиями времени» ревизию аграрного законодательства, и подготовленные им проекты представить будущему народному представительству. Местным властям поручалось сообщить об этом сельским жителям, что должно было бы их успокоить.

А спустя несколько дней (27 апреля) министерство торговли, промышленности и общественных работ потребовало от регенций представить свои соображения о том, какие из существующих повинностей можно было бы упразднить и как модифицировать положения о выкупе повинностей «без чрезмерного уменьшения ценности прав», чтобы не вызвать волнения и у тех, кто уже выкупил повинности. В другом циркуляре министерства (6 июня) запрашивалось мнение местных властей прежде всего относительно повинностей, которые должны были быть отменены безвозмездно.

На основе поступивших в министерство сведений была составлена записка. Содержавшиеся в ней предложения были использованы при выработке «Промемории о законодательных мерах, имеющих целью сообразную времени реформу помещичьих и поместных отношений и устранение существующих еще для земледелия препятствий» от 10 июня 1848 г. В «Промемории» предусматривались: сохранение в силе всех уже принятых решений по выкупу повинностей; упразднение всех ограничений свободного распоряжения личностью и собственностью за вознаграждение, а ограничений, вытекающих из крепостничества, прежнего податного обложения, вотчинной юрисдикции, и некоторых других, не имеющих значительной ценности и не касающихся хозяйственных отношений, — без возмещения; проведение реформы «на справедливых основаниях» по возможности в короткий срок и простым способом с условием сохранения платежеспособности крестьян; устройство рентных банков для выкупа повинностей. При этом подлежали бы отмене ограничения относительно выкупа (так называемыми собственниками, наследственными чиншевиками и наследственными арендаторами своих хозяйств) и регуляции повинностей (связанные с размером хозяйства, податным обложением или принадлежностью земли к духовным учреждениям). Сборы всякого рода считались бы выкупаемыми. При выкупе и регуляции повинностей крестьянину должно было

остаться не менее $\frac{1}{3}$ чистого дохода от его хозяйства с учетом сервитутов на фольварочной земле. Если из общины поступало ходатайство о выкупе только барщины или сбора, то регуляции подлежали бы вся барщина и все сборы, существующие в общине. По добровольному соглашению могли остаться вспомогательные работы на срок не более 12 лет, после чего они упразднялись бы без возмещения¹.

Хотя в «Промемории» в некоторой мере учитывались требования крестьян, она в основном имела в виду обеспечение интересов помещиков. Касаясь этого проекта, Ф. Энгельс отмечал, что он представлял собой «жалкий плод бессильнейших поползновений буржуазии отменить феодальные привилегии... и страха буржуазии перед революционным покушением на какой бы то ни было вид собственности»².

20 июня 1848 г. «Промемория» в качестве правительственного проекта аграрной реформы была передана на рассмотрение в Национальное собрание. Обосновывая необходимость этого Э.-Р. Патов в докладной [записке королю Фридриху Вильгельму IV от 16 июня указывал, что, хотя в последнее время недовольство крестьян выражается преимущественно посредством многочисленных петиций и жалоб, можно предвидеть, если не будут приняты необходимые меры, новые «эксцессы» с их стороны, которым трудно будет воспрепятствовать. Такая опасность признается и помещиками, большинство которых желает законного упорядочения напярженных отношений с крестьянами, даже если бы оно было связано с немаловажными потерями. «Промемория» должна была определить направление аграрной реформы, поскольку Национальному собранию предстояло заняться крестьянским вопросом. «Если ему (собранию. — И. К.) будет предоставлена инициатива, — говорилось в записке, — то неизбежно последуют решения, более убыточные для помещиков и более глубоко вторгающиеся в существующие правовые отношения, чем предложения прилагаемой „Промемории“»³. Опасение правительства в этом отношении не имело, однако, достаточных оснований, так как Национальное собрание, несмотря на усилия небольшой группы революционно настроенных депутатов, не было способно к радикальным действиям.

В связи с «Промеморией» после длительного обсуждения в Национальном собрании было принято решение о приостановке начатых дел о регуляции и выкупе повинностей по предложению одной из сторон, а судебных процессов по этим делам — по распоряжению правительства. (закон от 9 октября 1848 г.). Затем (31 октября) последовала отмена права охоты помещика на крестьянской земле без всякого вознаграждения. Постановлением от 20 декабря в Силезии, где усилились волнения крестьян, предусматривалось проведение временной регуляции повинностей на основаниях правительственного законопроекта. 2 января 1849 г. упраздняясь без возмещения патримониальная юрисдикция.

Вместе с тем в министерстве продолжалась работа над проектом закона о выкупе и регуляции повинностей, который Национальное собрание так и не смогло рассмотреть (5 декабря 1848 г. оно было распущено). Проект, подготовленный Кругом, был отредактирован Эльвангером и 27 октября 1848 г. к его обсуждению были привлечены представители министерства сельского хозяйства. В результате появилась новая редакция проекта, которая была представлена министру внутренних дел О.-Т. Мантейффелю (10 января 1849 г.) и получила в общем его одобрение, после отзывов властей, занимавшихся выкупом и регуляции повинностей,

¹ G. F. K n a r p. Die Bauern-Befreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preußens. Zw. Theil. Leipzig, 1887, S. 411—420.

² К. М а р к с, Ф. Э н г е л ь с. Соч., изд. 2, т. 6, с. 130—131.

³ G. F. K n a r p. Ibid., S. 420—421.

проект подвергся новой доработке. Затем он в виде проектов законов о выкупе и регуляции и о рентных банках был представлен правительству (15 марта), а после его одобрения — королю (10 апреля), который разрешил направить эти проекты в палаты для рассмотрения. Однако вскоре палаты были распущены.

После некоторых изменений проекты законов о выкупе и регуляции повинностей были приняты второй палатой 10 декабря 1849 г., а первой — 9 февраля 1850 г. Недовольное ими померанское духовенство обратилось к королю с жалобой на то, что выкуп повинностей по предписаниям нового закона повлек бы за собой существенные убытки для духовных, школьных и благотворительных учреждений. Сообщая об этом министру духовных дел А. Ладенбергу и О.-Т. Мантейффелю, 13 февраля король потребовал приостановить исполнение нового законодательства «по крайней мере по отношению к церквям, приходам, школам и благотворительным заведениям и немедленно сделать необходимое предложение палатам». Хотя А. Ладенберг и О.-Т. Мантейффель в жалобе духовенства усматривали многие «заблуждения и преувеличения», домогательство представителей церкви было принято во внимание. 15 февраля вторая палата постановила, что выкуп повинностей, отбывавшихся в пользу духовных учреждений, должен производиться по особому закону, превращение же повинностей в постоянную денежную ренту могло последовать независимо от этого по ходатайству одной из сторон. Это постановление 20 февраля было одобрено и первой палатой.

28 февраля законопроект был представлен королю для подписи. В прилагаемой к ним записке О.-Т. Мантейффель обосновывал их правомерность. Выкуп и регуляция повинностей, говорилось в записке, не могут затрагивать право собственности, ограничение же этого права определяется целями аграрной реформы и потребностями общего блага. Из повинностей, подлежащих безвозмездной отмене, одни должны быть упразднены без вознаграждения по конституции, другие, не имеющие реальной или определенной ценности, по той же конституции также следовало бы отменить. Поэтому претензия на возмещение таких повинностей является необоснованной. Кроме того, уже предусматривалась или была обещана безвозмездная отмена этих повинностей, с чем нельзя не считаться. Неосновательным был и упрек, что закон разрешает пересмотр утвержденных рецесов. В нем шла речь о случаях, когда уже был определен выкупной капитал, но право его выкупа принадлежало только крестьянину. Помещик, имевший лишь право на получение ренты или чинша, мог теперь требовать их выкупа по предписаниям закона. Что же касается замечаний самого короля, то они были учтены. В дополнениях к законопроекту предусматривались право помещика при уплате крестьянином денежной ренты в 18-кратном размере получить возмещение за нее в 20-кратном размере в рентных листах и издание особого закона о выкупе повинностей, отбывавшихся в пользу духовных учреждений; предложенное второй палатой дополнение об установлении определенного срока для подачи ходатайств о выкупе повинностей аннулировалось. При принятии этих законопроектов имелись в виду и политические обстоятельства. Необходимо было урегулировать существующие споры между помещиками и крестьянами. Естественно, что установление и сохранение длительных мирных отношений между помещиками и крестьянами не могло обойтись без существенной жертвы с обеих сторон. Так, в частности предписания относительно платежа ляудемии и выкупа повинностей в определенных случаях в большей мере ущемляют интересы крестьян, чем это, на первый взгляд, кажется. Необоснованно утверждение, что новые законы нанесут ущерб правовому сознанию народа; оно уже было поколеблено противоречивыми судебными реше-

ниями и приостановкой начатых дел и судебных процессов по вопросам выкупа и регуляции повинностей; издание же этих законов будет иметь существенное значение для блага страны, восстановления нарушенного спокойствия и порядка, а также устранения условий для злостного подстрекательства к беспорядкам.

Несмотря на все это король, как явствует из кабинетного распоряжения от 1 марта 1850 г., сомневался в «справедливости» этих законопроектов. Соглашаясь, однако, подписать их, король выражал уверенность, что «справедливое и целесообразное исполнение этих законов сделает их строгость менее чувствительной» и что так будет сделано. Он предлагал устранить от занятий этими делами чиновников, действия которых не давали полной гарантии «справедливого и надлежащего» применения новых законов, а также принять меры для скорейшего проведения выкупа и регуляции повинностей в тех местностях, где это необходимо.

В связи с этим О.-Т. Мантейффель сообщил королю, что он уже отстранял от службы неподходящих лиц, число которых, впрочем, было незначительным, что теперь нет неблагонадежных чиновников и впредь такие не будут допускаться к этим делам. Информирова о принимаемых им мерах относительно ускорения аграрной реформы в Силезии, О.-Т. Мантейффель считал дальнейшую задержку с введением в действие законов очень опасной, имея в виду предстоящие выборы в первую палату, растущее недоверие крестьян и настойчивые пожелания со стороны помещиков⁴. 2 марта 1850 г. законопроекты были подписаны королем.

В первом законе определялись новые условия выкупа реальных повинностей и регуляции отношений между крестьянами и помещиками⁵.

С обнаружением этого закона безвозмездно отменялись следующие права и обязанности: верховная собственность (*dominium directum*) владельца лена (*des Lehnsherrn*) и вытекающие из нее права (за исключением королевских ленов — *Thronlehne*); верховная собственность помещика или землевладельца (*des Guts- oder Grundherrn*) и лица, передавшего землю в наследственночиншевое пользование (*des Erbzinsherrn*), а также право собственности на землю, сданную владельцем (*des Erbverpächters*) в наследственную аренду⁶ (наследственный чиншевик и наследственный арендатор становились полными собственниками); право на регулирование аллодификационного чинша за отмененное ленное отношение (*Lehnsherrlichkeit*) в тех частях страны, которые прежде принадлежали к Вестфальскому королевству, Бергскому великому герцогству, французо-ганзейским департаментам и Липпескому департаменту; право землевладельца или помещика на унаследование земельных участков (*Heimfallsrecht*) и преимущественное право на приобретение земли, сданной в наследственную аренду или наследственночиншевое пользование, произвольно увеличивать канон или чинш; преимущественное право на приобретение недвижимости (*Vorkaufsrecht*), ближайшее право на нее и право ретракции за некоторым изъятием⁷; связанная с пользованием земель

⁴ *Ibid.*, S. 429 ff.

⁵ *Gesetzsammlung für die königlichen Preussischen Staaten* (далее — GS), 1850, S. 77—111.

⁶ Сборы, повинности и определенные виды пользования, связанные с верховной собственностью и правом собственности на землю, не значившиеся среди упраздняемых, оставались в силе (§ 5).

⁷ Сохранялись право преимущественной покупки недвижимости, основанное на контракте или завещании, преимущество на приобретение части владеемого общества имущества на правах полной собственности и право ретракции сонаследников по Рейнскому гражданскому кодексу. Преимущественная покупка разрешалась и в случае, когда законно отчужденная земля для общественных целей не использовалась по назначению и подлежала продаже.

обязанность работать за обычную в местности поденную плату; право требовать, чтобы частный владелец земли производил на ней посадку тутовых деревьев или содержал таковые; обязанность так называемой флемингской дороги в церковь, а также непосредственные взаимные обязательства помещика по этим повинностям.

Кроме того без возмещения упразднялись: право требовать части или отдельной вещи из оставшегося имущества в силу поместного (*gutsherrliche*), поземельного (*grundherrliche*) или патримониального (*gerichtsherrliche*) отношения; право помещика возражать против парцеляции земли, обремененной сборами (*Abgaben*) и повинностями (*Leistungen*) в его пользу; все сборы и повинности неоседлых лиц, обусловленные вотчинными отношениями (*Guts-Grund-oder Gerichtsherrschaft*); все сборы и повинности, проистекающие из частной юрисдикции и домениального полицейского управления; все сборы и повинности за отдельные судебные акты, кроме установленных законом пошлин; все услуги и повинности, связанные с охотой помещика; все услуги, сборы и повинности по охране помещичьих построек и земель; все услуги для удовлетворения личных потребностей помещика и его служащих, например, уборка домов и дворов, уход за больными, обязанности охранять труп и звонить в колокол, услуги при поездках помещика и его служащих; все сборы на приданное или по случаю крестин членов семьи помещика или землевладельца, в особенности сохранившееся в некоторых местностях право опищывания крестьянских гусей; сборы и повинности, обусловленные прежними вотчинными (*gutschutz-grundherrliche*) правами и приобретенными черты подати, в особенности встречающиеся в некоторых частях Рейнской и Вестфальской провинций или в других местностях платежа за пользование текущей водой в частновладельческих реках (за исключением мельничного сбора); все платежи за разрешение содержать на своей земле определенные виды скота и пчел; обязанность продавать помещику воск и другие сельскохозяйственные продукты; вытекающее из вотчинных отношений право использовать и присваивать отдельно стоящие деревья и кусты на чужих дворах, огородах, полях и лугах; связанные с полицейской и судебной властью помещика дорожное право (*Strassengerechtigkeit*) и право на луговой участок (*Auenrecht*), т. е. право распоряжения свободными участками земли, расположенными в деревнях⁸; все непосредственные взаимные обязанности помещика по этим повинностям, как предоставление им подвод для похорон, свадьбы, крещения детей и доставки врача или акушерки⁹.

Также безвозмездно отменялись ляudemии, ленные платежи (*Lehnwaaren*), вступительные взносы (*Antrittsgelder*), доходные деньги и другие сборы (*Besitzveränderungs-Abgaben*), связанные со сменой владельца имения, а также все нефиксированные сборы¹⁰ при перемене владения, которые были установлены после издания эдикта от 14 сентября 1811 г. о повышении культуры земледелия, несмотря на законную силу прочих условий продажи или передачи хозяйства. Впредь от земельного участка при смене владения можно было взимать только один сбор. Если до сих пор вносились разные сборы, то больший из них сохранялся, а меньший упразднялся без возмещения. Подлежали отмене без вознаграждения и сборы, которые взимались при перемене владения за составление и утверждение акта и т. п.

⁸ Если такие участки земли до обнародования закона от 9 октября 1848 г. не перешли в частное пользование помещика или третьего лица или не были разделены между помещиком и деревенской общиной, то они становились собственностью местной общины с обязательством содержать сельские дороги, мосты, тропы и т. д.

⁹ Если же упомянутые здесь услуги, сборы и повинности крестьянина обуславливались предоставлением или продажей ему земли, то они подлежали возмещению.

¹⁰ Сборы, которые вносились при изменении владения в единожды установленном или каждый раз определяемом размере, считались фиксированными сборами.

и в тех случаях, когда наряду с ними не уплачивалась никакая ляндемия. Впредь ссылка на обычай (*Observanz*) не могла быть доказательством обременения земельного участка сборами в связи с переменой владельца. Но если владелец участка земли даже без указания на правовое основание признавал такое обязательство в публичном правовом документе, то оно оставалось в силе, кроме сборов, отменяемых безусловно.

Из безвозмездной отмены указанных прав и обязанностей не могли исходить со стороны лиц, в интересах которых она последовала, возражения против убытков, связанных с определенными действиями или упущениями, имевшими место до обнародования закона от 9 октября 1848 г. Считались необоснованными и возражения против уплаты недоимки, образовавшейся до этого времени, и претензии на возвращение или возмещение платежа. В некоторых частях страны принимались во внимание претензии, возникшие до обнародования упомянутого закона в связи с правами верховной собственности и на унаследование земельного участка, если они определялись контрактом или судебным решением.

Упраздненные безвозмездно права и обязанности встречались в различных местах в отдельности или в том или ином сочетании. Это были ограничения личных и имущественных прав, вытекавшие из крепостничества, старого податного обложения или вотчинной власти помещика. Некоторые из них (например, обязанность работать в фольварке за обычную плату) подлежали отмене уже по эдикту от 9 октября 1807 г., но кое-где сохранились до сих пор. Эти права и обязанности не имели ценности или их ценность была весьма незначительной, они не касались и экономических отношений. Важнее было другое. В связи с отменой верховной собственности и права собственности на наследственночиншевые и наследственноарендные земли последние превращались в частнособственнические. Впредь не могли устанавливаться наследственночиншевые и наследственноарендные отношения. С упразднением права помещика на получение обратно крестьянского хозяйства существенно изменялся и характер ласситского землепользования. Это право, за отмену которого при регуляции помещики требовали особого вознаграждения, теперь упразднялось без возмещения независимо от регуляции ¹¹.

Все постоянные сборы и повинности, обременявшие земли, находящиеся в «собственности», наследственночиншевом пользовании и наследственной аренде, а также основанные на правах (*Gerechtigkeiten*) реальные повинности, могли быть выкуплены ¹². К выкупаемым относились сборы и повинности в пользу общины или товарищества (*Sozietät*), если они вытекали из общих правовых отношений, например поместного отношения или права на десятину ¹³. Реальные повинности выкупались не взирая на прежнее волеизъявление, срок давности или прежние судебные решения по ним. В результате этого упразднялись ограничения, установленные в положении от 7 июня 1821 г., и значительно расширились возможности выкупа повинностей.

Возмещение за выкупаемые повинности определялось следующим образом. Если взамен ежегодной барщины в течение последних 10 лет, а не еже-

¹¹ G. F. K n a p p. Ibid., Erst. Theil, S. 223—225.

¹² Выкуп сервитутов и других подобных прав производился на основании особого закона о разделе угодий общего пользования.

¹³ Не подлежали выкупу по предписаниям этого закона повинности публичного (*öffentliche*) характера, включая услуги и платежи в пользу общины и товарищества, а также повинность по возведению и содержанию церковных, приходских и школьных зданий, если последняя не являлась взаимным обязательством по отношению к реальной повинности, вместе с которой могла быть выкуплена. Реальные повинности в пользу церквей, приходов, кистеров и школ, определяемые по настоящему закону, сохранялись до особого решения о них.

годной барщины — 20 лет до заявления о ее выкупе или если между этим моментом и обнародованием закона от 9 октября 1848 г. произошло преобразование денежной повинности, то соответственно в течение последних 10 или 20 лет до обнародования упомянутого закона, без возражения уплачивалось и принималось денежное возмещение, то оно, а если последнее в течение этого времени изменялось, то его средняя сумма составляли денежную стоимость барщины. При отсутствии денежного эквивалента стоимость упряжных и пеших дней определялась местными нормальными ценами¹⁴, устанавливаемыми с учетом продолжительности рабочего дня, рода работы, времени года и свойства рабочей силы, а урочной и неопределенной барщины — третейским решением о расходах, которые должен был понести помещик для ее возмещения собственной или нанимаемой упряжкой, фольварочными работниками или поденщиками, причем принималось во внимание меньшая полезность (*mindere Vollkommenheit*) барщинной работы и нормальные затраты на содержание упряжки, фольварочных работников и поденщиков.

Строительные работы при неопределенном количестве рабочих дней в каждом отдельном случае оценивались по их средней годовой стоимости. При этом должны были учитываться род постройки, ее размер и состояние во время оценки, вид работы, а при доставке материалов — расстояние и состояние дороги. При несогласии сторон стоимость этих работ определялась третейским решением. В местностях, где оказывалось необходимым и свойство (*Beschaffenheit*) и род построек позволяли, могли быть при участии специалиста по строительному делу устанавливаться нормальные цены таких работ.

Когда вид (*die Art der Ableistung*) или размер барщины или то и другое одновременно зависели каждый раз от устройства крестьянского хозяйства, и размер или количество барщины оставались неопределенными, то в расчет принимались при ежегодной повинности средняя барщина за последние 10 лет, а при неежегодной барщине — средняя повинность за последние 20 лет до заявления о ее выкупе. Если в таких случаях нельзя было иным законным способом разделить повинности, то, несмотря на то, выполнялась или не выполнялась теперь упряжная или пешая барщина, возмещение за упряжную барщину производилось всеми хозяевами в соответствии с площадью их земель, а за пешую барщину — распределялось поровну между дворами. Таким же способом распределялась стоимость взаимного обязательства помещика и его возмещение за большую ценность крестьянских повинностей. Если при обычном способе хозяйства барщина использовалась не полностью, то возмещению подлежала только барщина, необходимая для ведения хозяйства. Ее размер устанавливался третейским решением. Это правило не применялось в случаях, когда помещик мог неиспользуемую барщину уступить другому лицу или требовать ее оплаты.

---

¹⁴ Нормальные цены и нормальные рыночные места устанавливались особыми властями (*Auseinandersetzungs-Behörde*) по предложениям местных комиссий, состоявших из сведущих жителей, избранных крестьянами и помещиками в равном количестве от обеих сторон. Если одна из сторон не провела выборов в комиссию или отказалась это сделать, то члены комиссии от этой стороны назначались администрацией. В случае разногласия членов комиссии местная администрация принимала решение, которое могло быть обжаловано в Ревизионной коллегии. Обычно за рыночные и нормальные цены принимались цены в том месте, где уплачивались подати или отбывались повинности, а если это делалось в разных местах, то цены той местности, где находилось обремененное повинностями хозяйство. Решения о нормальных ценах и рыночных местах пересматривались через каждые 10 лет таким же способом. В тех местностях, где выкупаемые повинности встречались редко, такие цены и рыночные места могли не устанавливаться; оценка повинностей здесь производилась третейским судьей.

Стоимость постоянного зернового сбора¹⁵⁻¹⁶ устанавливалась по средней мартиновской рыночной цене¹⁷ в данной местности в последние 24 года до заявления о его выкупе, исключая 2 года с высшей и 2 года с низшей ценой. В местностях, где самая бойкая торговля зерном происходила в другое время, стоимость зерна могла определяться его средней ценой в такое время¹⁸. При определении местной цены зерна учитывалась его рыночная цена, а в особых случаях принимались во внимание и расходы по доставке зерна на рынок. Установленная таким образом цена зерна понижалась на 5% в связи с низшим качеством чиншевого зерна по сравнению с рыночным. Зерно особого качества (для посева, за помол), не имеющее рыночной цены, оценивалось третейским судьей. Годичную денежную стоимость зерновой ренты, установленной при регуляции и выкупе повинностей и уплачиваемой деньгами по средней 10-летней или более чем 10-летней цене зерна, составляла денежная сумма, которая вносилась в платежный срок, предшествующий заявлению о выкупе ренты. Если же денежная стоимость такой ренты определялась средней ценой зерна в период менее 10 лет или ежегодно, то ее размер устанавливался по средней цене зерна в последние 24 года до заявления о выкупе ренты, за исключением 2 лет с высшей и 2 лет с низшей ценой.

Постоянные незерновые натуральные сборы — ежегодные и неежегодные, — взамен которых вносился денежный платеж соответственно в течение последних 10 или 20 лет до заявления о их выкупе или если между этим моментом и обнародованием закона от 9 октября 1848 г. произошло преобразование денежной повинности, оценивались таким же способом, как и барщина, возмещавшаяся деньгами. Если годичная денежная стоимость этих сборов не была обозначена, то она определялась нормальными ценами, устанавливаемыми с учетом цен в последние 20 лет и низшего качества даваемых продуктов или предметов, а при ином их качестве, зафиксированным в документе, — третейским решением. Винный сбор при не установленной его стоимости оценивался третейским способом, причем принимались во внимание место изготовления и цены в последние 20 лет до заявления о выкупе.

Если взамен продуктовой десятины в течение последних 10 лет до заявления о ее выкупе или взимаемой вновь в натуре десятины между этим моментом и обнародованием закона от 9 октября 1848 г. в последние 10 лет до его издания без возражения принимался арендный чинш или платеж деньгами или зерном, то такой сбор, а при его изменении — средняя сумма сбора составляли годичную стоимость этой десятины. Зерновые чинши и сборы оценивались по соответствующим предписаниям закона. В прочих случаях доход, который мог быть получен в среднем от продуктовой десятины, определялся сведущими лицами по состоянию и способу ведения хозяйства в момент заявления о выкупе десятины. При десятине в злаках устанавливался особо доход от зерна и от соломы. Зерно оценивалось таким же способом, как и постоянный зерновой сбор, но без понижения его стоимости на 5%; стоимость других продуктов определялась соответствующими постановлениями закона. При установлении ценности продуктовой десятины из валового дохода исключались затраты, произведенные владельцем для получения чистого дохода. Предписания относительно десятины применялись к арендной плате в снопах от так называемых сноповых

¹⁵⁻¹⁶ Таким сбором считалось вносимое ежегодно или в другие установленные сроки определенное количество зерна колосовых и других полевых растений, имеющего общую рыночную цену.

¹⁷ Мартиновской рыночной ценой считалась средняя цена в течение 15 дней, на середину которых приходился день Мартина (11 ноября).

¹⁸ О средних рыночных ценах ежегодно сообщалось в официальном вестнике.

дворов. С обнаружением закона нельзя было требовать десятины с земли, не обремененной до этого десятиной. Поэтому с выкупом десятины по установленным предписаниям упразднялась без особого возмещения десятина с сельскохозяйственной нови (Neubruchtzehnt, Rottzehnt).

При определении стоимости выкупаемых сборов, связанных с переменой владельца, устанавливались количество перемен во владении в течение столетия и сумма платежа. Обычно принималось, что в столетие происходили три перемены владения; если сбор вносился только при продаже хозяйства не родственникам или при передаче его потомкам, то считались две перемены; при платеже сбора не во всех случаях такой продажи или передачи хозяйства, а также исключительно или в иных, кроме упомянутых, случаях (например при женитьбе владельца), считалась одна переменная; в расчет принималось не более трех перемен во владении в течение столетия. Когда сумма сбора не была законно определена раз навсегда или по процентам стоимости или покупной цены земли, его стоимость составляла средняя сумма внесенного или подлежащего уплате сбора в течение шести последних перемен во владении, а при отсутствии таких данных — средняя сумма платежей, о которых имелись сведения. Если таким способом нельзя было определить сумму доходных денег (Gewingelder) от мельничных усадеб (von mahljägigen Besitzer), то принималась половина полного платежа действительных владельцев этого земельного участка. Если же доходные деньги и сбор по случаю смерти составляли одну сумму, то половина ее считалась доходными деньгами. Когда размер сбора определялся процентами стоимости или покупной цены земли, ее стоимость или цена устанавливались третейскими судьями оптом по обычной (gemeinen) покупной цене. При этом учитывалась и стоимость построек и инвентаря, если с них взимался сбор. Но из покупной цены исключались: а) капиталы, уплаченные настоящим или прежним владельцем земли в счет возмещения повинностей, которые были наложены не без согласия лица, получавшего сбор; в противном случае такое исключение не допускалось; б) 20% стоимости принадлежащей хозяйству земли, в) 50% стоимости построек и инвентаря. При неодинаковой сумме или процентной ставке сбора в различных случаях перемены владения принимались средняя сумма или средняя процентная ставка в течение столетия, при более чем трех переменных владения в столетие — три высшие суммы сбора. Одна сотая часть определенного таким способом сбора составляла годовичную его стоимость и подлежала выкупу¹⁹. Доплаты (Nachschussrenten) при выкупе сбора не могли быть установлены²⁰.

Постоянные ежегодные денежные сборы принимались в расчет по их годичной сумме. Если постоянный денежный сбор вносился не ежегодно, а по истечении определенного числа лет, то его сумма делилась на указанное число и частное составляло годовичную стоимость сбора. При уплате ренты, которая могла быть выкуплена посредством выплаты установленного капитала по ее капитализации из 4%, основанием для расчета как постоянного денежного сбора являлась ее годовичная сумма. Это относилось и к чиншам и рентам, когда выкупной капитал был установлен по до сих

¹⁹ За перемены во владении, происшедшие после подачи заявления о выкупе, сбор не уплачивался, но с этого времени обязанный должен был вносить выкупаемую ренту. Это правило применялось ко всем начатым делам о выкупе сбора, если возмещение еще не было законно установлено.

²⁰ Допускался возврат сбора, уплаченного до обнаружения настоящего закона, если платеж был произведен с письменным условием его возврата или по административному решению, причем обязанный оспорил такое решение.

пор законной выкупной ставке и специально определенной ренте, но право выкупа которого принадлежало только обязанному²¹.

Годичная стоимость обязанностей по содержанию маточного поголовья скота и выкармливанию скота устанавливалась по нормальным ценам, а промысловых, ремесленных и прочих сборов и повинностей — по соответствующим предписаниям закона, а при отсутствии таких предписаний — по усмотрению сведущих лиц. По вышеуказанным правилам оценивались и обязанности помещика по отношению к крестьянину, за исключением обязательств, отменявшихся по положению от 7 июня 1821 г. о разделе угодий общего пользования.

Из годичной денежной стоимости всех выкупаемых крестьянином реальных повинностей вычиталась годичная стоимость взаимных обязательств помещика²², и оставшаяся денежная сумма подлежала возмещению. Когда эта сумма превышала $\frac{1}{3}$ чистого дохода от хозяйства²³, то крестьянин имел право требовать соответствующего ее уменьшения²⁴. Если стоимость обязательств помещика была больше стоимости повинностей крестьянина, то разница компенсировалась помещиком, кроме случаев, когда по особому праву с отменой крестьянских повинностей прекращались и обязательства помещика. При обязательствах помещика, заключавшихся в предоставлении части собранного урожая или продуктов обмолота (например, огородникам-молотильщикам и им подобным) превышение стоимости этих обязательств по сравнению с ценностью барщины возмещалась обычно землей по предписаниям положения о разделе угодий общего пользования, причем учитывались все не безвозмездно отменяемые виды работ в пользу помещика.

Денежная рента, подлежащая возмещению, могла быть выкуплена посредством уплаты ее деньгами в 18-кратном размере. При отсутствии иного соглашения платеж должен был быть произведен не позднее срока исполнения выкупного акта. Если обязанный не желал сразу уплатить капитальную сумму, то ее выкуп осуществлялся через рентный банк. При уплате обязанным ренты в 18-кратном размере в государственную кассу помещик мог получить ее возмещение в 20-кратном размере в рентных листах. Канон, чинш и другие повинности, установленные при передаче по письменному контракту земли в наследственную аренду, наследственно-чиншевое владение или «собственность» до обнародования настоящего закона, по исключению обязательств помещика могли быть выкуплены по

²¹ Если срок уплаты выкупного капитала был законно установлен или право требовать (Kündigung) возмещения его или выкупаемой ренты предоставлялось и помещику, хотя бы только в определенных случаях, то это оставалось в силе, и предписания настоящего закона, за исключением устанавливаемого срока, не применялись. Это правило относилось и к рентам, связанным с разделом угодий общего пользования, когда помещик не отказывался от своего права требовать их выкупа, а также к рентам, капитализировавшимся не из 4%, к чиншам, установленным не на основании до сих пор законной выкупной ставки или специальной оценки. При выкупе ренты или чинша в этих случаях помещик мог получить возмещение в рентных листах, если обязанный не предпочитал выкупать их по условиям контракта. Ренты и чинши, превышающие $\frac{2}{3}$ чистого дохода от хозяйства, к оплате рентным банком не принимались.

²² Обязательства в пользу третьего лица в расчет не принимались, так как непосредственное право на них принадлежало этому лицу.

²³ Чистый доход определялся таким способом. Третейские судьи устанавливали оптом обычную покупную цену хозяйства с учетом лежащих на нем повинностей и принадлежащих ему прав. 4% этой покупной суммы и ежегодная стоимость всех выкупаемых реальных повинностей после вычета из нее взаимных обязательств помещика составляли чистый доход от хозяйства.

²⁴ Предписания о таком понижении суммы платежа не касались денежных и зерновых рент, установленных при регуляции отношений между крестьянами и помещиками и на основании положений 1821 г. о выкупе повинностей и разделе угодий общего пользования.

капитализации из 5% по предложению помещика только через рентный банк, а по предложению крестьянина — только посредством уплаты этой суммы деньгами, о чем он должен был заявить за 6 месяцев до выкупа. Обязанный имел право в течение четырех следующих друг за другом годовых сроков со дня заявления о выкупе уплатить капитальную сумму равными частями, которые, однако, не могли быть менее 100 талеров. Недомка покрывалась с уплатой 5% годовых. Стороны могли договориться об ином способе выкупа повинностей, в частности посредством уступки части земли.

При выкупе реальных повинностей по настоящему закону не могло быть уменьшено возмещение из-за поземельной подати, наложенной на крестьянское хозяйство; не разрешалось и перенесение податей с помещицкой земли на крестьянскую в счет выкупаемых повинностей, но до проведения выкупа за обязательным сохранялось право на возмещение податей или соответствующее уменьшение его повинностей²⁵.

Закон от 2 марта по сравнению с положением от 7 июня 1821 г. в большей мере регламентировал условия выкупа повинностей. Обеспечивая в основном интересы помещика, он принимал во внимание и платежеспособность крестьянина. При выкупе повинностей крестьянину должна была остаться $\frac{1}{3}$ чистого дохода от хозяйства, в определенных случаях ему возмещалось превышение стоимости его прав над его обязанностями. Существенное значение имело снижение выкупной ставки до 5 $\frac{4}{9}$ %.

Взамен эдикта от 14 сентября 1811 г. и закона от 8 апреля 1823 г. о регуляции отношений между помещиками и крестьянами устанавливались новые правила регуляции, которые применялись только в тех провинциях, где она до этого проводилась. Отныне регуляции подлежали все существовавшие до введения в действие упомянутого эдикта или обнародования кабинетного распоряжения от 6 мая 1819 г. в соответствующих провинциях крестьянские хозяйства, которые были переданы в наследственное или временное пользование на ласситском праве или с условием отбывания повинностей в пользу помещика, независимо от их величины и свойства (земледельческие, хозяйства огородников-молотильщиков и т. д., с мельницами, кузницами, корчмами или без них), от того, кто был собственником земли, и на крестьянской или иной земле они были устроены, если после окончания владения они по закону или обычаю предоставлялись другим хозяевам²⁶. Кроме того, в Великом княжестве Познанском, Хэлминской и Михаловской землях и Торуньском округе могла быть проведена регуляция существовавших до указанного распоряжения так называемых эфитевтических хозяйств, переданных в пользование на определенное число лет или ряду поколений (Geschlechtsfolgen) или сданных во временную аренду, несмотря на то, обременялись ли они барщичной или сборами в пользу помещика или нет, если их владельцы в податных или других официальных реестрах, урбариях, престационных табелях, передаточных актах или контрактах числились лицами крестьян-

²⁵ Ренты и чинши, которые в соответствии с постановлениями о выкупе повинностей в бывшем королевстве Вестфалия, Вестфальском герцогстве и бывшем округе Нассау были уменьшены в связи с поземельной податью, могли при согласии обязанного выкупаться в определенных случаях по правилам закона, если к ним прибавлялась вычтенная сумма. При других условиях их выкуп производился по ходатайству обязанного по капитализации из 4% и посредством уплаты капитальной суммы деньгами.

²⁶ Предписания о регуляции не касались хозяйств и участков земли, переданных не на основании вотчинного отношения, а по контракту во временную аренду, а также в пользование дворовым, лесным, горным и хозяйственным служащим, прислуге, помещикам и горным работникам, без различия, являлись ли они земледельческими хозяйствами или нет.

ского сословия или владения таких лиц по общим, провинциальным или местным названиям считались крестьянскими, а в Прусской провинции — эмфитевтических хозяйств, предоставленных в пользование на определенное число лет или ряду поколений. Все такие хозяйства подлежали регуляции, не взирая на прежнее волеизъявление, срок давности или прежнее судебное решение²⁷.

Таким образом отменялись ограничения в отношении регуляции, установленные после издания эдикта 1811 г. Теперь основанием для проведения регуляции являлись наличие господско-крестьянского отношения и связанное с ним обязательство передачи освободившегося хозяйства другому крестьянину. Однако закон не содержал дефиниции этого отношения, а распоряжения о замещении освободившихся хозяйств после 1816 г. утратили силу. Поэтому особое значение приобретал обычай, впрочем, допускалось различное толкование закона в особенности по отношению к временным арендаторам. Закон не касался крестьянских хозяйств, которые после 1811 г. (в Познанском княжестве — после 1819 г.) были упразднены²⁸.

Претензия лица на регулируемое хозяйство, состоявшее в его или заведателей пользовании, или на вознаграждение за отнятие хозяйства должна была быть заявлена компетентным властям в округе до 1 января 1852 г., в противном случае она не принималась. Это предписание относилось и к Великому княжеству Познанскому, Хелминской и Михаловской землям и Торуньскому округу, за исключением случаев, для которых оставался в силе уже установленный преключительный срок (1 января 1849 г.). С вступлением закона в силу право на регуляцию в случае смерти владельца хозяйства до ее проведения переходило по наследству таким образом как если бы владелец уже был собственником.

Если право владения хозяйством, которое могло быть регулировано, прекратилось и не было никого, кто имел право на приобретение его в собственность, то помещик мог передать это хозяйство другому лицу, и, не нарушая прав третьих лиц, распорядиться им по своему усмотрению.

Регуляции подлежали земли, принадлежавшие хозяйству, повинности крестьянина и обязательства помещика по их состоянию ко времени обнародования закона от 9 октября 1848 г. Возражения против этого должны были основываться только на документах. При регуляции принимались в расчет со стороны помещика: право собственности, дворовой инвентарь, выкупаемые крестьянином барщина, денежные и натуральные сборы и повинности всякого рода, а также сервитуты на крестьянской земле; со стороны крестьянина: право на пособие при несчастных случаях, обязанность помещика в случае несостоятельности крестьянина замещать его при уплате податей и общественных сборов, обязанность по возведению и ремонту крестьянских построек и предоставлению древесины, все выкупаемые сервитуты на помещичьей земле.

Без возмещения крестьянин приобретал право собственности на землю и получал дворовой инвентарь, а помещик освобождался от обязательств оказывать пособие в несчастных случаях и замещать крестьянина при уплате податей и общественных сборов. Стоимость обязательств помещика по возведению и ремонту построек и предоставлению древесины, а так-

²⁷ Право приобретения хозяйства в собственность принадлежало лицу, имевшему собственное право владения этим хозяйством. Поэтому временный хозяин, арендатор или держатель такого хозяйства не мог претендовать на передачу ему в собственность хозяйства. Лицо, имевшее собственное право владения хозяйством до обнародования закона от 9 октября 1848 г., считалось законным его владельцем. При ненаследственном пользовании хозяйством право на него до издания упомянутого закона могло быть основано только на юридическом документе.

²⁸ G. F. K n a p p. Ibid., erst. Theil, S. 226—228.

же сервитутов на крестьянской и помещичьей земле определялась по их средней ежегодной цене, при несогласии сторон — третьейским судьей; в случае необходимости устанавливались нормальные цены этих услуг. Годичная стоимость барщины и других повинностей крестьянина и прочих обязанностей помещика определялась по правилам о выкупе повинностей. Из годичной денежной суммы всех крестьянских повинностей вычиталась годичная денежная сумма всех обязательств помещика и остаток выкупался крестьянином по предписаниям настоящего закона. Если обязательства помещика превышали повинности крестьянина, то помещик за исключением случаев, когда предоставлялась доля с урожая или обмолота, не обязан был возмещать излишек, напротив, крестьянин должен был удовлетвориться отменой его повинностей. Установленное возмещение не должно было превышать $\frac{1}{3}$ чистого дохода от крестьянского хозяйства, в противном случае соответственно уменьшалось. При этом стоимость сервитутов на помещичьей земле вычиталась из установленной ренты с учетом платежеспособности крестьянина. Возмещение при регуляции по согласию сторон могло быть проведено и иным способом, в особенности посредством уступки части земли. Не разрешалось требовать большего вознаграждения, чем нормальное. Ходатайство о низшем возмещении принималось во внимание, но без применения предписания декларации 1816 г.

При чересполосице регулируемых и помещичьих земель должна была проводиться их комасация по положению о разделе угодий общего пользования. В этом случае, однако, вопреки воле владельца регулируемого хозяйства не могли делиться какие-либо другие угодия общего пользования. Проведение регуляции не зависело от комасации земель и не могло последней задерживаться. До окончания комасации пользование пастбищем на чересполосных участках в случае необходимости определялось временным решением.

С проведением регуляции крестьянин приобретал право собственности на свое хозяйство и его принадлежности, к которым относились и находящиеся на земле деревья, а также на полезные ископаемые в соответствии с государственным и провинциальным законодательством. Открытые помещиком до обнародования настоящего закона на крестьянской земле минеральные залежи (рудники, каменоломни и т. д.) оставались за ним с условием вознаграждения крестьянина за пользование ими (*entzogene Benutzung*) и ухудшение качества почвы (*die Verschlechterung der Bodenfläche*), устанавливаемого третьейским судьей. Права, приобретенные ко времени обнародования упомянутого закона на наследственные куксы (*Erbkuxe*) и совместные копи (*Mitbaurechte*), не изменялись. Во всех прочих отношениях, не вытекающих из регуляции, сохранялось в силе горное законодательство.

За помещиком оставались используемые им постройки на крестьянской земле, например, помещения для фольварочных работников. По требованию крестьянина и за его счет они могли быть перенесены на фольварочную землю. Если помещик хотел возвести такую новую постройку, то перенос ее производился за его счет. Участки земли, освободившиеся после переноса постройки, переходили к крестьянину бесплатно. С ходатайством о проведении регуляции помещик освобождался от возмещения потерь в дворовом инвентаре. Прочие взаимные обязательства сохранялись до окончания регуляции.

Требовать выкупа повинностей или регуляции имел право как помещик, так и крестьянин. При ходатайстве о выкупе подлежали отмене все реальные повинности крестьянина, если ходатайство исходило от помещика, то в местностях, где осуществлялась регуляция, с выкупом связыва-

лось и проведение регуляции. Ходатайство о выкупе или регуляции не могло быть взято обратно. Предварительно проведенные выкупы и регуляции по постановлению от 20 декабря 1848 г. официальным путем превращались в окончательные. Эти правила распространялись на все еще не законченные дела по регуляциям и выкупам.

Срок проведения регуляции и выкупа устанавливался сторонами, при их несогласии — компетентной властью. Расходы по проведению регуляции и выкупа, включая судебные издержки, делились пополам между помещиком и крестьянином, а при большем числе заинтересованных лиц распределялись между ними в соответствии с размером повинностей. Издержки, связанные с еще продолжающимися регуляциями и судебными процессами относительно повинностей, отменяемых безвозмездно, если они не были покрыты, аннулировались.

Регуляционный или выкупной рецесс составлялся в присутствии судебного чиновника или нотариуса, служащего в Генеральной комиссии или сельскохозяйственном отделении регенции или в общине, которому поручалось это дело. С обнаружением настоящего закона считались недействительными противоречащие ему предписания закона от 9 октября 1848 г.

Таким образом, законом от 2 марта значительно расширился круг регулируемых хозяйств и облегчались условия регуляции (принимался в расчет чистый доход от крестьянского хозяйства, снижалась выкупная ставка и т. д.), что, однако, существенным образом не ущемляло интересов владельцев имений.

Впредь при наследственной передаче земли допускалась только передача ее в собственность. Кроме постоянной денежной ренты отныне хозяйство не могло обременяться повинностями, выкупаемыми по настоящему закону. Вновь установленную денежную ренту обязанный, предупредив за 6 месяцев, имел право выкупить по капитализации ее из 5%, если в контракте не предусматривалось иное. В последнем случае, однако, определялся срок, который не должен был превышать 30 лет, а рента не могла капитализоваться более чем из 4%. Это относилось и к установленным ранее рентам. Условия контракта, противоречившие данному предписанию, считались недействительными. В будущем капитал подлежал выкупу в определенный срок, не превышающий 30 лет, при бессрочном платеже — по истечении 30 лет после обнаружения настоящего закона. Относительно мельничного сбора должен был быть издан особый закон.

Закон от 2 марта не определял окончательного срока проведения регуляции. Это обстоятельство создавало затруднения для некоторых помещиков. В конце 1855 — начале 1856 г. от них поступили ходатайства об установлении такого срока. Мотивировалось это тем, что имеется еще немало хозяйств, владельцы которых могут претендовать на проведение регуляции, помещик же до ее осуществления не может свободно распоряжаться своими землями. Несмотря на возражения некоторых местных властей и двух депутатов палаты представителей, указывавших, что в таком случае кое-где остались бы ласситские отношения, считавшиеся вредными для земледелия²⁹, 16 марта 1857 г. был издан так называемый преклюзионный закон. Им устанавливалось, что претензии на регуляцию хозяйств или вознаграждение за отнятое хозяйство, если они уже законом от 2 марта не исключались, должны быть заявлены соответствующим властям не позднее 31 декабря 1858 г., по истечении этого срока такие претензии не должны были приниматься во внимание.

²⁹ Ibid., zw. Theil, S. 457—462.

Постоянную денежную ренту можно было выкупить путем уплаты ее капитализированной суммы помещику или в государственную кассу³⁰. Уплатить такую сумму сразу крестьянин за редким исключением не мог. Поэтому в целях «облегчения выкупа реальных повинностей и полной ликвидации правовых отношений между бывшими до сих пор правомочными и обязанными», как говорилось в законе об устройстве рентных банков от 2 марта 1850 г.³¹, в каждой провинции учреждался рентный банк. При посредстве такого банка производился выкуп ренты, если все реальные повинности, обременявшие хозяйство и подлежавшие выкупу через рентный банк, были превращены в постоянную денежную ренту. Требовать выкупа ренты таким способом мог как помещик, так и крестьянин, а если а) уже был определен срок уплаты выкупного капитала или право требовать его уплаты или выкупа ренты принадлежало и помещику, б) правомочное лицо не отказывалось от права требовать выкупа ренты, связанной с разделом угодий общего пользования, в) размер ренты или выкупного капитала был установлен не на основании до сих пор законной ставки или специальной оценки (и во всех этих случаях обязанный не предпочитал возмещать их по условиям контракта), г) канон, чинш и другие повинности, зафиксированные в письменном контракте, капитализировавшиеся из 5% — то только помещик.

Обязанный должен был вносить в банк ежегодно $\frac{9}{10}$ ренты ($\frac{1}{10}$ ее слагалась) в течение 56 $\frac{1}{12}$ лет (673 месяцев)³². При уплате всей суммы ренты срок ее погашения уменьшался до 41 $\frac{1}{12}$ лет (493 месяцев)³³; однако период амортизации ренты таким путем не мог быть уменьшен, если к оплате принималась и недоимка, в этом случае вносилась еще особая ежегодная рента в размере $\frac{1}{20}$ недоимки для возмещения последней. Суммы ренты менее одного серебряного гроша не подлежали выкупу через банк и по капитализации непосредственно уплачивались помещику. Выкуп ренты при посредстве банка начинался с 1 апреля или с 1 октября (до этого рента должна была уплачиваться помещику). При платеже ренты в срок разрешалась ее частичная или полная амортизация путем уплаты определенной капитальной суммы. Из такой суммы прежде всего покрывались имевшиеся недоимки ренты. Сумма ренты, неокругленная в серебряных грошах, не могла быть выкуплена посредством уплаты капитала. Рента, составлявшая менее 5 серебряных грошей, выкупалась сразу в полном размере. Поступавшая в банк рента приравнивалась к государственной подати и вносилась в сроки, установленные для платежа подати.

Банк выплачивал помещику полную сумму ренты, а в отдельных случаях и недоимки (за исключением уже произведенного обязанным платежа) в 20-кратном размере в 4% погашаемых путем тиража рентных листах, обеспечиваемых государством. Мелкие суммы уплачивались деньгами. При желании помещик мог получить вознаграждение в таком же размере в рентных листах, если обязанный вносил 18-кратную сумму ренты в государственную кассу. Из поступавшей ежегодно ренты в банк

³⁰ В этом случае, например, выкупная сумма ежегодной ренты в 5 талеров 16 серебряных грошей 8 пфеннигов составляла 100 талеров.

³¹ GS, 1850, S. 151—175.

³² Так, например, $\frac{9}{10}$ ренты в 5 тал. 16 сер. гр. 8 пф. = 5 тал. Выкупная сумма $\frac{9}{10}$ (5 тал.) ренты по капитализации из 4,5% составляла 111 тал. 3 сер. гр. 4 пф. Обязанный платил ежегодно 4,5% этой суммы (5 тал.) в течение указанного времени в счет возмещения ее и годовых процентов. Общая сумма платежа = 280 тал. 12 сер. гр. 6 пф.

³³ В этом случае рента капитализировалась из 5%, выкупная сумма ренты в 5 тал. 16 сер. гр. 8 пф. составляла 111 тал. 3 сер. гр. 4 пф. Ежегодно уплачивалось 5% этой суммы на покрытие долга и процентов. Общая сумма платежа = 228 тал. 7 сер. гр. 10 пф.

(4,5 или 5% ее капитальной суммы) выплачивались проценты по рентным листам, остальная сумма (0,5 или 1%) обращалась на погашение этих листов.

С момента принятия банком ренты для ее выкупа и выдачи рентных листов полностью прекращались всякие взаимные права и обязанности между до сих пор правомочным и обязанным относительно ренты и других реальных повинностей, замененных рентой, за исключением недоимки.

В результате помещик получал от государства выкупную сумму сразу в ценных бумагах, которые по номинальной стоимости могли быть использованы в разного рода сделках, крестьянин же обременялся выкупным платежом в казну в течение длительного срока.

Особым законом от 2 марта 1850 г.³⁴ модифицировались положение от 7 июня 1821 г. и другие постановления о разделе угодий общего пользования. Решения по этим вопросам, приобретшие законную силу до издания упомянутого закона, не подлежали пересмотру. С обнародованием этого закона отменялись предписания закона от 9 октября 1848 г. о приостановке раздела угодий общего пользования и судебных процессов по этим делам. Права: 1) косить траву (Gräsegei), срезать тростник или камыш на землях и частных водоемах всякого рода; 2) рвать траву и сорняки на возделанных полях (zum Krauten), 3) сгребать оставшееся (Nachrechten) на полях после уборки урожая как и колосья на жнивье; 4) пользоваться чужими полями за предоставление навоза; 5) получать плоды от отдельных участков чужих полей (zum Deputat-Beeten); 6) собирать древесную смолу; 7) ловить рыбу в частных стоячих и текущих водах и 8) пользоваться торфом, если они основывались на каком-либо сервитуте (Dienstbarkeit), по предложению как правомочного, так и обязанного могли быть самостоятельно выкуплены по положению от 7 июня 1821 г.³⁵ По этому же положению должен был производиться и раздел торфяных болот, состоявших в общем владении до и после его издания.

Если размер сервитутов косить траву, рвать сорняки или сгребать оставшееся на полях после снятия урожая всех или отдельных правомочных лиц не определялся документом, то их участие в пользовании сервитутом считалось одинаковым. В местностях, где корм для скота преимущественно обеспечивался посредством скашивания травы, отдельным хозяевам предоставлялось право доказывать, что в последние десять лет до раздела угодия они соответственно поголовью скота или площади их хозяйства в большем размере пользовались этим сервитутом; обоснованная претензия принималась во внимание.

При неопределенном размере пользования камышом, тростником, пожнивьем или торфом, предназначенных для заготовки навоза и для отопления, размер сервитута устанавливался исходя из потребностей хозяйства и его собственных возможностей в этом отношении, а при продаже навоза и топлива — по средней цене за последние десять лет. Залежи торфа на земле правомочного, не открытые ко времени раздела угодия, в расчет не принимались. Также по потребностям и возможностям хозяйства определялось количество подстилки и древесины, собираемых в чужом лесу и используемых для заготовки навоза и топлива. Возмещение за отменяемое право собирать смолу, стоимость которой устанавливалась с учетом ее полезности и предписаний о лесном хозяйстве, производилось, если стороны не иначе договорились, только посредством уплаты ренты

³⁴ GS, 1850, S. 195—203.

³⁵ Новые сервитуты такого рода могли устанавливаться лишь с определенными ограничениями и только по письменному контракту. С обнародованием настоящего закона приобретение юридической давности в отношении этих сервитутов аннулировалось.

или капитала. При отмене права рыбной ловли по закону о спуске вод (11 ноября 1811 г.) и закону об ирригации (28 февраля 1843 г.) правомочные вознаграждались по предписаниям этих законов. Сохранялись в силе постановления регулямина о рыболовстве в Познанском княжестве и регулямина о внутренних водах в Прусской провинции от 7 марта 1845 г. относительно возмещения ущерба рыболовству в связи с новыми сооружениями. В прочих случаях сведущими лицами определялся чистый годовой доход от рыбной ловли в частных водах. При этом принималась во внимание польза, которую имел правомочный в течение последних 10 лет до выкупа его права; стоимость такого сервитута возмещалась путем уплаты ренты или капитала, если стороны не договорились иначе. Если владелец ходатайствовал о выкупе рыболовного сервитута, то правомочное лицо могло требовать, чтобы пригодное еще для рыбной ловли снаряжение за соответствующее вознаграждение было от него принято владельцем.

Впредь при разделе угодия вместо ренты, определявшейся по изменяющейся цене ржи, устанавливалась только постоянная денежная рента. Рента, установленная после обнародования настоящего закона, могла быть выкуплена по предложению как правомочного, так и обязанного лица, сделанному за 6 месяцев до ее выкупа, посредством уплаты ее деньгами в 20-кратном размере. Обязанному разрешалось выплачивать капитал равными частями в четыре следующих друг за другом годовых срока, причем правомочный мог принимать только такие части платежа, которые по крайней мере составляли 100 талеров. Недоимки покрывались с уплатой 5% годовых. Стороны могли договориться о других сроках выкупа ренты и о другой выкупной ставке, которая, однако, не должна была превышать капитализации из 4%.

Упразднялось право владельца земли, обремененной сервитутом, определять род вознаграждения и выбирать, должно ли оно производиться по доходу от пользования сервитутом или по выгоде, которую получает владелец от отмены сервитута, если о разделе угодия ходатайствовало правомочное лицо. При выкупе лесных сервитутов по предложению владельца леса за последним сохранялось право выбора вознаграждения; в этом случае, однако, стоимость возмещения не должна была превышать дохода от пользования сервитутом. За отмену лесных сервитутов: права пасти скот, пользоваться травой, древесиной, собирать подстилку, косить траву и вереск под дубами и на островках, если стороны не договорились иначе, возмещение могло быть произведено посредством уступки земли, пригодной для использования в качестве пахотной и луговой земли, которая постоянно приносила бы больший доход по сравнению с доходом от посадки на ней деревьев. При этом учитывались расходы, необходимые для возделывания земли. Находящиеся на ней деревья оставались за владельцем леса, последний обязан был в течение не более трех лет их вырубить, а до передачи земли уплачивать соответствующую ренту. Право пользования древесиной и сбора подстилки разрешалось возмещать уступкой лесного участка, пригодного лишь для посадки деревьев, с учетом находящегося на нем древостоя, если последний предназначался для длительного пользования. В этом случае площадь участка со строевым лесом как возмещение должна была составлять по меньшей мере 30 моргов. В прочих случаях такие сервитуты возмещались уплатой капитала или ренты. Предписания положения от 7 июня 1821 г. о том, что при ходатайстве владельца леса об отмене права пользования древесиной возмещение должно было производиться землей и о возмещении пастбищного сервитута землей с обязательством упорядочения пастбища аннулировались; постановления же о лесных пастбищах применялись и к сервитутам, обеспечивающим право косить траву в лесах. Сохранялись в силе

постановления от 28 июля 1838 г. и 9 октября 1848 г. об ограничении права ходатайства о разделе угодий общего пользования в Познанском княжестве, в округах, присоединенных к Западной Пруссии, в Хэлминской и Михаловской землях и окрестностях Торуня, а также в округах Дуисбург и Ресс Вестфальской провинции, но установленная привилегия для владельцев рыцарских имений и доминиальной лесной администрации в этом отношении упразднены, причем начатые уже дела не должны были приостанавливаться. Если многие лица сообщали пользовались сервитутом, то их большинство могло требовать решения дела третейским способом, при несогласии другой стороны местная власть определяла способ отмены сервитута. При выкупе односторонних лесных сервитутов расходы по измерению и оценке леса покрывались всеми участниками по мере их пользования; остальные расходы возмещались участниками в соответствии с выгодой, которую они получали при отмене сервитута. В прочих случаях расходы распределялись в соответствии с выгодами от ликвидации сервитута или стоимостью права пользования.

Предписания этого закона были ориентированы на скорейшую ликвидацию сервитутов, обременявших помещичьи земли, но часто весьма необходимых для ведения крестьянского хозяйства.

После издания закона от 2 марта регуляция крестьянских хозяйств в Силезии приобрела значительные масштабы. До конца 1858 г. (последнего срока для подачи заявлений о проведении регуляции) в Опольском округе были регулированы 6352 хозяйства, во Вроцлавском — 592³⁶. Регуляция во Вроцлавском округе была завершена в 1865 г.³⁷, последние регуляции хозяйств в Легницком округе состоялись в 1869 г. (13 хозяйств с общей площадью 334 морга земли, в среднем на хозяйство приходилось около 26 моргов)³⁸. В Опольском округе в 1867 г. подверглись регулированию 62 хозяйства, в 1868 г. — 55 хозяйств, регуляция здесь была закончена в 1872 г. (одно хозяйство). При этом площадь земли 117 хозяйств составила 1507 моргов (в среднем одного хозяйства — около 13 моргов)³⁹.

Все ли хозяйства, подлежавшие по закону от 2 марта регуляции, были регулированы, сведений не имеется. Помещик, не заинтересованный в регуляции крестьянских хозяйств, разумеется, не делал такого рода предложения в установленный срок. Крестьяне же, в одних случаях, будучи не в состоянии доказать свои права, в других — опасаясь, что с проведением регуляции лишатся прав на сервитуты, являвшиеся важным условием ведения их хозяйства, не заявляли своих претензий. Поэтому некоторые крестьянские хозяйства остались в прежнем положении, и помещик приобретал право свободно распоряжаться ими. Впоследствии они могли быть сданы в аренду, проданы или присоединены к фольварку.

Наряду с регуляцией происходил и выкуп феодальных повинностей. О результатах регуляции и выкупа феодальных повинностей по закону от 2 марта до конца 1870 г. дает представление табл. 1.

Из сопоставления данных табл. 1 со сведениями, относящимися к началу 1850 г.⁴⁰, прежде всего следует, что, если из общего числа хозяйств, подвергшихся регуляции (13 535), с 1811 по 1849 г., т. е. в течение 39 лет было регулировано 5560 (42%), то после издания закона от 2 марта, в течение 20 лет — 58% хозяйств (в Опольском округе — 61%, во Вроцлав-

³⁶ Deutschen Zentralarchiv (далее — DZA), Historische Abteilung II Merseburg, Ministerium Innern (далее — MI), Rep 87 B, № 6594, Bl. 37—41; № 6592, Bl. 134—139.

³⁷ Ibid., № 6594, Bl. 380—385.

³⁸ Ibid., № 6595, Bl. 124—131.

³⁹ Ibid., № 6594, Bl. 499—504; № 6595, Bl. 49—54, 280—285.

⁴⁰ DZA, Abt. II, MI, Rep 87 B, № 6592, Bl. 134—139.

Таблица 1

Регуляция и выкуп феодальных повинностей с 1850 по 1870 год

Округ	Регулировано хозяйств	Общая площадь земли регулированных хозяйств (га)	Число выкупных лет	При регулировании и выкупе повинностей					
				упразднено барщинных дней		вознаграждение помещикам			
				упряжных	пеших	капитал (талеры)	денежная рента (талеры)	рента рожью (шеффели)	земля (га)
Вроцлавский	626	2004	177821	36846	1588372	657437	519631	323	1841
Легницкий	243	1409	190761	51699	1007104	1140947	480209	1361	1242
Опольский	7006	22275	180161	73895	2932866	723314	453327	2	3178
Всего	7875	25688	548743	162440	5528342	2521698	1453167	1696	7261

DZA, Abt. II, MI, Rep. 87 B, № 6595, Bl. 178—185; № 6592, Bl. 134—139. Данные за эти годы получены путем исключения из сведений на конец 1870 г. данных, относящихся к началу 1850 г. Площадь земли к началу 1850 г. определена в га из расчета 1 га = 3,917 морга.

ском — при относительно небольшом числе хозяйств — 97%). Среди регулированных по этому закону преобладали мелкие хозяйства. В среднем на хозяйство приходилось 3,5 га земли (во Вроцлавском округе — 3,2, в Легницком — около 6, в Опольском — 3,1 га, в период до 1850 г. соответственно 9,4; 13,3; 10; 9 га). На небольшой размер этих хозяйств указывает и соотношение между упряжной и пешей барщиной, хотя данные о ней включают и барщину, отмененную при выкупе повинностей. Если при регуляции и выкупе повинностей до 1850 г. на один день упряжной барщины приходилось 5,5 пеших дня, то в последующий период на один упряжной — 34 пеших дня. Пешей же барщиной преимущественно обременялись мелкие хозяйства. Возмещение помещиком при регуляции крестьянских хозяйств определить по таблице, к сожалению, нельзя, так как сведения о нем соединены с данными о выкупе повинностей.

Что же касается выкупа повинностей, то число выкупных сделок в 50—60-е годы по сравнению с 1821—1849 гг. (98 568)⁴¹ увеличилось более чем в 5,5 раза, а в Опольском округе — в 9,5 раза⁴². Выкупные сделки, по-видимому, до 1850 г. касались преимущественно отдельных хозяйств или большей части их повинностей, в последующие же годы — отдельных повинностей, поскольку количество сделок намного превышало число хозяйств.

В результате регуляции и выкупа повинностей помещики получили вознаграждение посредством уплаты капитала (2 521 698 талеров), денежной ренты (по капитализации из 5⁵/₉%⁴³ 26 157 006 тал.), ренты зерном (в среднем по одному тал. за шеффель ржи⁴⁴ и по капитализации из 5⁵/₉% — 330 348 тал.) и уступки земли (в среднем по 60 тал. за 1 га пахотной и луговой земли⁴⁵ — 435 660 тал.) всего 29 144 712 талеров. Если приравнять регуляцию одного хозяйства к одной выкупной сделке, то оказалось бы, что в среднем платеж крестьянина составил бы 52 талера.

В рассматриваемый период при разделе угодий общего пользования, принадлежащих 142 168 хозяевам, были отменены сервитуты на

⁴¹ DZA, Abt. II, MI, Rep 87 B, № 6592, Bl. 134—139.

⁴² Некоторые выкупные сделки не учитывались Генеральной комиссией.

⁴³ Нередко рента капитализировалась из 5 и 4%.

⁴⁴ Так оценивалась рожь при регуляции и выкупе повинностей по 1865 г. A. M e i t z e n. Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des Preussischen Staates nach dem Gebietsumfange vor 1866. Bd. I. Berlin, 1868, S. 437.

⁴⁵ Ibid.

685 140 моргов земли; кроме того, было проведено размежевание 368 510 моргов земли⁴⁶.

Выкуп феодальных повинностей происходил и в последующие годы. По данным Генеральной комиссии с 1871 по 1907 г. состоялись 157 522 выкупные сделки (табл. 2).

Таблица 2

Выкуп феодальных повинностей

Годы	Число выкупных сделок	Упразднено барщинных дней		Вознаграждение помещикам			
		упряжных	пеших	капитал (марки)	денежная рента (марки)	рента зерном (шеффель ржи)	земля (га)
1871—1880	111513	801	5784	2353985	548529	5610	60
1881—1890	28786	194	806	54865	117968	175	1,8
1891—1900	7629	1	153	365583	20391	—	11
1901—1907	9594	41	9	279944	18917	—	—
Всего	157522	1037	6752	3034377	705795	5785	72,8

DZA, Abt. II, MI, Rep. 87 B, № 6595, Bl. 178—185; № 6596, Bl. 257—262; № 6597, Bl. 243—247; № 6599, Bl. 96—99; № 6699, Bl. 401—405. В данных до 1875 г. денежные суммы показаны в талерах. Пересчитано по соотношению 1 талер = 3 маркам.

Они составили примерно 19% общего числа таких сделок с начала выкупной операции. В эти годы, по-видимому, выкупались главным образом денежные и натуральные сборы, так как удельный вес барщины среди выкупаемых повинностей был незначительным. За отмену этих повинностей помещики получили возмещение посредством уплаты капитала (3 034 377 марок), денежной ренты (по самой низшей выкупной ставке, т. е. в 18-кратном размере — 12 704 310 марок), ренты зерном (в среднем по 3 марки за шеффель ржи⁴⁷ в 18-кратном размере — 312 390 марок) и уступки земли (по средней цене для предшествующего периода за 1 га 180 марок — 13 104 марки) всего 16 064 181 марку. В среднем на выкупную сделку приходилась 101 марка (в 1850—1860 гг. при регуляции и выкупах — 156 марок) платежа.

В 1907 г. было совершено 2209 выкупных сделок⁴⁸. Это не означало окончания выкупа повинностей, он продолжался, хотя и в гораздо меньших размерах. В связи с разделом угодий общего пользования в 1871—1907 гг. была проведена сепарация земель 55 659 хозяйств и упразднены сервитуты на 317 289 га земли. За отмену сервитутов в 1821—1907 гг. 3195 хозяев получили вознаграждение 301 098 марок, 201 марку денежной ренты и 3069,7 га земли⁴⁹.

Подводя краткие итоги аграрной реформы в Силезии по законам от 2 марта 1850 г., можно констатировать, что в ней ярко проявились основные черты буржуазной аграрной эволюции прусского типа. Законы от 2 марта, явившиеся следствием революции 1848—1849 гг., в определенной мере модифицировали условия регуляции и выкупа повинностей и способствовали ликвидации феодальных отношений. Однако господствующее положение помещиков-юнкеров обусловило существенную ограниченность этой реформы, которая имела в виду прежде всего интересы помещиков и обрекала массы крестьян на обнищание и пролетаризацию.

⁴⁶ DZA, Abt. II, MI, Rep. 87 B, № 6592, Bl. 134—139; № 6592, Bl. 178—185.

⁴⁷ Из расчета: вроцлавский шеффель ~71,4 л ~40 кг, при средней цене 1 ц ржи в 1850—1880 гг. ~7,6 марок. «Historia Śląska», t. III, cz. 1. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1976, s. 89.

⁴⁸ DZA, Abt. II, MI, Rep. 87 B, № 6600, Bl. 401—405.

⁴⁹ Ibid.

Н. П. МАНАНЧИКОВА

К ВОПРОСУ О РАННЕЙ МАНУФАКТУРЕ В ДУБРОВНИКЕ XV ВЕКА

Прибрежная Далмация в средние века составляла часть региона Средиземноморья. Благодаря своему географическому положению она сильнее и раньше других областей этого бассейна испытала на себе импульсы политического и социально-экономического воздействия городов северной и средней Италии, где процессы генезиса капиталистических отношений можно обнаружить уже в XIV в.

Как отмечалось в югославской историографии, единственным городом Далмации и единственным центром всего Балканского полуострова, где возникновение элементов раннекапиталистических отношений в промышленности происходило с первой половины XV в., был Дубровник¹. К сожалению, проблеме появления и развития ранней мануфактуры в сукнодельческом ремесле Дубровника не было специально посвящено ни одной работы. В исследованиях югославских ученых о ремесле и торговле в Дубровнике XIV—XVI вв. попутно затрагивался вопрос о мануфактуре и приводилось большое количество новых данных, почерпнутых из хранящихся в Дубровницком архиве источников.

В этом отношении следует назвать интересную работу И. Божича об экономическом и общественном развитии Дубровника в XIV—XV вв.² И. Божич верно определил самые существенные особенности развития ремесла в Дубровнике — слабость цеховых организаций, жесткий контроль над ними правительства, опасавшегося сплочения ремесленников внутри цеховых братств. Отметив наличие ростков капитализма в сукноделии XV в., Божич не стал анализировать все условия и особенности их возникновения. Из более поздних работ видное место принадлежит монографии Д. Роллера о дубровницком ремесле XV—XVI вв., содержащей подборку источников по истории сукноделия в Дубровнике³. В рецензии на эту монографию Й. Тадич обоснованно упрекал автора за бессистемное использование архивных документов, что обусловило, по мнению Тадича, неравномерное освещение в его работе истории отдельных ремесел⁴. Развитие сукноделия, которому в монографии отведена самая обширная глава, подробно прослежено по источникам, как выяснил рецензент, лишь за

¹ Организация сукнодельческой мануфактуры герцогом Стефаном Косачей в г. Новом происходит позднее — в середине XV в. С. Ђ и р к о в и ћ. Историја Босне. Београд, 1964, с. 294—295.

² И. Б о ж и ч. Економски и друштвени развитак Дубровника у XIV и XV веку. «Историски гласник», 1949, № 1.

³ D. R o l l e r. Dubrovački zanati u XV i XVI stoljeću. Zagreb, 1951.

⁴ J. T a d i ć. D. Roller. Dubrovački zanati u XV i XVI stoljeću. «Historijski zbornik», t. V, Zagreb, 1952, № 3—4.

1420—1460 гг., остальные периоды проанализированы автором значительно слабее.

Рецензия Й. Тадича фактически является самостоятельной статьей, в которой дан краткий перечень источников и архивных материалов, необходимых для более широкого и подробного рассмотрения особенностей развития ремесла.

Признавая замечания Тадича убедительными, мы не можем, однако, забывать, что монография Д. Роллера остается пока самым обширным исследованием по истории дубровницкого ремесла в целом. В этой книге автор высказывает мысль о том, что дубровницкая мануфактура, как особая организация производства, заимствована из Италии. Нам представляется мнение Д. Роллера интересным, хотя недостаточно аргументированным.

После выхода в свет книги Д. Роллера и рецензии Й. Тадича появилось еще несколько работ, дополнивших собранные Роллером данные о ремесле. Среди них следует отметить статью Д. Динич-Кнежевич о Петре Пантеле, первом крупном сукноделе — предпринимателе и торговце, работу Д. Ковачевич о дубровницких ремесленниках, проживавших в других землях, исследования Й. Тадича по истории Дубровника до середины XV в.⁵ Если в первых двух статьях рассматриваются относительно узкие вопросы, то работы Тадича носят обобщающий характер. Тадич характеризует многосторонние связи Дубровника с Сербией и Боснией, подчеркивает взаимовлияние различных по уровню развития областей. Касаясь важных сдвигов в ремесленном производстве Дубровника, автор не ставит под сомнение, что раннекапиталистические отношения в сукноделии этой республики приобрели форму мануфактуры, но в отличие от других исследователей, он связывает зарождение мануфактуры с общим развитием соседних областей и в первую очередь Сербии и Боснии. По мнению Тадича, Сербия в XV в. стояла в экономическом, общественном и культурном отношении впереди других балканских земель. Предложенный Тадичем широкий аспект изучения социально-экономического развития Дубровника и ближайших областей действительно позволяет обнаружить отдельные процессы, способствовавшие раннему возникновению элементов капитализма в крупнейшем центре Далмации⁶.

В последней монографии И. Войе о кредитной торговле Дубровника, основанной на неопубликованном архивном материале, приведены ранее неизвестные факты из истории дубровницкого сукноделия, уточняющие динамику его развития на протяжении XV в.⁷

Итак, в новейшей югославской историографии, хотя и введено в научный оборот большое количество новых данных о развитии сукноделия в Дубровнике, остаются пока открытыми многие вопросы, связанные с историей ранней дубровницкой мануфактуры: не исследован еще весь комплекс причин возникновения и быстрой гибели первых ростков капи-

⁵ Д. Д и н и ч - К н е ж е в и ч. Петар Пантеле — торговец и сукнар у Дубровнику. «Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду», књ. XIII/1. Нови Сад, 1970; Д. К о в а ч е в и ч. Dubrovčani zanatlije u srednjovjekovnoj Srebrenici. «Godišnjak društva istoričara Bosne i Hercegovine, knj. XV. Sarajevo, 1966; J. T a d i č. Привреда Дубровника и српске земље у првој половини XV века. «Зборник Филозофског факултета у Београду», књ. X — 4. Београд, 1968; е г о ж е. Историја Дубровника до половине XV века. «Историјски часопис», књ. XVIII. Београд, 1971.

⁶ J. T a d i č. Историја Дубровника..., с. 29. В советской историографии — в работе: Е. П. Н а у м о в. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. (М., 1975) сделан вывод, что Сербия XV в. при господстве феодальных отношений по уровню развития экономики и процессов разделения труда приближалась к другим странам Европы (с. 51—52).

⁷ I. V o j e. Kreditna trgovina u srednjovjekovnom Dubrovniku. Sarajevo, 1976, s. 310—329.

тализма, не определен удельный вес их в сукнодельческом производстве, не уточнен общий характер дубровницкого ремесла в этот период и др.

В данной статье мы намерены, учитывая общие условия развития Дубровника к XV в., остановиться на специфике его мануфактуры и характере ремесленного производства в целом, а также выявить некоторые изменения в социальной структуре ремесленного населения республики в XV — начале XVI в.

Использованные нами источники неравноценны по содержащимся в них сведениям. Известное сочинение Филиппа де Диверсиса «Описание Дубровника», полный перевод которого сравнительно недавно опубликован в Югославии⁸, содержит красочный рассказ об успехах ремесла в Дубровнике; статуты и фрагменты статуты различных братств и цехов текстильных ремесел⁹ помогают воссоздать последовательность процесса производства в сукноделии и понять характер традиционных взаимоотношений ремесленников внутри отдельной специальности. Нами привлечены также свидетельства и данные, которые были обнаружены югославскими исследователями в архивных документах и широко представлены в их статьях и монографиях¹⁰.

Быстрый рост Дубровницкого ремесла — с конца XIV и в течение первой половины XV в. — был подготовлен политическим и экономическим развитием республики в предшествующее время. В период с XIII до середины XIV в. Венеция всячески затрудняла развитие морской торговли Дубровника. Поэтому дубровницкие купцы использовали все возможности для укрепления торговых отношений с хинтерландом. Возрождение горнорудных промыслов в Сербии и затем в Боснии, экономический подъем этих земель приводят к расширению товарообмена, установлению прочных деловых и торговых связей между далматинскими и балканскими областями. Далматинские купцы везли в Сербию и Боснию соль, рыбу, вино, масло, стеклянные и металлургические изделия, оружие и ткани, которые весьма выгодно продавались или обменивались на цветные и драгоценные металлы, на продукты сельского хозяйства. В посреднической торговле, которую вели далматинские города, неэквивалентный обмен ремесленных товаров на балканское сырье был формой эксплуатации соседних земель, главным источником обогащения далматинских городов и накопления торгового капитала в руках их предприимчивых купцов¹¹.

Дубровник приложил все усилия, чтобы захватить ключевые позиции в этой торговле — опорные пункты республики рассыпались по всему Балканскому полуострову: не было ни одного значительного политического или горнорудного центра, куда бы не проникли дубровницкие купцы и откупщики пошлин. Укрепление экономики Дубровника по времени

⁸ Filip de Diversis de Quartigianis. Opis položaja, zgrada, državnog uređenja i pohvalnih običaja slavnog grada Dubrovnika. Sa latinskog preveo prof. dr. Ivan Božić. «Dubrovnik», 1973, № 3. Отрывки из этого сочинения за латинском языке приведены в приложении к книге: В. В. Макушев. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. СПб., 1867, с. 358 и сл.

⁹ Многие источники по истории текстильных ремесел — Ars lane — были впервые опубликованы Д. Роллером. См. приложения к монографии: D. Roller. Dubrovački zanati u XV i XVI stoljeću, s. 173—281.

¹⁰ Имеются в виду указанные выше монография Д. Роллера и статья Д. Динич-Кнежевич. Эти работы почти на половину объема состоят из текстов источников, взятых авторами из Дубровницкого архива. Д. Роллер и Д. Динич-Кнежевич приводят неопубликованные постановления Большого и Малого советов республики о сукноделии, разнообразные акты, вошедшие в известные архивные серии: «Diversa notariae», «Diversa cancellariae» и др. Данные этих источников, использованные авторами в основном в качестве иллюстративного материала, представляют большие возможности для дальнейшего исследования.

¹¹ М. М. Фрейденберг. Деревня и городская жизнь в Далмации в XIII—XV вв. Калинин, 1972, с. 201.

совпадает с расширением его территории (были присоединены Стон и Пелешац, Сланское Приморье, позже — Конавле) и внешнеполитическими успехами, главным из которых было освобождение от верховной власти Венеции в 1358 г. В новых условиях перед республикой были поставлены новые задачи по закреплению достигнутых рубежей и сохранению независимости. Внешнеполитическая атмосфера того времени оставалась напряженной — не устранялась угроза вытеснения Дубровника с освоенных рынков, потери приобретенных земель, восстановления венецианского господства. Правительство республики вынуждено было постоянно искать выгодных политических союзов, новых возможностей и способов укрепления своей экономики. Опыт, приобретенный в сфере посреднической торговли и предпринимательской деятельности на Балканах в течение предшествующего столетия, подсказывал необходимость развития собственного производства и в первую очередь текстильных товаров, находивших широкий спрос в соседних областях.

Дубровницкая республика предпринимает ряд важных шагов по расширению старых и развитию новых ремесел в городе. Основным «индустриальным» предместьем Дубровника были Пилы, где с конца XIV в. строятся новые мастерские по производству мыла, тканей, и даже стеклоплавильная печь. Республика привлекает в свой город иностранных мастеров, главным образом итальянцев, искусных во многих ремеслах. В стекольном производстве начинает работать Донат из Мурано¹², в сукноделии — Доминик Филиппов из Аугубия, Августин Голакучи из Пермулы.

Сукноделие в XIV в. в Дубровнике было развито очень слабо: изготавливались в основном дешевые грубошерстные ткани, которых едва ли хватало на удовлетворение местных нужд. Разделение труда было низким: почти вся подготовительная работа выполнялась в мастерских ткачей, где шерсть очищали, расчесывали и пряли жены ремесленников. Производство высококачественных тканей на экспорт было фактически новым ремеслом. Республике предстояло не только обеспечить ввоз сырья — шерсти определенных сортов, но и наладить производство на новых началах, чтобы отечественные ткани не уступали по качеству итальянским и чтобы само ремесло не было убыточным. Благодаря усилиям правительства в Дубровнике появляется все больше иностранных мастеров — в 1416 г. Павел Корнело и Петр Пантела из Пьяченцы, в последующие годы — Сальвет де Сальвето из Феррары, Тома из Винченцы, Брунор из Флоренции, Блаж Томазо из Лукки, Петр Антоний из Вероны, Антоний из Флоренции, а также ткачи из Кельна, красильщик из Задара и др.¹³ Мастера, главным образом итальянцы, помимо узкоспециальных знаний обладали знанием технологии и опытом организации сукнодельческого производства, приобретенным в городах Италии.

К началу XV в. процессы аккумуляции торгового капитала в руках дубровницких купцов привели к определенным результатам. И если к этому добавить существование по соседству емкого рынка, с которым Дубровник уже наладил торговые связи, постоянный приток свободной, оторванной от земледелия рабочей силы¹⁴, а также дух предпринимательства и наживы, охвативший бассейн Адриатики, то станет очевидной та обста-

¹² Островок Мурано был центром знаменитого венецианского стекольного производства, строжайше запрещала своим мастерам работать в других землях. Немногие осмеливались нарушить распоряжение грозной республики св. Марка. Н. А. Ф и о н о в а. Стеклоделие в Венеции XIII—XV вв. В сб. Страны Средиземноморья в эпоху феодализма, вып. I. Горький, 1973.

¹³ D. Roller. Ibid., s. 7; Д. Д и н и ћ - К не же в и ћ. Там же, с. 92 и сл.

¹⁴ После Косовской битвы и вторжения турок в сербские земли Дубровницкая республика становится убежищем для многих знатных сербов и простых крестьян. J. T a d i ć. Promet putnika u starom Dubrovniku. Dubrovnik, 1939, s. 71.

новка, которая подсказывала и диктовала направление деятельности многим предприимчивым дубровчанам и иностранцам. Заключая договоры с итальянскими мастерами, Дубровницкая коммуна стремилась создать все условия для их успешной деятельности: им предоставлялись кредиты, мастерские или помещения для мастерских и др.

Договор коммуны с Павлом Корнело из Пьяченцы (1416) был самым важным по поставленным задачам. Корнело должен был организовать в Дубровнике производство сукна на экспорт и в течение десяти лет выпускать эту продукцию. Он брался в первый год изготовить 200 кусков ткани, а затем из года в год увеличивать производство на 50 кусков и в конце установленного срока дать 650 кусков в год. Это условие было основным и в случае уменьшения принятой нормы предусматривался штраф в размере двух дукатов за каждый кусок не изготовленного по договору сукна. Коммуна со своей стороны предоставляла Корнело заем в 2000 дукатов на десять лет и обязывалась построить большую мастерскую по проекту самого Корнело. Мастерская со всем ее оснащением предназначалась в бесплатное пользование этому мастеру на срок договора. Как и другие мастера-сукноделы, Корнело мог беспоплавно закупать шерсть, краски и не платить никаких налогов на изготовленное сукно. Кроме того, в деловой сфере права Корнело приравнивались к правам дубровницких граждан¹⁵.

Однако Корнело вскоре умер и все обязательства по условиям договора согласился взять на себя его брат Петр Пантела, энергичный делец, чье имя прочно вошло в историю дубровницкого ремесла. Современник всех этих событий — Филипп де Диверсис — записал: «...подобно тому как в Пьяченце некий дядя этого Петра, так и сам Петр был отмечен в книге ткачей или торговой книге (Дубровника), так как он первый основал здесь ремесло»¹⁶. Действительно, Пантела выполнил свои обязательства — сукноделие было налажено, и в период его расцвета объем производства сукна в Дубровнике, если верить сообщениям Диверсиса, достигал 4 тыс. кусков тканей в год¹⁷. Мастерские Пантелы в 1430 г. давали 650 кусков сукна, т. е. более $\frac{1}{6}$ всего количества сукна, изготовленного в республике.

Новое сукноделие Дубровника сразу же строилось на более глубоком разделении труда, чем старое. Оно потребовало привлечения к производству как обученных ремесленников, так и неквалифицированных работников, которые должны были получить элементарные навыки в ходе труда. К моменту расцвета этого ремесла окончательно определились его производственные операции, напоминавшие производственный процесс итальянского сукноделия.

Высокий уровень текстильной промышленности в городах Италии основывался на дробной специализации труда и использовании огромного количества неквалифицированной рабочей силы. В анонимном «Trattato dell'arte della lana», составленном в конце XIV или в XV в.¹⁸, дано описание 26—28 операций по обработке шерсти и изготовлению сукна, в которых были заняты ремесленники почти 20-ти различных профессий.

Из чего же складывался производственный процесс в сукноделии Дубровника? В рассматриваемый период ремесленники сукнодельческих специальностей еще не имели своих корпораций — братства и цехи возникают позже, в конце XV — начале XVI вв.¹⁹

¹⁵ D. Roller. Ibid., s. 7.

¹⁶ F. de Diversis. Ibid., s. 370—371.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Л. М. Брагина. Флорентийское сукноделие в XV в. В сб. Проблемы генезиса капитализма. М., 1970.

¹⁹ D. Roller. Ibid., s. 173—260: собранные здесь постановления и семь — полных и неполных — статуты ремесленных братств и цехов дают представление об основных ремесленных профессиях в сукнодельческом производстве.

Все начиналось с покупки шерсти: ввозимая в Дубровник шерсть попадала в руки торговцев, которые образовали, по-видимому, особый слой скупщиков шерсти и продавцов сукна. Они передавали шерсть для очистки ремесленникам: в Дубровнике известны три специальности по обработке шерсти, которые, однако, не были строго дифференцированы, при необходимости один ремесленник мог выполнить несколько операций. Чистильщики шерсти — *verghegiatori* — отделяли шерсть от мусора и грязи, трепальщики — *schartissieri* — перетряхивали шерсть и удаляли комья, затем чесальщики — *pettenatori*, *pectinatori* — расчесывали ее деревянными гребнями, пропитывали оливковым маслом и отделяли камвольное волокно от очесов. После этого шерсть передавалась рабатавшим на дому прядильщикам — *filatori*, среди которых основную массу составляли женщины. Из камвольной шерсти и очесов изготавливались различные виды пряжи. Следующим этапом производственного процесса было ткачество. Ткачи — *textori* — должны были обладать хорошей профессиональной подготовкой, чтобы изготовленное ими сукно соответствовало установленным образцам. Далее сукно поступало в красильную мастерскую. Сначала промывка и окраска сукна производилась одним и тем же мастером, позже обработка сукна разделилась на несколько операций: от красильщиков — *tinktori* — отделились мойщики сукна — *purgatori*, валяльщики, или сукновалы — *follatori*, волоочильщики сукна — *tiratori*, *chioldatori*. Перед окраской сукно тщательно промывали с мылом, чтобы удалить масло. Крашение требовало высокого профессионализма и своего рода искусства, поэтому красильщики часто специализировались на окраске сукон в одни и те же тона. Как и в Италии, вайдой окрашивались сукна в различные оттенки голубого и синего цвета. К «высокому искусству окраски» относилось умение красить ткани в желтый, красный и зеленый цвета. Сукновалы, валявшие сукно для усадки в особых ступах, и волоочильщики, которые растягивали мокрую ткань и, придавая ей нужную форму, высушивали, — должны были владеть большим мастерством, чтобы не порвать ткань и не испортить почти готовую продукцию. Многие из этих операций производились под надзором опытных мастеров-красильщиков²⁰.

Навыков и искусства требовали отделочные работы, которые выполнялись ворсовщиками — *garzotti* — и стригальщиками — *cimatori*. Ворсовщики расчесывали определенные сорта тканей, делали их поверхность ворсистой, стригальщики обрабатывали поверхность лицевой стороны, гладили и сворачивали сукно.

Дубровницкое сукноделие, таким образом, насчитывало не 26, как флорентийское, а всего 11 ремесленных операций и, вероятно, столько же профессий. Если учесть несравненно меньший объем производства сукон в Дубровнике, то уровень разделения труда в его сукноделии можно считать высоким. Производственный процесс здесь, как и в Италии, распался на три почти самостоятельных этапа: 1) обработка и прядение шерсти, 2) ткачество, 3) окраска и отделка сукон.

Во флорентийском сукноделии особым звеном в системе производства, как выяснила Л. М. Брагина, становится боттега шерстяника, объединившая все отделочные операции по обработке шерсти²¹, т. е. наибольший интерес для изучения предпосылок и генезиса элементов капиталистических отношений во Флоренции, по мнению Брагиной, представлял первый этап сукнодельческого производства. В дубровницком сукноделии с момента его возникновения и во время расцвета — 20—40-е годы XV в. —

²⁰ D. Roller. *Ibid.*, s. 68.

²¹ Л. М. Брагина. Там же, с. 95—96.

наибольшее значение приобретает последний этап процесса и его основное звено — красильная и промывочная мастерская.

Именно такого рода мастерская и оказалась в руках первого дубровницкого сукнодела — предпринимателя Петра Пантелы.

На деятельности Пантелы следует остановиться подробнее и попытаться по возможности проследить функционирование основной красильной мастерской в Дубровнике.

Проект мастерской, предложенный еще Корнело, предусматривал объединение нескольких видов ремесленных работ под одной крышей, а именно — промывку, окраску и растягивание сукна. Такая комбинированная мастерская с незначительными изменениями была построена в ремесленном предместье Дубровника — Пилах, и уже в 1419 г. передана князем и Малым советом Петру Пантеле. Она представляла собой довольно большое трехэтажное здание — $75 \times 18-20$ локтей²² (41×12 м). На первом этаже, выложенном из камня, высотой в 7—8 локтей, находились непосредственно красильня с двумя большими котлами, четырьмя деревянными бочками и водопроводом, склад, где хранились краски и все необходимое для красильных работ, а также специальная мастерская с котлом для горячей воды и большими бревнами, на которых промывалось сукно. Второй этаж — деревянный — был отведен под жилые помещения для наемных работников, и третий этаж представлял собой мастерскую со всем оснащением для растягивания окрашенных сукон²³.

Согласно условиям договора Пантела должен был принимать в эту мастерскую на окраску сукно других мастеров по такой же цене, как в Венеции²⁴. Для того, чтобы мастерская в Пилах не простаивала, ему нужно было наладить четкую работу во всех звеньях производственного процесса. Пантела был опытным сукноделом и предпринимателем — до своего появления в Далмации он работал в Пьяченце, Венеции и других итальянских городах. В Дубровнике он развертывает бурную деятельность, вступая в деловые отношения с представителями самых различных слоев населения республики. Чтобы обеспечить себя необходимыми средствами помимо кредитов коммуны, Пантела входит в контакты с самыми богатыми дубровницкими купцами и кредиторами.

В 1417 г. Пантела закупает партию шерсти, доставленной из Венеции, весом в 17116 либров²⁵. Чиновники коммуны — Петр Бунич, Мартол Джурджевич, Марин Растич — оплачивают эту шерсть, израсходовав почти половину из отпущенных Пантеле средств (более 967 дукатов из субсидии в 2000 дукатов)²⁶.

Уже в 1418 г. Пантела создает компанию с видными дубровницкими патрициями Волчевичами — Андреем и его сыном Иваном. Дед Андрея Волчевича занимался торговлей кораллами, финансировал их добычу, имел солеварни, разветвленную сеть торговых связей в Италии, главным образом в Апулии, и, по всей вероятности, сколотил изрядный капитал, перешедший в руки его наследников²⁷. Андрей Волчевич был первым представителем своего знатного рода, который столь решительно переключился на финансирование ремесла и вложил в сукноделие значительные суммы.

Условия соглашения были обычными — вначале обе стороны вкладывали по 2000 дукатов: Волчевичи — в деньгах и шерсти, Пантела — кро-

²² 1 локоть = 0,55 м.

²³ D. Roller. Ibid., s. 29—30; F. de Diversis. Ibid., s. 370—371.

²⁴ Д. Д и н и ћ - К не же в и ћ. Там же, с. 89—90.

²⁵ 1 либра = 353 г.

²⁶ Д. Д и н и ћ - К не же в и ћ. Там же, с. 90.

²⁷ И. М а н к е н. Дубровачки патрицијат у XIV веку. Београд, 1960, с. 449—450.

ме денег представлял в общее пользование для покрытия этой суммы коммунальную мастерскую и все ее оснащение. Позже компаньоны должны были внести еще по 2000 дукатов. Прибыль предусматривалось делить поровну.

Среди компаний по финансированию сукноделия, которые возникают в Дубровнике в первой половине XV в., компания Волчевичей и Петра Пантелы была самой крупной, ее имущество оценивалось в 6000 дукатов²⁸. Договор о сотрудничестве Волчевичей и Пантелы был составлен сроком на пять лет, однако компания просуществовала всего три года и распалась. Причина расторжения договора не обозначена в документах, но можно предположить, что инициатива исходила от Пантелы, — вряд ли он мог долго мириться с условиями договора, сковывающими его деятельность: компания поручала ему лишь изготовление сукна в коммунальной мастерской и вне ее. Вся торговля сукном находилась в руках Волчевичей; сукна Пантела должен был передавать на склад и в лавку Волчевичей, которые находились в торговом центре Дубровника — на Плоче²⁹.

Кроме того, Пантела в течение всего этого периода не имел права заключать какие-либо другие соглашения отдельно от Волчевичей. По-видимому, это ограничение не распространялось на Волчевичей, которые в 1421 г. без Пантелы, но совместно с Иваном Менчетичем и мастером Тома из Винченцы арендуют еще одну коммунальную красильню и нанимают красильщика Брунора из Флоренции³⁰.

Но так или иначе Пантела в напряженный период становления сукноделия получил возможность использовать средства компании для нужд производства: кредита коммуны вряд ли хватило бы на все сразу — закупку сырья, плату за обработку шерсти, наем рабочей силы и т. д. Но, с другой стороны, компания Пантелы с Волчевичами олицетворяла проникновение торгового капитала в ремесло, стремление купцов подчинить ремесло интересам торговли.

Пантеле приходилось иметь дело с менее богатыми торговцами, средними слоями дубровчан и различными иностранцами. В архивах сохранились сведения о покупке Пантелой шерсти у итальянских и каталонских купцов (Павла Кортезе, Ивана Брула, Бернарда Тасквила и др.), о продаже готового сукна дубровчанам (Петру Проданело, лекарю Тома), итальянцам (флорентийцу Бернарду, сыну Белфратело), о получении для обработки некрашеного сукна у иностранцев и дубровницких сукноделов (Живко Радосалича, Берко де ла Пергула, манфредонца Кола Пульеза) и т. д.³¹ Иногда Пантела заключал кратковременные договоры о сотрудничестве с другими ремесленниками, принимал на окраску грубошерстную ткань у рядовых жителей Дубровника³². Круг его деловых связей быстро расширялся — в торговые и кредитные сделки вовлекались все новые лица со своими поручителями, прокураторами, агентами. Иски и судебные разбирательства этого периода вводят в атмосферу сложных расчетов по взаимным обязательствам.

Особой заботой Пантелы оставался наем рабочей силы. Договоры о найме свидетельствуют, что Пантела принимал необученных и преимущественно молодых работников из соседних областей и городов — Требинья, Конавле, Котора, Драчевицы, Борача, Дубравы, Попова³³ и др. Изредка

²⁸ D. Roller. Ibid., s. 45—46.

²⁹ Д. Динић - Кнежевић. Там же, с. 94—95.

³⁰ D. Roller. Ibid., s. 48.

³¹ Д. Динић - Кнежевић. Там же, с. 90—103; D. Roller. Ibid., s. 44.

³² Д. Динић - Кнежевић. Там же, с. 90—103; D. Roller. Ibid., s. 44.

³³ Д. Динић - Кнежевић. Там же, с. 91—92.

среди них встречались квалифицированные ремесленники — ткачи, которым Пантела давал ткацкие станки и весь инструментарий. Кроме того, он вынужден был пользоваться трудом дубровницких ткачей, сохранявших свою самостоятельность. Такие ткачи стремились не связывать себя обязательствами перед одним каким-либо предпринимателем и ткали сукно для разных заказчиков ³⁴.

Благодаря деятельности Пантелы и других предпринимателей организация всех трех этапов производства в сукноделии приобрела иной характер и выглядела примерно так. До поступления сукна-полуфабриката в красильную мастерскую сырье проходило через руки многих ремесленников, занятых обработкой шерсти и ткачеством. В первой половине XV в. в Дубровнике обрабатывали шерсть и ткали сукно в основном самостоятельные ремесленники, которые имели домашнюю мастерскую и свои орудия труда. На I и II этапах производства Пантела и подобные ему предприниматели выступали раздатчиками сырья и скупщиками полуфабриката, который затем поступал в красильные мастерские. Мастерская Пантелы была образцовой и самой большой в Пилах. Она охватывала и централизовала III этап процесса производства, складывавшегося из нескольких важных операций — промывки сукна, его крашения, валяния, растягивания и сущения. Выполнение операций требовало квалифицированных мастеров и подсобных рабочих. Как уже отмечалось, в мастерской Пантелы работали опытные специалисты, нередко итальянцы, а также необученные рабочие из хинтерланда. Сам Пантела не мог постоянно и неотлучно находиться в мастерской, поскольку на его долю выпала обязанность следить за всем производственным процессом, не допуская простоя мастерской и разрыва между разными операциями. Чтобы выполнить условия договора с коммуной, Пантела должен был не только руководить мастерской, но и заставить слаженно работать ремесленников на I и II этапах производства.

На примере деятельности Пантелы можно увидеть все разнообразие связей и взаимоотношений в сукноделии 20—40-х годов XV в. На I и II этапах между Пантелой и ремесленниками устанавливались отношения, при которых предприниматель овладевал наличными формами товарного производства, не изменяя его природы, его социальной структуры. К. Маркс называл эти отношения формальным подчинением труда капиталу ³⁵.

III этап — мастерскую — Д. Роллер определил как гетерогенную мануфактуру, где централизована лишь часть производственного процесса ³⁶. Принимая это определение югославского историка, мы, однако, должны подчеркнуть, что гетерогенная мануфактура Пантелы была невелика по масштабам производства и носила следы раннекапиталистических отношений, то есть элементы капиталистического производства и новых капиталистических отношений переплетались в ней со старыми традициями и отношениями, характерными для простого товарного производства эпохи феодализма.

Чтобы проиллюстрировать это, обратимся к принципам найма Пантелой рабочей силы и положению рабочих в его мастерской. Положение неквалифицированных рабочих, нанимаемых Пантелой, и самостоятельных ремесленников резко различалось. Полностью отделенные от средств производства, экономически рабочие зависели от одного работодателя —

³⁴ Последнее обстоятельство нередко приводило к конфликтам, и Малый совет запретил ткачам, не окончившим работу на одного заказчика, принимать пряжу от другого. D. R o l l e r. Ibid., s. 13.

³⁵ Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII). М., 1933, с. 91, 97.

³⁶ D. R o l l e r. Ibid., s. 44.

Пантелы, который выступал организатором производства. Свободные от каких-либо корпоративных связей между собой, они подвергались жестокой эксплуатации: должны были работать от зари до зари и часть ночного времени. Такие отношения между работодателем и рабочими, возникшие внутри мастерской, не были характерны для феодальной эпохи и средневековой организации ремесла. Но наряду с этим, положение простых рабочих отличалось рядом любопытных особенностей, которые хорошо просматриваются в договорах об условиях найма. Все договоры фактически составлены по образцу договоров об ученичестве: так же как средневековый мастер-ремесленник. Пантела, нанимая рабочих на установленный срок (от одного года до восьми лет), предоставлял им питание, одежду, иногда и жилье. Труд работника оплачивался неравномерно: только со второго года обычно Пантела начинал выплачивать нанявшемуся от трех до четырех динаров в день. Например, Влатко Раткович из Дабра, заключивший соглашение на пять лет, обязывался первый год работать только за питание и одежду, за второй год работы он получал 10 перперов, за третий — 20, четвертый — 30 и пятый — 40 перперов. Все деньги выплачивались ему в конце службы³⁷. Вольно или невольно подобный работник был связан с Пантелой более прочными узами, чем простая экономическая зависимость: предполагалось, что работник не может изменить сроки найма. Не вызывает удивления поэтому договор 1427 г., по которому некий Радовац Радосалич не мог уйти от Пантелы, пока не отработает свой долг под страхом заключения в тюрьму³⁸.

Таким образом, положение наемных рабочих сочетало в себе черты новых и старых отношений. С одной стороны, это رابطه, оторванные от средств производства и продающие свою силу, с другой — сохраняющие остатки личностных связей с хозяином мастерской, элементы личной зависимости неквалифицированные ремесленники эпохи феодализма.

Мастерская Пантелы не была единственной мастерской нового типа. Как установил Д. Роллер, в течение 20-х годов XV в. в республике возникает много сукнодельческих мастерских — больших и малых, построенных специально и заново переоборудованных. Среди них были и такие, которые предназначались для выполнения ряда операций по обработке сукна. Известно, что в XIV в. в Дубровнике одновременно работало от трех до пяти красилен, где окрашенное сукно промывалось, растягивалось и высушивалось. Мастерские строились в предместьях города и по всей его округе — в Риеке, Груже, Шумете. Они могли принадлежать коммуне или частным компаниям, членами которых были купцы из нобилей, вкладывавшие капитал в строительство и оснащение мастерских, а также опытные сукноделы, главным образом итальянцы. Наиболее активными вкладчиками капитала были Андрей Волчевич, Иван Менчетич, Яков Котрульевич — имена этих нобилей встречаются часто в документах XV в. Как уже упоминалось, в 1421 г. А. Волчевич, И. Менчетич и Тома из Винченцы сняли в аренду общинную красильню и наняли красильщика-флорентийца. В 1422 г. тот же Волчевич, но уже в компании с Я. Котрульевичем заложил большую мастерскую (фундамент 90 × 70 локтей) в Шумете и заказал шесть комплектов оснащения для валяния и растягивания сукна. В Риеке в 1422 г. была построена мастерская на средства А. Волчевича, И. Менчетича, Я. Котрульевича и Николы из Прато. Каждый имел право использовать мастерскую — красить, мыть, растягивать и сушить сукно в зависимости от своей доли вклада³⁹. Интересно отметить, что компании оказались весьма удобной формой для проникно-

³⁷ Д. Д и н и ћ - К н е ж е в и ћ. Там же, с. 91—92.

³⁸ Там же, с. 99.

³⁹ D. R o l l e r. Ibid., s. 30—31, 47—48.

веня торгового капитала в ремесло. Мы не располагаем источниками, позволяющими проанализировать характер производства в подобных мастерских, хотя вероятность возникновения элементов раннекапиталистических отношений здесь вполне допустима. Удельный вес этих мастерских в дубровницком сукноделии в 20—40-х годах XV в. пока неизвестен.

Что же предопределило в дальнейшем сворачивание централизованной мануфактуры в Дубровнике, начало которой было вполне успешным? Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо коснуться политики коммуны в области ремесла и формирования организационной структуры сукноделия в целом.

Правительство, насаждая текстильное ремесло в Дубровнике, стремилось увеличить доходы государственной казны. Следует подчеркнуть, что дубровницкое сукноделие могло развиваться исключительно на привозном сырье. Поэтому коммуна уделяла огромное внимание ввозу шерсти. Ее политика — муниципальный протекционизм — была направлена в первую очередь на поощрение ввоза шерсти из Испании, Италии, Северной Африки, Франции, запрещалась торговля в Дубровнике иностранным сукном, предоставлялись льготы иностранным мастерам-сукноделам⁴⁰. Все заботы о нуждах сукноделия, разбор всех конфликтов между ремесленниками, контроль за качеством сукна были поручены трем чиновникам коммуны, избравшимся Большим советом из числа патрициев.

Когда трудности начального периода оказались позади и сукноделие достигло значительных успехов, правительство издает в 1432—1434 гг. важные постановления и учреждает специальный орган — палату надзора за сукнодельческим ремеслом — *Camera artis lane*. Писарь палаты фиксировал имена всех, кто занимался сукноделием, и на каждого мастера заводил особую книгу, чтобы следить за его работой. Как и прежде, сукно должно было соответствовать установленным стандартам и иметь клеймо чиновников палаты. Сукноделы, которые пытались уклониться от бдительного надзора коммуны и тайно изготовляли сукна для бесконтрольной продажи, подлежали наказанию: всякое укрытие шерсти и сукна приравнивалось к краже, неклеименное сукно конфисковывалось. Но главное, что отличало постановления 1432—1434 гг. от предшествующих — это введение налогов в сукнодельческом ремесле. Каждая мастерская должна была выплачивать чиновникам два перпера в год, а каждый кусок изготовленного сукна облагался налогом в 2 динара. Все, кто хотел заниматься этим ремеслом, были обязаны принести клятву соблюдать предписания коммуны и заплатить чиновникам шесть динаров в качестве вступительного взноса. За нарушение предписаний коммуны налагался штраф в десять перперов⁴¹.

Опасения конкуренции вынудили правительство через *Camera artis lane* строго следить за качеством ткани, вводить и поддерживать регламентацию производства сукна, контролировать деятельность ремесленников: эти функции палаты по регламентации сукноделия напоминали функции ремесленного цеха.

Попытки первых предпринимателей — Пантелы, Волчевичей, Менчетича, Котрульевича и др. — самостоятельно вести дела вызвали тревогу республики, не желавшей никому уступать своих доходов и роль организатора сукнодельческого ремесла. В 1421 г. коммуна выносит решение о запрете красильщикам заключать между собой соглашения под страхом штрафа в 100 золотых дукатов, в 1454—1455 гг. наказание усиливается — нарушители этого постановления лишаются свободы сроком до одного года⁴².

⁴⁰ D. Roller. *Ibid.*, s. 7—14.

⁴¹ *Ibid.*, s. 9.

⁴² *Ibid.*, s. 59—63.

В 1442 г. все частные красильные мастерские по распоряжению правительства должны были перейти в руки коммуны. Предприниматели и мастера-красильщики имели право лишь снять коммунальную мастерскую в аренду. По решению 1454 г. сдача красилен в аренду производилась на публичном аукционе и ограничивалась сроком в шесть месяцев, после которого желающие арендовать общинную красильню снова встречались на аукционе⁴³. Возможность свободной предпринимательской деятельности была пресечена. Арендаторы-откупщики обязывались производить обработку и крашение тканей по ценам, установленным коммуной.

Во второй половине XV в. контроль за качеством сукна становится более жестким: наряду со старой начинает заниматься проверкой сукна новая палата — *Camera nova artis lane*. У старой палаты возрастают судебные функции: теперь она рассматривает все тяжбы в сукнодельческом ремесле, в конце XV в. получает право осуждать за кражу шерсти или сукна на жестокие пытки, а в XVI в. — к отсечению правой руки⁴⁴.

В 60-е годы внешнеполитическое положение Дубровницкой республики осложнилось: в 1463 г. турецкие войска захватили Боснию и приблизились к границам Дубровника. В связи с этим правительство принимает решение разрушить все ремесленные мастерские, расположенные вне городских стен, главным образом в предместье Пилы. Д. Роллер считает, что именно вывод из строя мастерских в Пилах наносит тяжелый удар сукнодельческому ремеслу, результатом которого явилось резкое сокращение продукции, а затем и прекращение производства сукна к 1481 г.⁴⁵ В работе И. Войе, однако, на первый план выдвигается другая причина, обусловившая спад дубровницкого сукноделия в этот период: резкое сокращение ввоза в Дубровник шерсти из Каталонии, где разразился крестьянский мятеж 1462—1472 гг. И только успешное решение Дубровницким правительством проблемы сырья — шерсть стала в большом количестве закупаться в Южной Италии — обеспечило, по мнению Войе, дубровницкому сукноделию преодоление кризиса 60—70-х годов⁴⁶.

Как видим, ни тот, ни другой исследователь не связывает упадок дубровницкого сукноделия в рассматриваемый период с внутренней политикой коммуны, направленной на пресечение свободного предпринимательства в сукноделии. Правильнее было бы, по-видимому, при объяснении причин спада производства сукна в 60—70-е годы учитывать все факторы — перебои во ввозе сырья, военную опасность и разрушение мастерских в предместьях, а также позицию коммуны в отношении деятельности сукноделов-предпринимателей.

В последующие десятилетия обстановка в соседних с Дубровником областях несколько стабилизировалась.

Новый подъем дубровницкого сукноделия, как считает И. Войе, приходится на 80-е годы XV в.: он почти совпадает с временем, когда торговый обмен Дубровника с сербскими, боснийскими, болгарскими землями достигает кульминации⁴⁷. Самой крупной фигурой в организации сукноделия в этот период становится Михаил Георгиус — торговец из Флоренции, прибывший в Дубровник для сбора папской десятины. В отличие от Пантелы, Михаил не вникал в производственные процессы — он предоставлял кредиты дубровницким ткачам, которые должны были расплачиваться сукном определенного качества. За 1481—1482 гг. Михаил дал в кредит 5638 дукатов, что соответствовало стоимости 563 кусков сукна. Кроме

⁴³ Ibid., s. 10, 60—63.

⁴⁴ Ibid., s. 18, 21, 28—29.

⁴⁵ Ibid., s. 11.

⁴⁶ I. V o j e. Ibid., s. 311—313.

⁴⁷ Ibid., s. 314—316.

него кредитовали ткачей и другие предприниматели — торговцы и разбогатевшие ремесленники. В 1480—1500 гг. в Дубровнике, по подсчетам И. Войе, работало 15 относительно крупных ткацких мастерских. Годовая продукция одной такой мастерской могла колебаться от 10 до 40 кусков тканей⁴⁸. К сожалению, И. Войе не приводит сведений о процессе производства внутри ткацких мастерских, но одно остается ясным — в последние десятилетия XV в. продолжается проникновение торгового капитала в сукнодельческую промышленность Дубровника через различные формы кредита.

Анализируя данные о дубровницком сукноделии 1480—1500 гг., собранные в монографии И. Войе, нельзя не отметить самого важного изменения в организации производства: нормализация положения в сукноделии после кризиса не привела к возрождению и укреплению в Дубровнике централизованной мануфактуры. Мастерские ткачей, опутанные долговыми обязательствами, напоминали более примитивные формы раннекапиталистических отношений типа рассеянной мануфактуры, которые уживались с насаждаемым сверху корпоративным устройством ремесла.

Пресечение коммунной свободной предпринимательства и гибель централизованных мастерских приводит к распространению в сукноделии труда мелких самостоятельных и полусамостоятельных ремесленников, которые в конце XV — начале XVI в. объединялись в профессиональные братства со своими статутами и типичным для средневекового цеха административным устройством⁴⁹.

Таким образом, рассматривая динамику организации дубровницкого сукнодельческого ремесла в целом и его характер, можно прийти к выводу, что это ремесло со времени своего возникновения постепенно приобретало не без усилий правительства средневековую организационную структуру (сначала муниципальную, затем муниципально-цеховую), где преобладало простое товарное производство. Зарождавшееся раннекапиталистическое производство в форме централизованной мануфактуры не смогло получить значительного расширения и дальнейшего развития, встретив препятствия в самом средневековом строе города. Однако более примитивные формы раннекапиталистических отношений в виде раздачи сырья, кредитования, скупки готового изделия сохранялись в течение периода, пока в Дубровнике продолжалось производство сукна на экспорт⁵⁰. Эти простые зачатки капиталистического уклада начинают появляться, по-видимому, и в других ремеслах и промыслах Дубровника⁵¹.

Утверждение муниципально-корпоративного устройства в сукнодельческом ремесле Дубровника к концу XV в. и явилось, на наш взгляд, одной из основных причин сокращения производства сукна. Попытки правительства задержать и предотвратить упадок сукноделия оказались тщетными — оно сворачивается в течение второй половины XVI в., не выдержав конкуренции с ввозимыми иностранными, главным образом, итальянскими сукнами⁵².

⁴⁸ Ibid., s. 322—329.

⁴⁹ D. Roller. Ibid., s. 173—260; Н. П. Мананчикова. К вопросу об организации ремесла в Дубровнике XIV—XVI вв. Сб. Вопросы истории славян, вып. 2. Воронеж, 1966.

⁵⁰ Д. Роллер приводит факты раздачи торговцами шерсти на прядение в сельские местности — на острова, в Конавле, Сланское Приморье — в течение второй половины XV—XVI вв. D. Roller. Ibid., s. 54—55.

⁵¹ Очень интересен в Дубровнике соляной промысел по характеру эксплуатации наемного труда. П. Г л у н и ч и Ъ. Из истории града Стона XIV—XIX в. Београд, 1961, с. 47 и сл.

⁵² Уже с последнего десятилетия XV в. возрастает ввоз в Дубровник и соседние земли сукна из Венеции, Флоренции, Мантуи, Винченцы, Неаполя. I. V o j e. Ibid., s. 331.

По-видимому, возрождение сукноделия в Дубровнике было бы возможно на основе дальнейшего развития именно ростков капиталистического производства, способного без оков регламентаций быстро приспособляться к изменяющейся рыночной конъюнктуре.

Но тем не менее, существование сукноделия в Дубровнике, функционирование первой мануфактуры с элементами централизации производства не прошло бесследно для социального строя республики. Сукноделие привлекло внимание самой деятельной и богатой части ее населения: вклады купцов были одним из условий развития этого ремесла. Для Волчевичей, Манчетичей, Котрулевичей и других представителей торгового капитала сукноделие было лишь одним из способов извлечения дохода. Каждый купец мог в любое время изъять свой капитал из ремесла, если оно не давало прибыли, и поместить его в торговлю. Однако в среде патрициата уже появляется особая прослойка, заинтересованная в развитии городской промышленности, в изготовлении товаров на экспорт, и, следовательно, в изменении некоторых старых традиций, связанных с чисто посреднической торговлей.

Социальная природа патрициата и его положение в общественной структуре города не изменились, однако дифференцированность интересов и деятельности его представителей стала ощутимее в период расцвета сукноделия.

Но что собой представляли предприниматели-сукноделы из средних слоев населения типа Пантелы: сам Пантела, Филипп де Сильва (его племянник и помощник), Марк Веселкович (компаньон Пантелы), известный сукнодел Августин (сын Влаха из Прата)⁵³ и другие?

Рассмотрим деятельность Петра Пантелы в социальном аспекте. Пантела воплотил в себе черты энергичного дельца нового типа: он не работал как простой ремесленник — это был организатор производства, в руках которого находилась мастерская, ее оснащение и орудия труда. Однако Пантела не располагал необходимыми средствами — мастерскую ему предоставляла коммуна, и капитал, вложенный им в сукноделие, по происхождению был торговым и ростовщическим. Определение Пантелы как первого капиталиста в Дубровнике, которое дано Д. Роллером⁵⁴, на наш взгляд, требует уточнений. Капиталистическая деятельность предполагает масштабность, свободу инициативы, свободу приспособления производства к потребностям рынка. Пантела, как и другие предприниматели, не обладал свободой деятельности. Об этом фактически свидетельствует исследование самого Д. Роллера, где показано, что контроль и всевозможные ограничения сковывали деятельность Пантелы: как известно, его попытка купить вторую красильню окончилась неудачей — коммуна запрещала одному предпринимателю владеть двумя красильнями. Большая часть дохода, который получал Пантела от сукноделия, в конечном итоге была вложена им в торговлю, использована для приобретения судов и земель⁵⁵. Характерно, что предприниматели в Дубровнике — крупные, средние и мелкие — охотно покупали землю и не упускали случая заняться торговыми операциями.

Итак, предприниматели типа Пантелы обладали социальной многоликостью: они выступали как сукноделы, торговцы, ростовщики, судовладельцы и даже землевладельцы. На землях самого Пантелы трудились феодально зависимые крестьяне — кметы⁵⁶. Все это затрудняет социальную характеристику Пантелы и других сукноделов средней руки. Можно

⁵³ Д. Динић - Кнежевић. Там же, с. 99.

⁵⁴ D. Roller. Ibid., s. 47.

⁵⁵ Д. Динић - Кнежевић. Там же, с. 100, 110 и сл.

⁵⁶ Там же, с. 139.

предположить, что Пантела — это уже делец буржуазного типа: основным его занятием все-таки была организация производства в ранней мануфактуре. Выделение же всех сукноделов-предпринимателей в слой ранней буржуазии допустимо, на наш взгляд, с некоторыми оговорками — в Дубровнике этот слой так и не отпочковался окончательно от средневекового бюргерства.

Вторжение торгового капитала в сферу ремесла привело в середине XV в. к появлению новой дифференциации ремесленного населения. Квалифицированные ремесленники — ткачи, красильщики, сукновалы, волочильщики, стригальщики и др. — занимали разное положение. Одни из них, оторванные от средств производства, трудились в мастерской предпринимателя. Другие, частично сохранившие средства производства, вынуждены были выполнять заказы одного или нескольких предпринимателей-раздатчиков сырья. Оставались и самостоятельные ремесленники, имевшие собственные мастерские и нередко сами продававшие свой товар. Среди самостоятельных и полусамостоятельных ремесленников, по-видимому, было много ткачей: ткачи не были полностью оторваны от сырьевого рынка и имели возможность продавать изготовленные ими ткани. Об этом свидетельствует обычай, по которому заказчики оплачивали труд ткачей наполовину сукном⁵⁷, а также тот факт, что ткачи нередко отдавали свое сукно на окраску в мастерскую Пантелы⁵⁸.

Наиболее важные социальные сдвиги произошли в низших слоях ремесленного населения Дубровника. Высокий уровень разделения труда, утвердившийся в сукноделии в период его расцвета, позволил широко использовать неквалифицированную рабочую силу: ремесленное население значительно пополнилось не столько за счет поденщиков города, сколько за счет потерявших связь с землей жителей округи и соседних областей. Чистильщики, трепальщики, чесальщики шерсти, которых не требовалось специально обучать, были самыми низкооплачиваемыми категориями ремесленников и наряду с наемными рабочими красильных и промывочных мастерских являлись предшественниками пролетариата. Эти ремесленники, как нам думается, в рассматриваемое время составили особый слой населения и находились в крайне тяжелом положении — мизерная оплата труда обрекала их на полуголодное нищенское существование. Увеличение жестоко эксплуатируемого беднейшего слоя городского населения приводило к обострению социальных и классовых конфликтов.

С середины XV в., по-видимому, происходит некоторая нивелировка имущественного уровня низших слоев населения Дубровника: об этом свидетельствует почти одинаковая оплата труда поденщиков и наемных работников в области ремесла, торговли, в сельском хозяйстве и мореходстве. Наряду с этим процесс свободного, ставшего обычным переселения ремесленников из Дубровника в другие города Далмации и области Балкан, возможно, связан с тенденцией нивелировки положения трудящихся — неквалифицированной и низкоквалифицированной рабочей силы — в Далмации в течение XV в. и более четкого размежевания классовых и социальных интересов в начале XVI в.

Можно предположить также, что увеличение в XV в. в Дубровнике и, вероятно, в других далматинских городах числа лиц, оторванных от средств производства, для которых единственным источником существования становится наемный труд, имеет непосредственное отношение к истокам процесса первоначального накопления капитала в Далмации.

⁵⁷ D. Roller. *Ibid.*, s. 42—43, 54—58.

⁵⁸ Д. Д и н и ћ - К н е ж е в и ћ. Там же, с. 96.

ЕКАТЕРИНА ДАСКАЛОВА

АЛЕКСАНДР БЛОК И СЛАВЯНСКИЙ МИР

Стремление осмыслить славянский мир в его полноте и действительной функции сопутствует всем крупным завоеваниям литературы славянских стран, отражается в творчестве корифеев художественного слова — Пушкина и Мицкевича, Толстого и Ирасека, Караджича и Ботева. И если в прошлом вопрос о славянстве был связан прежде всего с утверждением национального самосознания, обусловленным освободительными тенденциями эпохи, то в XX в. его рассмотрение осуществляется в контексте новых социально-этических и эстетических измерений времени. Для крупнейшего поэта начала нашего века Александра Блока отношение к славянству обусловлено его миропониманием в целом, связано с его представлениями о назначении художника и народа в историческом процессе. Мысль и воображение поэта в этом отношении питались не только историко-культурными воспоминаниями, книгами и идеями, но и самой животрепещущей повседневностью, событиями российской и мировой жизни. Исследователями отмечалось, что уже с самого начала творческого пути «Блок задается вопросом о соотношении частного и общего, личного и „мирового“»¹. Он непосредственно откликается на события в Болгарии, Боснии и Герцеговине². «Наше время, — пишет Блок, — время, когда то, о чем мечтают как об идеале, надо воплощать сейчас»³. Стремление к идеалу включает в себя высокое этическое начало духовного обновления личности, веру в свободное существование народов в условиях мира и созидательного труда.

Отношение к славянству для Блока с его острой чувствительностью к общественным переменам является тем связующим звеном, которое объединяет в единое целое его демократизм и активно-гуманистическую концепцию жизни и человека, тяготение к исконным началам русского народа, прочно связанного с русской землей. Интересно проследить на материале творчества поэта постепенную эволюцию его представлений в этой области. Эта не исследованная до сих пор в своей полноте проблема — Блок и славянский мир — представляется сложной и многогранной; в данной работе предполагается лишь ее постановка⁴.

¹ В. Орлов. Александр Блок. В кн. А. Блок. Собрание сочинений в восьми томах, т. I. М. — Л., 1960, с. XXII.

² А. Блок. Дневник. 1911—1913. Л., 1928, с. 418; его же. Собрание сочинений..., т. VIII, 1963, с. 266.

³ А. Блок. Записные книжки (1901—1920). М., 1966, с. 282.

⁴ Частично на этой проблеме останавливается Х. Павлик. Полската тема в светската литература. «Език и литература», 1977, № 3; Е. Даскалова. Историческата съдба на славянството в творчеството на Александър Блок. «Език и литература», 1978, № 4, с. 8—24.

Характерным для раннего творчества Блока, в отличие от многих других поэтов-символистов, является не рационально-созерцательный образ мышления, а живая эмоциональная реакция на окружающую действительность. Взгляд на природу как на вечный стимул развития, обращение к первичным силам, использование старинных преданий и легенд, в которых он видит выражение народного самосознания — все это составляет основу поэтической мифологии Блока. Этот вопрос основательно изучен в современных литературоведческих исследованиях⁵. С ним тесно перекликается и вопрос о фольклоризме поэта⁶. Многие из известных нам образов и ситуаций в его творчестве имеют аналоги в народном творчестве и фольклорной традиции. И если у ряда поэтов-символистов преобладающей является образная мифология древнего мира — Египта, Греции, восточных и южных стран, то у Блока доминирующей становится национальная окраска. Таким образом Блок выявляет свою новую лирическую чувствительность, связанную с поисками основы народного самосознания, с любовью к русской природе, к русской старине. В теоретическом плане свои взгляды Блок излагает в своей статье «Поэзия заговоров и заклинаний» (1906): «Обряды, песни, хороводы, заговоры сближают людей с природой, заставляют понимать ее ночной язык, подражают ее движению. Тесная связь с природой становится новой религией, где нет границ вере в силу слова, в могущество песни, в очарование пляски»⁷.

В своем очерке он ссылается на работы таких ученых славистов, как Веселовский, Потехня, Аничков, на труд Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», вызвавшие его интерес⁸.

Интерес к мифологическому мышлению и фольклоризм Блока не противоречили его историзму, определявшему духовную и эстетическую суть его поэзии. Блоковский историзм выявляется в глубинных контактах его творчества с современной ему действительностью, с представлениями о будущем. Он обретает особую масштабность во время столыпинской реакции и первой мировой войны, совпавших по времени со зрелым творчеством поэта.

Осознание страданий родной страны, боль за родину способствуют созданию той внутренней духовной атмосферы, в которой кристаллизуется понимание поэтом смысла жизни, человеческого существования, назначения художника. Характерным в этом отношении является цикл «Родина» (1907—1916) и особенно сборник стихов «Стихи о России» (1915), который приносит Блоку славу величайшего русского поэта того времени. Показательно, что развитие национальной проблематики сопутствует становлению художника. В этом смысле его отношение к России (исторически соотносимое с его отношением к славянскому миру) носит и глубоко личный характер. Блок верит, что России, как стране созревающей революции, «суждено пережить большие перемены и что из них она выйдет по-новому великой». В скрытой силе ее протеста, заложенной в ее прошлом и настоящем, он видит залог ее спасительной миссии. Эта роль России своеобразно подчеркивается в цикле стихотворений «На поле Куликовом», отразившем подвиг русского народа, отстаивающего свою

⁵ Д. Е. Максимов. О мифопоэтическом начале в лирике Блока. В сб. Творчество А. Блока и русская культура XX в. Блоковский сборник. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та 459, вып. III. Тарту, 1979, с. 3—34; З. М и н ц. Из поэтической мифологии «третьего тома». Тезисы I Всесоюзной конференции «Творчество А. Блока и русская культура XIX века». Тарту, 1975.

⁶ Г. Л е в и н т о н. Заметки о фольклоризме Блока. В сб. Миф, фольклор, литература. Л., 1978, с. 171—184.

⁷ А. Б л о к. Собрание сочинений..., т. V, 1962, с. 43—44.

⁸ См., например, Э. Г е о р г и е в. Основы на славистиката и българистиката. София, 1979, с. 28.

независимость в борьбе с татарским нашествием. Вместе с тем великая битва на Куликовом поле и особенно решающее сражение у реки Непрядвы между Дмитрием Донским и Мамаем становится той огневой линией, где славяне останавливают азиатских опустошителей и спасают Европу от рабства. Эпика насыщается здесь конкретно-историческим смыслом, близким к волнующим Блока как художника проблемам. В непробудной ночи рабства, в которой оказалась родина, он провидит ростки будущего, отвоеванного в борьбе с темными силами.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел как перед боем.
Теперь твой час настал.— Молись!⁹

Призывая к грядущей революционной битве, Блок ясно осознает долгий путь («О, Русь моя! Жена моя! До боли/ Нам ясен долгий путь!»), который был пройден в прошлом и который предстоит еще пройти России будущего. Тема поисков и открытия верного пути после трагических столкновений и переживаний личности находит наиболее яркое выражение в драматической поэме «Песня Судьбы» (1908), о теме которой Блок писал: «Моя тема, тема о России (вопрос об интеллигенции и народе, в частности). Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь»¹⁰.

В противовес декадентскому нигилизму и космополитизму, нашедшему почву в эти годы среди интеллигенции, Блок выдвигает на передний план требование связи писателя с народом. Для преодоления существующего размежевания, по мнению Блока, необходимо уничтожить разделяющую «недоступную черту»¹¹. Однако Блок не видит позитивных сил, способных на это в современную ему эпоху. Но для поэта-патриота ясна необходимость связи с Россией: «Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь—есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию—возлюбит и все, что ни есть в России»¹².

Необходимо отметить, однако, что концепция Блока о России и славянстве основана на его понимании «новой России» — живой, могучей, молодой, «новой Америки», в которой созревают революционные перемены. В письме к Станиславскому в 1908 г. он высказывается за новое, иное славянофильство, без «трех китов» (или по крайней мере без китов православия и самодержавия)¹³. Блок отмежевывается и от «славянофильской романтики» своих современников, а в своей статье «Вопросы, вопросы и вопросы» (1908), в частности, он подвергает критике высказывания Л. Галлица, утверждающего, что «все — народ. Россия — народ. Народу нужно то же, что нам», указывая, что спор о народе и интеллигенции восходит к исконной распре между славянофилами и западниками¹⁴.

Вопрос о славянстве фигурирует в своеобразном историко-философском контексте в поэме «Возмездие», исполненной, по словам Блока, «ре-

⁹ А. Блок. Собрание сочинений..., т. III, 1960, с. 253.

¹⁰ Там же, т. VIII, с. 265.

¹¹ Там же, т. V, с. 323—324.

¹² Там же, с. 325—326.

¹³ Там же, т. VIII, с. 266.

¹⁴ Там же, т. V, с. 331—332.

волюционными предчувствиями». Создававшаяся в 1910—1911 гг., она развертывается на фоне целого круга сложных, часто противоречивых, размышлений общего характера, которые характерны в это время для художественного сознания поэта¹⁵. Автобиографическая и сюжетная основы поэмы послужили созданию целостной идейной концепции, согласно которой залогом общественного прогресса является борьба за освобождение от всяческого угнетения. В этом смысле интересно отношение поэта к исторической судьбе тех славянских стран, которые наиболее близко соприкасаются с общественными движениями в России. Так возникают польский и болгарский мотивы в поэме, связанные с большими историческими событиями и с развитием личных коллизий действующих лиц.

И в материалах к поэме, и в заметках к ней, и в окончательной ее редакции эти мотивы осязаемо присутствуют. Они связаны прежде всего с той атмосферой, в которой живут герои «Возмездия», хранящие воспоминания о польском восстании, о русско-турецкой войне. Большая часть жизни героя, — (прототипом которого послужил отец поэта, Александр Львович Блок (1852—1909), человек блестящий, разносторонне одаренный) — связана с Польшей. Действие третьей главы поэмы, с которой началась (по первому варианту) поэма, перенесено в польскую столицу (по замыслу автора она должна была быть озаглавлена «Варшавская поэма»). Внимание автора сосредоточено на отце — человеке байроновского типа, олицетворяющем индивидуалистическое начало. Ему противопоставлен весь ход событий, подчеркивающий зависимость личной жизни от общественной (такова и главная идея поэмы). Вспоминая впоследствии время написания поэмы, Блок отмечает, как именно зимой 1911 г. в нем «впервые выросло сознание нераздельности и неслиянности искусства, жизни и политики»¹⁶. «„Польская смута“ (1861—1862. — Лето 1860 — политические манифестации в Варшаве). (...) Осадное и военное положение в Варшаве и в Царстве Польском. (...) „Вооруженный мятеж“ в начале января 1863 г. — на всю западную окраину России („от Вислы и Буга до Западной Двины и Днепра“)¹⁷, — зафиксировал Блок в материалах к поэме. Все эти узловые моменты отражены в плане поэмы, с ними Блок хотел связать жизнь героя. Хотя в поэме не показано прямо жестокое подавление польского восстания, атмосфера ненависти к поработителям ощутимо присутствует. «Я яростно ненавижу русское правительство и моя поэма пропитана яростной ненавистью к русскому царизму», — пишет он в письме к матери в это время. В этом убеждают и все описания пребывания героя в Варшаве и лирические отступления автора.

Символичной является картина мрачной, заснеженной столицы, свидетельницы насильственного режима, который царит также и на родине поэта («Страна — под бременем обид, / Под игом наглого насилья»).

Национальная трагедия братской славянской страны вызывает возмущение и гнев поэта. Истреблены народные силы, пригнуплена его воля к борьбе. На смену им пришли лень и предательство:

Безмолствует народный гений,
И голоса не подает,
Не в силах сбросить ига лени,
В полях затерянный народ.

¹⁵ Л. К. Долгополов. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX — начала XX вв. М.—Л., 1964.

¹⁶ А. Блок. Собрание сочинений..., т. III, с. 296.

¹⁷ Там же, с. 453.

Поэт с болью спрашивает:

Не также ль и тебя, Варшава,
Столица гордых поляков,
Дремать принудила орава
Военных русских пошляков?¹⁸ —

по ответа нет: «Жизнь глухо кроется в подпольи,/молчат магнатские дворцы...».

В этой ситуации, напоминающей столыпинскую реакцию, поэт не видит сил, способных противостоять всеобщей подавленности, насилию, разрухе. И его поэтическая фантазия создает яркий драматический образ Пана-Мороза, взывающий к мести, воинственный, гордый и страшный. Юный герой поэмы — сын — приезжая на «задворки польские России», мучительно ощущает трагедию народа, страны. Его общее впечатление от Польши («Но все, что в небе, на земле./По-прежнему полно печалью...») конкретизируется в последующих отдельных образах, эпитетах («дома, коварно преданные вьюгам», «мост через Вислу — как тюрьма», «в переулках — жизни нет», «холодный чугуи», «больная и похотливая толпа»), воссоздающих картину поверженной и униженной страны. Надежды юноши-героя, однако, столь горячи, а сочувствие — искренно, что «за тусклым светом фонаря/Ему мерещится заря/Твоя, забывший Польшу, боже!». Застоя и загниванию противопоставлен вместе с тем и одухотворенный образ «ветра» (появляющийся в качестве «вихря», «снежной бури» в поэме «Двенадцать»): «И ветер ломится в окно,/Взывая к совести и к жизни...». Но особую роль в этом отношении играет мотив «мазурки», который встречается в разных вариантах на всем протяжении поэмы и которому поэт придает значительную идейно-эстетическую функцию. В предисловии к поэме он пишет: «Вся поэма должна сопровождаться определенным лейтмотивом „возмездия“; этот лейтмотив есть мазурка, танец, который носил на своих крыльях Марину, мечтавшую о русском престоле, и Костюшку с протянутой к небесам десницей, и Мицкевича (...) В первой главе этот танец легко доносится из окна какой-то петербургской квартиры — глухие 70-е годы; во второй главе танец гремит на балу, смешиваясь со звоном офицерским шпор (...), в третьей главе мазурка разгулялась: она звенит в снежной вьюге, проносящейся над ночной Варшавой, над занесенными снегом польскими клеверными полями. В ней явственно слышится уже голос Возмездия»¹⁹.

Этот мотив связан с революционно-героическим началом, которое ведет к подъему чувств и мыслей, чему в поэме противопоставляется духовно опустошенный индивидуализм, лишенный перспективы развития.

Если польская тема сопровождает линию развития главного героя, то болгарская тема тесно связана с народными движениями. Она затрагивает значительное событие XIX в. — русско-турецкую войну 1877—1878 гг., принесшую освобождение болгарскому народу. Блок приступает к художественному отражению этих действий хорошо подготовленный, ознакомившийся с многими книгами и картинами, с текущей печатью²⁰. В «Матерьялах для поэмы» сохранилось много подробных записей, свидетельствующих о напряженном интересе Блока к событиям русско-турецкой войны. «Военные действия, — записывает он, — открылись в самый день объявления войны (...) В июле первые неудачи под Плевной (на этом умер Никитенко) (...) Атака Шипки турками в августе. Раненый

¹⁸ Там же, с. 340.

¹⁹ Там же, с. 299—300.

²⁰ См. об этом Е. Д а с к а л о в а. Александр Блок за освобождения на България в поемата «Возмездие». «Литературна мисъл», 1959, кн. I, с. 78—96.

Драгомиров (...) Конец ноября — взятие Плевны и сдача Османа-паши»²¹. Месяц за месяцем этой напряженной войны находят отражение в записях Блока. Однако в поэму непосредственно эти события не вошли, поэт избирает иной аспект их отображения, позволяющий показать одновременно и героические усилия русской армии, и реакцию русского общества. Поэтому в «Матерьялах» делается характерная пометка: «Мне нужно описание возвращения гвардии в Петербург»²². И непосредственно в тексте поэмы изображен лишь один момент, относящийся к этой войне — встреча войск в Петербурге. Но в ретроспективном плане он воссоздает весь дух военных действий на Балканах. С самого начала в описании возникает контраст между внешней парадностью встречи и уставшими и запыленными от долгого пути солдатами, которые возвращаются к вечеру в казармы. Народ, простой солдат, вынесший на плечах всю тяжесть войны, представлен как подлинный герой. Именно простой русский человек своей беззаветной храбростью и беспримерным героизмом решил исход войны, и Блок рисует возвращающихся воинов с яркой монументальностью:

За ними — снежные Балканы,
Три Плевны, Шипка и Дубняк,
Незаживающие раны,
И хитрый и неслабый враг...
Вон — павловцы, вон — гренадеры
По пыльной мостовой идут;
Их лица строги, груди серы,
Блестит Георгий там и тут,
Разрезаны их батальоны,
Но уцелевшие в бою
Теперь под рваные знамена
Склонили голову свою...
Конец тяжелого похода,
Незабываемые дни!²³

Народная точка зрения проявляется особенно ярко в раскрытии целей борьбы, во имя чего были принесены жертвы и лишения, — бескорыстная помощь братскому народу, веками томившемуся в рабстве. Ценою своей собственной крови русский народ защитил глубоко справедливое, гуманное и демократическое дело. Блок особо подчеркивает благородную миссию освободителей, снискавшую им любовь и признательность всего народа: «Их с хлебом-солью ждут подносы», «У каждого солдата на штык надет букет цветов!». «Да, дело трудное их — свято» — в этом стихе выражена основная оценка подвига русской армии, приведшей к освобождению поработанных славянских братьев, а в более широкой исторической перспективе — к уничтожению последних очагов отживающего феодализма в Европе.

В то же время Блок воссоздает яркую картину бедствий и разорения («болезнь, усталость, боль и голод»), которые принесла война, кровопролития и гибели русских солдат. В материалах Блок отмечает: «В сражении под Горным Дубняком (12 октября) выбыли из строя (убиты и ранены) около трети нижних чинов и более половины офицеров»²⁴. Жестокий опыт войны не проходит бесследно для ее участников, вынесших на своих плечах ее тяготы. В материалах к поэме Блок записывает: «В

²¹ А. Б л о к. Собрание сочинений..., т. III, с. 447—448.

²² Там же.

²³ Там же, с. 307.

²⁴ Там же, с. 460.

глазах солдат и офицеров, возвратившихся с войны, еще стоят раны, бледные лица, возбужденные глаза, зарева...»²⁵. В людях, прошедших через это, зреет сознание необходимости радикальных перемен, что вызывает опасение властей:

Того, кто побыл на войне,
 Порой пронизывает холод —
 То роковое *все равно*,
 Которое подготавливает
 Чреду событий мировых (...)
 И власть торопится скорей
 Всех тех, кто перестал быть пешкой,
 В тур превращать, или в коней...²⁶

В этом смысле освобождение от чужого ига можно рассматривать как прелюдию к освобождению «революционного напора» масс, которые уже подготовлены к принятию другой, более высокой правды. Эту правду провозгласит, как показано в поэме, новая общественная сила.

Приступая к изображению событий в Польше и Болгарии, Блок освещает их с современной точки зрения, что является самой сильной стороной поэмы. Его историзм имеет не тесно локальный, а глубоко масштабный характер, овеянный духом переломной эпохи. По убеждению поэта, Россия воплощает революционный гуманизм эпохи и русская нация провозглашает любовь ко всему человечеству.

В новой революционной ситуации, после победы Октября, вопрос о России и о славянстве в творчестве Блока синхронизируется с современной действительностью. Закономерно он приходит к выводу о разрыве между старой и новой Россией. «Пальнем-ка пулей в святую Русь» — бросает он вызов силам реакции в поэме «Двенадцать». На крики, что «Россия умирает! России больше нет!» поэт отвечает, что «родилась новая Россия», о которой мечтали великие русские писатели — «Россия — буря». Трудно бороться против «русской заразы», — пишет он, — «потому что Россия заразилась уже своим здоровьем человечество»²⁷. Если старая европейская цивилизация гибнет, то Советская республика исполнена жизненных и нравственных сил. С позиции этой новой созидательной силы, поэт обращается в своей революционной публицистике к духовным вождям нации со страстным призывом служить революции («Интеллигенция и революция»).

В результате революции из-под гнета Австро-Венгрии и царской России освобождаются Чехия, Словакия, Польша, Хорватия и Словения. Теме объединения славян посвящается ряд произведений (В. Брюсов — «В Карпатах», «В Варшаве», «Аеропланы над Варшавой» и др.). Блок решает эту тему в более сложном и развернутом плане, связанном с общей концепцией исторического прогресса.

Идеи славянства, защищающие революционные завоевания человечества, находят наиболее полное художественное выражение в революционной оде «Скифы» (1918)²⁸. Здесь мы не будем затрагивать подтекст мысли Блока о «скифстве», связанный с «панмонголизмом» Вл. Соловьева, на что указывает эпитафия стихотворения. Обращаясь к его конкретно-историческому содержанию, не следует забывать, что стихотворение написано в момент, когда Петрограду грозил захват неприятельскими

²⁵ Там же, с. 459.

²⁶ Там же, с. 309.

²⁷ Там же, т. VII, с. 326.

²⁸ С. Д. Абрамович. Концепция славянства в «Азиатах» Я. Ивашкевича и «Скифах» А. Блока. В сб. Очерки по истории славянских литературных связей. Львов, 1978, с. 101—119.

войсками. В данном случае имеет место осознаваемая поэтом историческая аналогия со стихотворением Пушкина «Клеветникам России». Но в то же время им выдвигается идея мира. «Мир и братство народов — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать»²⁹, — пишет Блок в статье «Интеллигенция и революция» (1918). Он возмущается агрессивной политикой европейских государств, которые «уже три года грешат против духа музыки». Выражая свою приобщенность к авангарду революции («Я за большевиков, они за мир»)³⁰, в которой видит истинную правду, Блок обращается с призывом к Западу:

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны
Товарищи! Мы станем — братья!³¹

И содружество народов, о котором мечтал в свое время Мицкевич, имеет по мысли Блока конкретно созидательные цели. Поэт мечтает о вдохновенном труде на благо человечества, о «стальных машинах, где дышит интеграл». Мысль Блока о судьбе родины и славянства в общем ходе истории, в условиях победившей революции закономерно приводит его к убеждению о всенародном единстве, основанном на «братстве, равенстве, труде». Любовь Блока к России приводит его к интернациональной точке зрения. «Ненавидеть интернационализм — не знать и не чужать силы национальной»³², — пишет он в дневнике 1918 г. Поэт спорит с теми, кто обвиняет его в переходе на сторону революции. В одном из своих стихотворений («З. Гиппиус», 1918), отвечая на сборник «Последние стихи» З. Гиппиус, где отразилась ненависть поэтессы к Октябрьской революции, Блок пишет:

Но в дали я вижу — море, море,
Исполинский очерк новых стран,
Голос ваш не слышу в грозном хоре,
Где гудит и воет ураган!
(...)
Высоко — над нами — над волнами, —
Как заря над черными скалами —
Веет знамя — Интернационал!³³

Обобщая развитие славянской темы (в самом широком смысле слова) в творчестве Блока, следует подчеркнуть, что она развивается в сферах искания социального и духовного обновления человечества и отдельной личности. Она связана со становлением нового национального сознания поэта, с его историзмом, имевшим широко нравственное и общечеловеческое значение. «Славянство», как этническая и историческая категория во взглядах поэта и как идейно-эмоциональный компонент таких его крупных произведений, как «На поле Куликовом», «Возмездие», «Скифы», соотносится с демократическими и гуманистическими веяниями эпохи, выявляясь как одна из ценных национальных черт русского народа. Новое эстетическое обоснование этой идеи имело известное значение и для индивидуального развития Блока как художника, порвавшего с индивидуализмом, перешедшего на сторону народа.

²⁹ А. Б л о к. Собрание сочинений.... т. VI, с. 13.

³⁰ А. Б л о к. Записные книжки..., с. 390.

³¹ А. Б л о к. Собрание сочинений..., т. III, с. 361.

³² Там же, т. VII, с. 314.

³³ Там же, т. III, с. 372.

Ю. ЛАБЫНЦЕВ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЯНА КОХАНОВСКОГО НА ФОНЕ ОБЩЕЙ РЕЦЕПЦИИ ПОЛЬСКОЙ КНИГИ И ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ XVII ВЕКА

Век XVII — особый период в развитии русской литературы и культуры в целом — был тем временем, когда проникновение в Россию оригинальных западноевропейских сочинений стало наиболее интенсивным. Если в XV и XVI вв. книги на западноевропейских языках, в том числе и латинском, в пределах Московской Руси единичны, то в XVII в. и особенно во второй его половине они исчисляются уже сотнями. Большую их часть составляют книги, напечатанные в типографиях Германии и Польши, а также в соседних с ними странах¹. Владельцами книг на западноевропейских языках (в том числе и западославянских) были в основном государственные учреждения, светские и духовные лица (в библиотеках также нередко имелось небольшое число рукописных книг на западноевропейских языках, чаще всего это были выписки из различных теологических сочинений). Все эти западноевропейские книги активно использовались на Московской Руси не только для чтения, но и в иных, самых разнообразных, целях: как материал для переводов; как образцы для различных живописных работ, в том числе и при создании русской рукописной и печатной книги²; как источники для написания всевозможных сочинений, не исключая и сугубо теологических³.

Рассматривая всю массу оригинальных и переводных западноевропейских книг в России XVII в., поражаешься размаху польского влияния на отечественную культуру этого времени. Даже достаточно активный интерес различных представителей русского общества тех лет к достижениям западноевропейской культуры реализуется ими в значительной степени через польское посредство, с помощью польских изданий западноевропейских (не польских) авторов и переводов с этих изданий.

Тяга к собственно польской культуре, литературе в частности, выразилась прежде всего в сравнительно широком распространении в Рос-

¹ Эти сведения приводятся нами на основании предварительного анализа более чем тысячи иностранных старопечатных и рукописных книг, находившихся в книжных собраниях России XVII в. Все эти книги, ныне собранные в различных хранилищах СССР, учтены нами в специальной картотеке.

² Е. Л. Немировский. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964, с. 75—80, 116—138 и др.

³ В этой связи особенно показательна, например, деятельность Симеона Полоцкого, для понимания которой необходимо основательное знакомство с его библиотекой, поскольку она, почти исключительно состоящая из иностранных книг, широко использовалась в его писательской работе.

сии того времени польского языка ⁴, польской письменной графики, а главное, оригинальных и переводных польских книг, общее количество которых, по нашим наблюдениям, значительно превышает число оригинальных книг и переводов с других европейских национальных языков.

Получившие распространение на Московской Руси уже в XVI в. польские книги и их переводы становятся здесь особенно многочисленными во второй половине XVII в. То же можно сказать и о польском языке и польской графике. Первое печатное русское палеографическое пособие — лицевой «Букварь» Кариона Истомина (М., 1694) наряду с образцами «славенороссийских писмен уставных и скорописных», а также греческих и латинских, содержит и образцы польского письма. «Академическая привилегия» — устав первого в истории Русского государства высшего учебного заведения, составленный за несколько лет до открытия Славяно-греко-латинской академии, предполагал изучение вслед за славянским, греческим, латинским и польского языка ⁵.

К концу XVII в. оригинальная и переводная польская книга, а также польский язык и польская письменная графика становятся достоянием представителей не только высших и средних слоев населения России, но и ее низших слоев, в том числе и отдельных крестьян ⁶. Прделанная нами работа по классификации польских научных книг, переведенных в России XVII в. ⁷, к которым мы относим 42 различных сочинения по истории, географии, астрономии, математике, экономическим и политическим наукам, педагогике, филологии, музыкологии, сельскохозяйственным наукам, медицине и фармакологии, военным наукам, позволила определить три основные читательские группы, в которых бытовали эти переводы:

1) отдельные лица (главным образом представители царского двора); 2) ограниченный круг (царский двор, высшее духовенство, ученые монахи, дьяки и подъячие приказов); 3) все слои населения. Сами переведенные книги служили при этом для русских читателей XVII в. сразу несколькими целям — познавательным, учебным, практическим. Все эти данные, проанализированные с точки зрения целевого и читательского назначения каждой из переведенных книг, дали возможность составить следующую схему их классификации: 1) многоцелевые для всех слоев населения: лечебники и травники, космографии, хроники и другие исторические сочинения; 2) многоцелевые для ограниченного круга лиц: сочинения о сельском хозяйстве; 3) научные, служившие пособиями для некоторых отдельных лиц: Селенография Я. Гевелия; 4) служившие познавательным целям для ограниченного круга лиц: политические, экономические и педагогические сочинения, книги по астрономии, математике и музыкологии; 5) учебники и справочники для ограниченного круга лиц: словари и грамматики.

Подобная схема, с одной стороны, дает некоторое общее представление о рецепции польской переводной книги в России XVII в., с другой —

⁴ Во многом справедливо мнение В. Эйнгорна, писавшего, что «польский язык не только для бояр, но и для других образованных представителей московского общества второй половины XVII в. имел такое же значение, какое в том же обществе сто лет спустя имел язык французский» (В. Эй н г о р н. Книги киевской и львовской печати в Москве в третью четверть XVII в. М., 1894, с. 8.)

⁵ «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2, т. 6. М., 1788, с. 390—420.

⁶ См., например, запись 1699 г. «Kondrapki Pietrowa», «grubackiego syna w dierewni Kosowni» на экземпляре издания: D. B r a t k o w s k i. Świat po części przeurzany. Kraków, 1697. Из собрания Отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (инв. № 14677).

⁷ J. Ł a b u n c e w. Próba typologii polskiej książki naukowej tłumaczonej w Rosji w XVII w. В кн. Studia o Książce, t. 7. Wrocław, 1977, s. 51—61.

служит наглядной иллюстрацией достаточно сложной, дифференцированной системы путей распространения элементов западной культуры среди представителей различных слоев русского общества.

Произведения польской и западноевропейской художественной литературы, распространяемые, в частности, через польское посредство, стали проникать в Россию с XVI в.; к этому времени относятся и первые переводы подобных сочинений⁸, которые с течением времени начали широко бытовать среди читателей всех слоев России, не исключая и крестьянство — оно уже с XVIII в. зачитывалось такой литературой⁹. Очень знаменателен и тот факт, что практически первая печатная книга на иностранном языке, увидевшая свет в Москве — это «Трунф Польскей Музы» (1706), стихотворное произведение на польском языке, написанное в честь победы русского оружия над шведами под Калишем московским аптекарем польского происхождения Даниэлем Хурчином. Сочинение это можно признать действительным триумфом польской музыки в России, нашедшей здесь своих поклонников среди представителей элитарных слоев¹⁰.

Первые же шаги в ознакомлении русского общества с польской поэзией были сделаны, по крайней мере, за полстолетия до выхода в свет «Трунфа», примерно в середине XVII в. Это стало возможным прежде всего благодаря непосредственному влиянию переселившихся в Москву выходцев из Белоруссии и с Украины. Они же явились в России XVII в. и главными пропагандистами польских сочинений Яна Кохановского, стихи которого получили широкое распространение не только среди поляков, но и среди белорусов и украинцев, в значительном числе свободно владевших польским языком.

Русский читатель, который в своей массе, по словам Симеона Полоцкого, польских «речей убо, или мало, или ничтоже знающе»¹¹, тем не менее сумел постичь и оценить поэтическую прелесть польских стихов Я. Кохановского. Особенно повезло в России его «Псалтири», которая многими «о сладости пения увеселяющесея духовне»¹² целась в Москве по-польски. Сам Симеон Полоцкий так характеризовал выпавший на долю «Псалтири» успех у восточнославянских народов: «мнози во всех странах малыя, белыя, черныя и червоныя России, пачеже во велицей России в самом царствующем и богоспасаемом граде Москве, возлюблше сладкое и согласное пение полския псалтири стихотворно преложенныя»¹³.

Среди русских лиц (мы не принимаем тут во внимание выходцев из Белоруссии и с Украины, живших в Москве)¹⁴, хорошо владевших польским языком, «приискрнем нашему славенскому языку»¹⁵, таких, например, как известный писатель и общественный деятель Сильвестр Медведев, польские произведения Я. Кохановского были распространены достаточно широко. Как правило, из них составлялись своеобразные сборники, куда непременно входила его «Псалтирь». Сборники эти подбирались из различных изданий произведений Кохановского, выпущенных в свет

⁸ Р. П. Дмитриева. Русский перевод XVI в. польского сочинения XV в. «Разговор магистра Поликарпа со смертью». ТОДРЛ, т. 19. М.—Л., 1963, с. 303—317.

⁹ См., например, М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963, с. 86—87 и др.

¹⁰ Об авторе этого сочинения см. А. В. Орешников. Даниил Гурчин, московский аптекарь начала XVIII столетия. В кн. Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой. М., 1916, с. 47—69.

¹¹ Симеон Полоцкий. Псалтирь рифмованная. М., 1680, л. 5а.

¹² Там же, л. 5.

¹³ Там же.

¹⁴ Эти выходцы имели в Москве собственные библиотеки, в которых было немало польских книг, в частности стихотворных. См., например, «Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках», т. I. СПб., 1884, стл. 839—841.

¹⁵ Симеон Полоцкий. Там же, л. 5.

в основном в первой половине XVII в. в Кракове. Нам известно три таких сборника, принадлежавших С. Медведеву, Василию Родионову и другим лицам. Все они составлены из изданий польских произведений Я. Кохановского, вышедших в одном году. Например, сборники С. Медведева (их у него было два) из следующих краковских изданий сочинений Кохановского; сборник 1¹⁶—1) Psalterz. 1617; 2) Fraszki. 1617 (по К. Пекарскому редакция В¹⁷); 3) Fragmenta. 1617; 4) Jan Kochanowski. 1617 (по К. Пекарскому редакция F);

сборник II¹⁸—1) Psalterz. 1629; 2) Jan Kochanowski. 1629 (по К. Пекарскому редакция F); 3) Fraski. 1629 (по К. Пекарскому редакция C); 4) Fragmenta. 1629.

Третий из известных нам сборников сочинений Я. Кохановского¹⁹ принадлежал в XVII в. В. Родионову и каким-то другим русским лицам, одним из которых предположительно можно назвать митрополита сарского и подонского Павла²⁰. Сборник этот составлен из следующих изданий: 1) Psalterz. Kraków, 1629; 2) Jan Kochanowski. Kraków, 1629 (по К. Пекарскому редакция F); 3) Fraszki. Kraków, 1629 (по К. Пекарскому редакция C).

Нам известно также отдельное издание «Псалтири» (Kraków, 1586), бывавшей в среде русских читателей в XVII в. Книга принадлежала в 80-е годы XVII в. С. Медведеву и была куплена 21 апреля 1680 г. в числе трех других польских книг у некоего Василия Григорьева²¹.

Различного рода пометки, глоссы и маргиналии, имеющиеся на страницах перечисленных книг, написанные русской кирилловской графикой, говорят о том, что все эти книги достаточно активно читались в русской среде. Основное внимание уделялось «Псалтири», ознакомление с которой носило часто, видимо, характер не просто чтения, но и разбора, ведущегося с вероисповедной точки зрения²².

Процесс распространения в России XVII в. польских поэтических произведений, в частности произведений Я. Кохановского, был делом непростым. Его начало и развитие стало возможно лишь благодаря общей рецепции западной культуры, в основном католической, которой покровительствовали прежде всего придворные круги во главе с монархом. Высшие духовные иерархи России, в большинстве своем стоявшие на непримиримых позициях по отношению к Западу, резко отрицательно относились ко всякому проникновению проявлений его духовной культуры в русскую жизнь, что нашло наиболее полное отражение на Московском церковном соборе 1690 г. Давая негативную оценку литературной деятельности Симеона Полоцкого, русский патриарх Иоаким, официальный автор полемического сборника «Остен», писал о Я. Кохановском как о «латиняние суще», т. е. видел в нем прежде всего своего религиозного врага — католика²³.

¹⁶ Хранится в Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, инв. № 9258—9261.

¹⁷ K. P i e k a r s k i. Bibliografia dzieł J. Kochanowskiego. Wiek XVI i XVII. Wyd. 2. Kraków, 1934.

¹⁸ Хранится в библиотеке Центрального государственного архива древних актов, инв. № БМСТ, 4215.

¹⁹ Хранится в Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, инв. № 5748—5750.

²⁰ Это предположение сделано нами на основании наличия в книге характерной записи, принадлежащей по всей видимости митрополиту Павлу.

²¹ Хранится в библиотеке Центрального государственного архива древних актов, инв. № БМСТ, 4214.

²² См., например, сборник, принадлежавший Василию Родионову.

²³ «Остен». Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865, с. 137.

Большинство из названных выше книг принадлежало С. Медведеву, духовному наследнику Симеона Полоцкого, которого можно назвать одним из основных проводников польской книжной культуры и литературы в России XVII в. Из рукописного наследия Медведева до нас дошла, видимо, лишь очень незначительная часть, поэтому сейчас не вполне ясны многие стороны его биографии и творчества. Сохранившиеся книги его библиотеки помогают понять и восстановить неизвестные обстоятельства жизни писателя, представить круг философских, религиозных, политических, эстетических, чисто литературных и иных проблем, волновавших его. Они дают нам, в частности, право утверждать, что Сильвестр Медведев, принявший, так же как и его учитель Симеон Полоцкий, монашеский постриг по базилианскому чину²⁴, был достаточно хорошо знаком с польской поэзией, представленной в его библиотеке многими изданиями. В ней можно найти сочинения и различных современных ему польских поэтов, начиная от Веспасиана Коховского²⁵ и кончая безвестными виршенистами в честь Богоматери и наиболее любимых католических святых. Некоторые знаменитые и популярные сочинения были в нескольких экземплярах, что, как нам кажется, явление далеко не случайное. Эти экземпляры нужны были Сильвестру Медведеву для учеников его школы, существовавшей в 80-х годах XVII в. в Москве²⁶. Так, например, у него было восемнадцать грекославянских грамматик, изданных во Львове в 1591 г., восемь различных латинских грамматик, три издания польских букварей и другие учебные книги²⁷. Большинство из них сохранилось и находится в фонде БМСТ в Центральном государственном архиве древних актов. Записи и пометы на этих экземплярах свидетельствуют о том, что в школе Сильвестра Медведева, видимо, изучали не только латинский язык, как об этом писали ранее²⁸, но и греческий и польский. Последнее, как нам думается, подтверждает предположение об использовании Сильвестром Медведевым нескольких экземпляров сочинений Яна Кохановского для нужд его школы, ученики которой даже удостоивались чести говорить «орации» перед патриархом²⁹.

Таким образом, может быть предположительно расширен круг лиц в Москве XVII в., читавших произведения Яна Кохановского. Среди же бесспорных его русских читателей и почитателей этого времени — достаточно определенный контингент лиц, относящихся в основном к ученому монашеству.

²⁴ См., например, запись Сильвестра Медведева на одной из книг его библиотеки — «Possessor Silwestr Niedzwiedzew monachus ord. S. Bas. mag.» (J. A. G o r c z u p. Nowy sposób Arythmetyki. Kraków, 1647—библиотека Центрального государственного архива древних актов, инв. № БМСТ, 4248). Этот факт проясняет многие, так называемые «темные места» его биографии и говорит с определенностью о том, что Сильвестр Медведев почти несомненно находился какое-то время в Польше.

²⁵ См. экземпляр книги — W. K o c h o w s k i. Epigrammata Polskie. Kraków, 1674 — из собрания библиотеки Центрального государственного архива древних актов, инв. № БМСТ, 4232.

²⁶ «Розыскные дела...», т. I, стл. 569.

²⁷ См. «Книги переписные книгам, которые по указу святейшаго патриарха в нынешнем 198 году сентября в день переписаны в Спасском монастыре за иконным рядом, подле церкви в верхней кладовой полатке. Временник имп. Московского об-ва истории и древностей Российских». Кн. 16. М., 1853, с. 53—67.

²⁸ См. предисловие С. Белокурова к книге: С и л в е с т р М е д в е д е в. Известие истинное православным и показание светлое о новоправлении книжном и о прочем. М., 1886, с. XII.

²⁹ И. Е. З а б е л и н. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, ч. I. М., 1884, с. 64, стл. 392.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ ТАЙНОПИСИ

Известное сочинение М. Н. Сперанского о древнерусской и древнеюжнославянской тайнописи¹ было задумано как итог исследований в этой области и получило в свое время самую высокую оценку². Однако сейчас, спустя почти пятьдесят лет, становится все очевиднее, что некоторые важнейшие проблемы остались нерешенными или даже непоставленными в этой (замечательной в конечном счете) работе. Прежде всего, в ней не уточнен объем самого понятия «тайнопись»; например, как средство тайнописи рассматривается акростих³, тогда как известно, что не всякий (и далеко не всякий) акростих есть тайнопись — чаще «краегранесие» есть форма организации стиха и художественной игры. Далее, вопрос о происхождении тайнописи рассмотрен довольно бегло и остается, можно сказать, практически нерешенным. Наконец, неизученной осталась и терминология тайнописи. Вообще слишком многое в тайнописи казалось М. Н. Сперанскому очевидным, и свою задачу он видел в основном в классификации этого «очевидного» материала.

Однако ни критика работы М. Н. Сперанского, ни попытка восполнить ее пробелы не является целью настоящей статьи. Ее задача — указать лишь на один возможный источник происхождения древнерусской тайнописи и попытаться разъяснить некоторые термины этого древнего «риторского языка».

Для начала есть смысл по-другому сгруппировать разновидности тайного письма, рассмотренные М. Н. Сперанским. Все эти разновидности объединяются в два принципиально различных типа. Первый тип — «тривиальный». Сюда относятся все варианты простой замены кирилловской азбуки иной графической системой: глаголической азбукой, греческим, турецким, латинским алфавитом, пермской азбукой, лигатурами, вязью и другими способами искажения кирилловских букв. Нескольким усложненным вариантом «тривиального» типа является случай соотношения кирилловской азбуки с системой графических знаков, заранее определяемых некоторым чисто мнемоническим графическим ключом⁴. Ко второму, «нетривиальному» типу, относится прежде всего так называемая простая литорея со всеми ее вариантами (все разновидности «мудрой»,

¹ М. Н. Сперанский. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. «Энциклопедия славянской филологии». Выпуск 4.3. Л., 1929.

² См. отзыв Г. А. Ильинского: М. Н. Сперанский. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. «Byzantinoslavica», II, с. 148, 149.

³ М. Н. Сперанский. Там же, с. 129—137.

⁴ Там же, с. 92—94, здесь же приведены иллюстрации.

осложненной литореи) и так называемая литорея в квадратах. К этому же типу относятся и те виды «цифрной» тайнописи, которые построены на замене буквы ее цифровым значением (ниже будет показано, что это не есть вариант «тривиального» типа). Вопрос об акростихе как о тайнописном приеме остается пока открытым, так как, по-видимому, можно говорить лишь о влиянии тайнописи на акростих (об этом ниже).

Различение «тривиального» и «нетривиального» типов основано на следующем. Явление замены одной азбуки другой вообще не представляет собой проблемы в смысле происхождения, так как его можно наблюдать в любой письменной культуре, а вопросы генезиса древнерусской вязи, лигатур, монокондила достаточно уже изучены палеографией; поэтому-то эти приемы тайнописи и составляют «тривиальный» тип. Наоборот, «нетривиальная» тайнопись основана на использовании той же самой азбуки, но специальным образом переупорядоченной, и как бы прост ни был этот способ переупорядочения, безусловность его очевидна, тем более, что, как будет видно далее, этот способ коренился в мистическом восприятии и магическом использовании алфавита. Именно по этой причине (мистика буквы и числа) и указанные разновидности цифрной тайнописи отнесены здесь к «нетривиальному» типу (однако о числовой — «цифрной» — тайнописи будет говориться отдельно).

Итак, основа «нетривиального» типа тайнописи — простая литорея, явление многократно описанное, но ни разу до конца не объясненное. Она состоит в том, что из кирилловской азбуки исключаются все гласные, согласные же располагаются следующим образом:

б в г д ж з к л м н
щ ш ч ц х ф т с р п,

то есть азбука из одних согласных как бы перегибается пополам. Затем вместо букв верхнего ряда берутся буквы нижнего ряда, и наоборот. В получившееся слово вставляются те же гласные (причем, на те же самые места), какие были в исходном слове. Так, вместо «Богъ», «аминь», «честному игумену» получается «щочъ», «арипь», «гелкъпору ичурепу».

Относительно происхождения простой литореи М. Н. Сперанский высказался так: «Что касается происхождения „простой“ литореи, то никаких определенных указаний на это не имеем ни в ней самой, ни о ней. А. И. Соболевский осторожно предполагает..., что „едва ли не большинство видов риторского письма ... вполне или отчасти заимствовано славянами от греков“. С другой стороны, ни одного примера греческой криптографии более или менее сходного с нашей „простой“ литореей мы до сих пор не нашли⁵. Да и нужно ли в данном случае предполагать непременно заимствование, чужой образец? Условная замена одних букв другими, какую мы видим в „простой“ литорее, — настолько простой способ „затаенія“, что придти к нему можно было и непосредственно и независимо от готового образца»⁶.

На самом же деле в простой литорее нет ничего ни простого, ни очевидного. Совершенно напоятно, например, зачем из кирилловского алфавита понадобилось исключать гласные буквы: ведь с сохранением гласных в переупорядочиваемом наборе букв слово приняло бы более трудночитаемый вид, тогда как по неизменным гласным уже можно догадаться, какое слово зашифровано. Достаточно нетривиальным является и реше-

⁵ Ссылка в тексте цитаты см. V. G a r d t h a u s e n, Griechische Palaeographie, Bd. II. Leipzig, 1913.

⁶ М. Н. С п е р а н с к и й. Там же, с. 102.

ние расположить буквы второй строчки литорей в обратном порядке, а не в прямом.

Эти вопросы, как и вопрос о происхождении литорей, легко снимаются, если допустить, что прототипом литорей является один из древнееврейских каббалистических способов чтения Священного Писания — метод «атбаш». Этот метод заключается в том, что как и в литорее, еврейский алфавит перегибается пополам, так что под первой буквой алфавита алеф (א) оказывается последняя тав (ת), под второй бет (ב) — предпоследняя шин (ש). Именно эти четыре буквы, поставленные одна за другой, и дают название метода: 'tbš атбаш, и так далее.

Поскольку в еврейском алфавите нет букв для обозначения гласных, вопрос, почему в ключе славянской литорей отсутствуют гласные, отпадает сам собой, если принять его еврейское происхождение (попытка решить вопрос о порядке букв во второй строчке литорей предлагается ниже).

Вот пример применения этого метода тайночтения. В книге пророка Иеремии (25 : 26) читаем: «царь Сесах выпьет после них». Здесь непонятно слово Сесах שִׁשָּׁה. По методу атбаш оно преобразуется в bbl, т. е. Вавилон, и стих становится «понятным». Любопытно, что в той же книге имеется фрагмент (51 : 41), из которого следует, что Сесах — действительно другое название Вавилона.

На правдоподобность связи литорей и метода атбаш указывает и терминология тайнописи, к которой М. Н. Сперанский отнесся как к вещи столь же неважной, сколь и непонятной. В сноске на первой странице своего труда он пишет: «...отдельные виды тайнописи носили, по-видимому, свои особые названия; так один из видов „цифровой“ югославянской тайнописи носил неясное для нас по происхождению название „хвиоть“ или „фиоть“ ..., еще известно обозначение „еффата“ ... может быть, такое название представляет... непонятное „икубана“ »⁷.

Между тем термин *фиоть* или *хвиоть*, по-видимому, является искажением древнееврейского 'wtwyt 'значки', 'азбука'. Путь от еврейского слова к славянскому достаточно прост, если предположить греческое посредство. Грамотная транслитерация еврейского слова греческими буквами должна была бы выглядеть как φτωϖ. Однако, так как к возможному времени славянского заимствования долготы не различались ни в греческом, ни в еврейском, а окончание женск. р. мн. ч. в еврейском םת могло передаваться при переходе в греческий и как οτ⁸, наш термин в греческом мог принять вид φτωτ. Тогда достаточно было греческому или славянскому книжнику увидеть в этом слове форму существительного с греческим определенным артиклем ο (это было возможно, так как spiritus asper и spiritus lenis — и, стало быть ο и ο̄ — не различались), как мы видим *фиоть* в почти законченном виде ο φτωτ. Переход φ → ϕ (и далее ϕ → χ) совершенно очевиден, а появление ѣ на конце вместо ожидаемого ъ есть, конечно, черта южнославянского происхождения, но отличающая и русский литературный язык эпохи второго южнославянского влияния (на это же время падает и значительное увеличение числа тайнописных текстов). Между прочим, идея греческого посредства не обязательно требует участия греков: все указанные преобразования могли произойти — и даже были бы более вероятны — в среде славянских книжников, владевших греческим языком хотя бы в самом элементарном объеме. Иначе го-

⁷ М. Н. Сперанский. Там же, с. 1.

⁸ Второе требование не является обязательным, так как имеются написания слова *фиоть* — по-видимому, более правильные — с исходом на од и даже на ѳд. Др. К о с т и ѣ. Тайно писанье у южнословенским ћирилловским споменицима, б.г., б.м., с. 3.

воря, совершенно необязательно, чтобы появлением термина *фиотъ* славянские языки были обязаны византийской культуре.

Принять предложенную цепочку преобразований еврейского грамматического термина помогает то обстоятельство, что другое название метода атбаш в каббалистической традиции *szwr h'wtuywt* или *swd hsrwr h'wtuywt* (т. е. 'комбинация значков' или 'тайна комбинации значков, букв'), и таким образом, 'wtuywt (и соответственно *фиотъ*) есть лишь часть более полного термина, его последнее слово. С другой стороны, одно из первых описаний метода атбаш находится в одном из древнейших каббалистических трактатов с характерным названием 'wtuywt dy rby 'qybh, 'то есть азбуки равви Акибы'⁹.

По поводу другого названия тайнописи — *эффата* — читаем у Сперанского¹⁰: «эффата» сопоставляют с еврейским словом, застрявшим в греческом евангельском тексте и оставшемся без перевода и в славянском: Ἐφφαθά ὃ ἐστὶ Διανοίγητι (Мр. VII, 34) — *еже есть развръзися* (Маринск. ев., с. 143). Очевидно, что этот комментарий ничего не разъясняет. Между тем именно обращение к упомянутому евангельскому тексту дает вполне определенное истолкование загадочного слова. Вот этот текст (Мр. VII, 32—35): «Привели к Нему глухого, косноязычного и просили Его возложить на него руку. Иисус, отведя его в сторону от народа, вложил персты Свои в уши ему, и, плюнув, коснулся языка его; и возрев на небо, вздохнул и сказал ему: „эффафа“, то есть: „отверзися“. И тотчас отверзся у него слух, и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто». Из приведенного отрывка с очевидностью следует, что слово *эффата* (или *эффафа*, от еврейского *pth* 'открывать') потому могло стать названием тайнописи, что оно было молитвой об отверзании слуха и языка, и точно так же, как оно исцеляло глухого и косноязычного, ключ к тайнописи должен был прояснить ее невнятицу. Очевидно, впрочем, что еврейское по происхождению слово «эффафа» не является еврейским *terminus technicus*. Однако в нем легко усмотреть рефлекс еврейского культурного влияния, так как этот термин — изобретенный, разумеется, христианином — отражает своего рода моду на еврейскую тайнописную терминологию.

Что касается третьего непонятого названия тайнописи — *икубана*, — то и в нем можно усмотреть еврейский термин. По-видимому, *икубана* есть искаженное евр. *kwnh*. Это чрезвычайно многозначное и емкое слово является одним из ключевых терминов иудаизма. Его значение по Буксторфию — 'intentio, attentio, propositum, studio'¹¹; реально оно обозначает умственную сосредоточенность на предмете молитвы, «посвящение сердца». В этом смысле концепция кавваны напоминает восточно-православное учение об исихии. Кстати, и значимость обеих концепций соответственно для иудаизма и православия допускает сравнение. «Концепция кавваны, как и само слово *kwnh*, возникла уже в талмудический период и первоначально сводилась к тому, что молящийся должен был понимать смысл молитвы, иметь представление о предметах, упоминающихся в тексте молитвы, и во время молитвы непрерывно держать в сознании эти знания. Молитва, произнесенная без кавваны, без сознания смысла молитвы, не считалась

⁹ А. Jellinek. *Beth ha Midrasch*, Bd. V, S. 31—33. Вопрос о том, приложим ли к делам III—IV вв. н. э. эпитет «каббалистический» решается здесь положительно, несмотря на позднее происхождение основных памятников каббалы. Здесь не место решать вопросы хронологии каббалы, но совершенно очевидно, что ее устная традиция гораздо древнее ее письменной традиции.

¹⁰ М. Н. Сперанский. Там же.

¹¹ «Johannis Buxtorfii Lexicon chaldaicum, talmudicum et rabbinicum», v. II. Lipsiae, 1875, p. 521.

молитвой»¹². Со временем учение о кавване претерпело большие изменения, причем особенно извилистым был его путь именно в каббале. В классической каббалистической книге «Зохар» каввана уже обозначает понимание эзотерического смысла всякого религиозного акта¹³. В понятии кавваны разделились два аспекта: с одной стороны, каввана состоит в просветлении души, с другой — она рассматривается и как способ определенного влияния на небесный порядок; иначе говоря, каввана понималась как экстатическое созерцание космических тайн и как деятельное участие в этих тайнах. Понятно, что последний аспект особенно импонировал каббалистам с их магическими устремлениями и с их учением о соотносительности основных мировых сил с числами первого десятка и двадцатью двумя буквами еврейского алфавита. Поскольку, таким образом, каждая буква и каждое число отражали определенную космическую реальность, учение о кавване слилось с учением о значении каждой буквы — алфавитном и числовом, так как буквы еврейского алфавита служили и для обозначения чисел. Это повело к тому, что «кавана превратилась в гротескную игру букв, слов и идей»¹⁴; мистическое учение выродилось в каббалистической среде в головоломный прием тайночтения.

Как мы уже видели, приемы каббалистического тайночтения могли превращаться в приемы тайнописания, поэтому нет ничего удивительного в том, что термин *kwph* стал обозначать тайнопись. Другой вопрос — как это слово превратилось в *икѡбаНа*?

Греческая транслитерация слова *kwph* могла иметь вид *κῶβανᾶ* или *κῶβανᾶ* — с точки зрения фонетики оба вида равноправны, и возможно, что оба они были представлены. Второй вариант, *κῶβανᾶ*, лучше отражал билабиальный характер еврейского звука, изображаемого буквой *waw*, из первого же варианта лучше видно, что буква *waw* в составе еврейского слова была удвоенной («вав с дагешем»); кроме того, из первого написания как будто легче объясняется, как еврейское *-ww-* дало, в конечном итоге, славянское *-В-* в *икѡбаНа*. Эволюция написания с *-av-* могла быть такой: *κῶβανᾶ* > *κῶβανᾶ* (под влиянием лабиализующего фактора) и уже отсюда **κῶβανᾶ*. Таким образом, буквенный состав слова *икѡбаНа* кроме первой буквы достаточно легко объясняется возможными фонетическими изменениями этого слова. Что касается первой буквы, *и*, то это вполне мог быть греческий артикль женского рода *ῆ*, так как слово **кубана* внешне оформлено, как греческое слово женского рода. Суммируя сказанное: *икубана* < *ῆ κῶβ(αββ)ανᾶ* < *kwph*.

Помимо атбаша каббалисты располагали еще тремя способами тайночтения, следы которых, если верна гипотеза о каббалистическом происхождении литорей, следовало бы искать в русской и южнославянской тайнописи. Речь идет о способах, известных под названиями «гематрия», «темура» и «нотарикон».

Гематрия состоит в установлении численного значения слова как суммы численных значений входящих в это слово букв (от ' до *ῥ* — единицы, от *υ* до *ς* — десятки, от *q* до *t* — сотни от 100 до 400) и в дальнейшей замене данного слова (или целого словосочетания) другим словом (или словосочетанием), имеющим такое же числовое значение. Цель этого метода, как и цель атбаша, в замене темного слова понятным. Вот пример: допустим, что в Быт. 49 : 10 нам не понятно, о ком идет речь в выражении «доколе не придет примиритель — *'d ky yb' w šylwḥ*. Числовое значение *yb'w*

¹² Ibid.

¹³ H. G. Enelow. *Kawwana: the Struggle of Inwardness in Judaism*. Studies in Jewish Literature, issued in honour of Professor Kaufmann Kohler. Berlin, 1913, p. 102.

¹⁴ Ibid.

šylwḥ — 358, то есть точно такое же, что и у слова mšyḥ 'Мессия', значит; речь идет о времени Мессии. Слово гематрия (gymṭry) связывают с греч. γωμετρία¹⁵ или с греч. γράμμα¹⁶, хотя такая этимология еще не означает греческого происхождения самого приема тайночтения: если она верна, то греческим оказывается только сам термин (легко представить себе, как такое ходовое и престижное слово, как γωμετρία или γράμμα — могло быть усвоено в среде эллинизированных иудеев и превращено в специальный термин с новым значением). Слово гематрия встречается в таком интересном сочетании, как: lyšwn gymṭrywn 'язык гематрии'. Это выражение и подобные ему lyšwn grmtqn 'грамматический язык', lyšwn nwṭryqn 'язык нотарикона' (о нотариконе см. ниже) употребляют слово lyšwn 'язык' в некотором несобственном значении, которое вполне тождественно значению слова язык в древнерусских выражениях *риторийскій языкъ*, *риторскій языкъ* (речь здесь идет, конечно, не об ораторском искусстве). Именно со словом *риторъ* сближается в русской исследовательской традиции (в том числе и у М. Н. Сперанского)¹⁷ слово литорея. Но слова *риторъ*, *риторскій* известны на Руси именно в таком, неискаженном виде со времени не позже XII в.¹⁸, а фонемы *r* и *l* различаются как в греческом, так и в древнерусском. Откуда же могло взяться такое искажение, почему слово *риторъ* перешло в литорею? Ответ опять-таки в еврейском посредничестве: греческое слово *ρήτορ*, будучи заимствованным в еврейском, приобрело явно в силу диссимилиации вид l'yṭwr (lāitōr) или lyṭwr (liṭōr)¹⁹, а это почти буква в букву русская литорея.

Следующий метод каббалистического тайночтения, темура, есть метод перестановки букв в толкуемом слове. Например, в Исх. 23 : 23 читаем: «когда пойдет перед тобою ангел Мой». Слова «ангел Мой — ml'ku» каббалисты путем перестановки букв толковали как «Михаил — myk'l».

Наконец, нотарикон заключался в том, что каждая буква толкуемого слова расценивалась как начальная буква другого слова (поэтому еврейское слово nwṭryqn возводят к латинскому notariusum 'сокращение'²⁰). Естественно, что такой способ давал широчайшие возможности для толкователей. Так, первое слово книги Бытия br'šyt 'в начале', расшифровали как br' gqu 'rs šmum um thwm, то есть «сотворил твердь, землю, небеса, море, бездну». По одной агадической легенде на жезле Моисея были вырезаны слова dsk, 'dš, b'hb, то есть аббревиатура названий десяти «казней египетских», несчастий, которые Моисей навел на Египет с помощью этого жезла²¹.

В какой мере эти три последние способа тайночтения отразились в славянской тайнописи, предстоит еще исследовать. Можно предполагать, что некоторые виды числовой шифровки испытали влияние гематрии, почти несомненно, что акростих в конечном счете восходит к нотарикону (в славянской культуре этот «конечный счет» уже едва ли ощутим, но думается, что в истории акростиха можно усматривать первичные и вторичные влияния нотарикона), а такой прием тайнописи, как написание слова с конца

¹⁵ S. K g a u s s. Griechische und lateinische Lehnwörter in Talmud, Midrasch und Targum. Berlin, 1899, Bd. II, S. 171, 172.

¹⁶ W. B a c h e r. Die älteste Terminologie der jüdischen Schriftauslegung. Leipzig, 1903, s. 127.

¹⁷ М. Н. Сперанский. Там же.

¹⁸ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, с. 124.

¹⁹ S. K g a u s s. Ibid., s. 301.

²⁰ «Еврейская энциклопедия», т. XI. СПб., 1911, с. 799. Ср., однако, S. K g a u s s. Ibid., S. 356, где предлагается другая этимология.

²¹ «Еврейская энциклопедия», т. XI, СПб., 1911, с. 799.

или с изменением порядка букв в слове (*золбаре* вместо *болгаре*, *колец* вместо *Коцель* и др.²²), есть разновидность темуры.

Итак, некоторые, причем наиболее нетривиальные, виды древнерусской и южнославянской тайнописи находят свои прототипы в каббалистических способах тайночтения. Все термины славянской тайнописи суть либо еврейские по происхождению, либо греческие, но переданные еврейским языком как языком-посредником. В этом смысле не является исключением и неупомнутый до сих пор термин «тарабарский язык». Еще Гоголь пояснял, что «тарабарское наречие» — это «тайный язык торговцев-евреев». И. И. Срезневский полагал, что слово *тарабарский*, *тарабарщина* «относительно новое, пришло к нам с Запада, где слова *taraber*, *talebar* и т. п. означали все то, что может прикрывать, скрывать того, кто им пользуется»²³. Более правдоподобной представляется этимология Н. М. Шанского, который сближает *тары-бары*, *тарабарить* со словами *растабары*, *растабаривать*, связанными с белорусским *раз-дабары* из еврейского *dābar* «говорить» по модели *раз-говаривать*²⁴. Таким образом и «тарабарщина» оказывается термином еврейского происхождения.

В том представлении о тайнописи, которое складывается по прочтении книги М. Н. Сперанского, следует изменить еще один весьма важный пункт. Речь идет о функциях тайнописи. Для М. Н. Сперанского вполне очевидно, что тайнопись употреблялась либо а) для небезопасного сообщения, либо б) «из смирения» пишущего, либо в) «в качестве забавы»²⁵. Но оба приводимых автором примера для случая, когда тайнопись использовалась для небезопасного сообщения, относятся к концу XVII в. (1656 и 1695 гг., оба примера к тому же сербские, ср. мнение самого Сперанского о вторичности сербской литорей по отношению к русской), то есть ко времени, когда изначальные функции тайнописи могли уже переосмыслиться. Пункты б) и в), т. е. «смирение» и «забава» оставлены у М. Н. Сперанского без аргументации.

Внимательное рассмотрение тайнописных текстов позволяет точнее определить функции тайнописи. Выясняется, что типичные тайнописные тексты суть: имя автора, писца или владельца книги или любого другого текста²⁶, «граница текста», то есть его название или сообщение об окончании работы писца или автора (чаще, конечно, писца)²⁷, молитва писца, связанная с «границей текста»²⁸, вкладная запись²⁹, титулатура³⁰. Тексты, содержащие секретную информацию (например, «небезопасные сообщения»), исключительно редки и, по-видимому, вторичны для тайнописной традиции. Наоборот, часто тайнописец указывает на способ тайнописи: «фиотомъ поставихъ име свое»³¹, прилагает к своей записи ключ для ее расшифровки³², пишет свое имя сразу и тайнописью и в обыкно-

²² Г. М. Барца. Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности, т. 1, отдел 2. Париж, 1927, с. 438.

²³ И. И. Срезневский. Замечания о русском тайнописании. Уч. зап. Академии наук, т. XIX. СПб., 1871, с. 235—242.

²⁴ Н. М. Шанский и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971, с. 391.

²⁵ М. Н. Сперанский. Там же, с. 2, 3.

²⁶ Там же, с. 20, 99 и др.

²⁷ Там же, с. 19, 98—100 и др.

²⁸ Там же, с. 100, 101 и др.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, с. 99.

³¹ Др. Костић. Там же, с. 3.

³² Ст. Новаковић. Прилози к историји српске књижевности. III. Један стари свјетовни зборник ћириловски. Гласник Српскога ученог друштва. XXV. У Београду, 1869, с. 24—26.

венном виде ³³ (в этом отношении особенно отличился виленский писец XV в. Матвей Десятый, который поместил свое имя на страницах собранного им свода библейских книг не только в зашифрованном виде, используя при этом сначала «литорею в квадратах», а потом «цифирный» метод, но и изобразил его очень прихотливой вязью и наконец написал его простыми русскими (славянскими) буквами ³⁴; запись иногда носит такой характер, что становится несомненным, что писец желал ее точного прочтения ³⁵. Из этого следует, что тайнопись не стремилась что-либо скрыть, скорее она была нацелена на некоторые узловые моменты текста, на подчеркивание их значимости. Тайнопись по ее основной функции можно определить, таким образом, как средство повышения сакрального достоинства личных имен или важных элементов текста. Тайнопись была своего рода «ангельским языком», и ее использование заключало в себе определенную сакральную, иногда даже магическую силу. Последнее обстоятельство доказывается употреблением тайнописи в заговорах, ср. целый сборник XVIII в., содержащий тарабарские заговоры ³⁶, а также севернорусские заговоры, составленные с помощью литорей ³⁷.

Интересно, что и в каббалистической традиции приемы тайночтения использовались для фабрикации амулетов, содержащих магические заговорные тексты. Очевидно, отразившись в этой уже не столько книжной, сколько народной магической культуре, тайнопись приобрела новую, криптолалическую функцию (ср., например, написание слова *дьявол* с помощью литорей: *цъашос* ³⁸), несомненно, что здесь литорея использовалась для предохранения от нечистой силы. Однако соотношение тайнописи и магии (заговоров, ложных и апокрифических молитв, амулетов) является темой отдельной работы, в которой оно будет рассмотрено подробно.

³³ Др. Костић. Там же, с. 144.

³⁴ А. А. Алексеев, О. П. Лихачева. Супрасльский сборник 1507 г. в кн. Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР, Л., 1978, с. 58; М. Н. Сперанский. Там же, с. 106, 145.

³⁵ Љ. Стојановић. Стари српски хрисовули, акти, биографије, летописи, типиси, поменици, записи и др. Споменик Српске Краљевске Академије. XXX. У Београду, 1896, с. 210.

³⁶ Н. Виноградов. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч., вып. II. СПб., 1908, с. 28—34.

³⁷ В. И. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных для Императорской Академии Наук в Олонецком крае. СПб., 1913, с. 196, 198, 199 и др.

³⁸ «Полное собрание русских летописей», т. XXIV. Ермолинская летопись, с. 157—158.

К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАСЛАВЯНСКОЙ
ЛЕКСИКИ

Тезис о том, что диалектный материал каждого из славянских языков — один из важнейших источников для установления происхождения лексики, для восстановления древнейшего (праславянского) пласта ее, является общепризнанным в этимологии. Менее всего, однако, этот тезис подтверждался данными белорусского языка. Между тем богатейший белорусский региональный материал, включенный в определенное этимологическое гнездо и проанализированный в лингвогеографическом плане, приобретает особую значимость: во многих случаях он не просто несет дополнительную информацию об ареале, морфологической и семантической структуре той или иной лексической единицы, но является решающим в реконструкции праславянского состояния ее. К тому же он позволяет часто внести необходимые коррективы в этимологию отдельных слов, более четко определить внутриславянские лексические связи и проч. Укажем некоторые примеры.

1. Праслав. *balъ можно восстановить на основе русск. диал. *бал* м. 'безделье, пустые разговоры, веселое времяпрепровождение', *балы* рl. tant 'пустые, веселые разговоры, шутки; беседа на досуге, болтовня', 'сплетни, ложь'¹, укр. диал. *балы* рl. tant. 'то же', бел. *бал* м. 'неправда, небылица, ложь', известного фольклорной речи. Ср. «...Гэта я вам прайду казаў... Сказка бывае пастаянна праўда, а песня бывае і *бал*, найболей *бал*» (сказка «Казачнік і песьельнік», записанная Е. Р. Романовым на Гомельшчыне)². Ср. также восточнополюсск. *балъ* ж. 'шум, крик'³, витеб. *узібаль* 'взаправду'⁴. Семантика восточнославянских рефлексов предполагаемой праславянской формы дает возможность рассматривать ее как непосредственную словообразовательную базу для глагола *baliti.

В белорусских центральнополюсских говорах фиксируется *б́алас* 'слабый голос, слышный издалека'⁵ — суффиксальное производное от основы *бал-*. В диалектах русского и украинского языков ему соответствуют формы, вероятно, с экспрессивным смягчением: русск. *балы́сы* 'рассказни', укр. *ба́ляс*, и *баля́с* 'шум', рассматриваемые как производные от **bal-* 'разговаривать'⁶. Восточнославянская локализация данного слова

¹ «Словарь русских народных говоров». Под ред. Ф. П. Филина, вып. 2. М.—Л., 1966, с. 65, 88.

² «Чарадзейныя казкі», II. Мінск, 1978, с. 217.

³ «Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны». В кн. Беларуская мова і мовазнаўства, вып. III. Мінск, 1975, с. 184.

⁴ М. І. К а с ь ц я р о в і ч. Віцебскі краёвы слоўнік. Віцебск, 1927, с. 318.

⁵ Ф. Д. К л і м ч у к. З лексікі цэнтральнага Загароддзя. В кн. З народнага слоўніка. Мінск, 1975, с. 136.

⁶ А. С. М е л ь н и ч у к. Об одном из важных видов этимологических исследований. Этимология 1967. М., 1969, с. 63.

не исключает его праславянскую древность, что могут подтверждать дериваты от него, имеющиеся за пределами восточнославянских языков: чеш. диал. *balásati* 'уговаривать', слов. *balašit* 'сбивать с толку' и др. Ср. также лит. *baĩsas* 'голос'.

Исходная форма *balasz, структурно членимая на корневую и суффиксальную (суффикс -asz) морфемы, может находиться в непосредственной словообразовательной связи с *balz.

2. Говорам белорусского языка широко известны многочисленные образования с корнем *бус*': *бўсиць* (сов. *побўсиць*) 'целовать' (употребляется чаще в отношении к детям), *бўси*, *бўсиньки*, *бўся* 'поцелуй'⁸, могил. *бўські*, *бўсенькі* 'то же'⁹, *бўсі*, *бўсінькі*, *бўсічкі*, *бусь*, *бўські*, *бўсю*, *бўся* — имитация звука поцелуя¹⁰, витеб. *бўсяць* 'целовать', *буськи* 'детские поцелуи'¹¹, гродн. *бусьвабца* 'целоваться'¹², брест. *даць буські* (фразеологизм) 'поцеловать'¹³, восточнополесск. *бўсяць*, *бўськаць* 'целовать', *бўсьнуць* 'поцеловать', *бўся* 'поцелуй' (запись наша) и др.

В меньшей степени свойственны образования с указанным корнем русской и украинской диалектной речи. Ср. русск. смол. *бўськнутыся* 'поцеловаться', *бўся* 'поцелуй', фразеологизм *даць бўсю* 'поцеловаться', *бўсить* детск. 'бодать лбом', *бусь-бусь*, *бўсьнычкі* — междометия, сопровождающие действие *бўсить*¹⁴, укр. *бўсі* детск. 'падать, упасть', *бусь* (междометие) 'бух'¹⁵ и др.

Точные семантико-структурные соответствия для названных форм обнаруживаются в южнославянских языках: с.-хорв. диал. чакав. *бўсит* 'поцеловать', *bušati* (Истра), *bušovati* (Хорватское Приморье) 'целовать', *būsnuti* (Хорватское Приморье, Красица), *būšnut* (остров Крес) = *būsnuti* 'поцеловать' *obuševati* (Истра) 'перецеловать всех', *bušac* (Истра) 'поцелуй'¹⁶ и др., словен. диал. (резьян.) *bušnot* 'поцеловать'¹⁷ и др. Восточнославянский лексический материал, особенно белорусский, материально и семантически совпадающий с южнославянским, исключает возможность заимствования южнославянских форм из немецкого или итальянского языков, что допускалос П. Скоком, и позволяет реконструировать ряд исходных форм: **bus'ati*, *bušiti 'целовать', *būsnōti 'поцеловать', отглагольное имя *bus'a* 'поцелуй' и др.

Думается, что по происхождению данные глаголы являются звукоподражательными (звукоподражательную природу их и сейчас демонстрируют все восточнославянские языки), в которых и.-е. корень **bu-* расши-

⁷ Относительно суффикса -asz в именах со значением 'крик, шум' см. Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика. Нежин, 1916, с. 380. Ср. также наличие этого суффикса в глаголах говорения типа русск. диал. *варгають* 'говорить вздор, пустяки, болтать', 'наговаривать, сплетничать' при *варгать* 'сердито бормотать, ворчать, ругаться', 'говорить лишнее' («Словарь русских народных говоров», вып. IV. Л., 1969, с. 47).

⁸ И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870, с. 39, 40.

⁹ І. К. Бялькевіч. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970, с. 96, 95.

¹⁰ Г. Ф. Юрчанка. Аддзеяслоўныя і гукапераймальныя выклічнікі з адной вёскі. В кн. Народная лексіка. Мінск, 1977, с. 170.

¹¹ М. І. Каспяровіч. Віцебскі краёвы слоўнік, с. 46.

¹² Т. Ф. Сцяжковіч. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972, с. 64.

¹³ П. І. Сігеда. Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Брэстчыны, с. 7 (Хранятся в Институте языкознания им. Якуба Коласа АН БССР).

¹⁴ «Словарь смоленских говоров», I. Смоленск, 1973, с. 297.

¹⁵ Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, I. Киев, 1958, с. 115.

¹⁶ P. Škok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I. Zagreb, 1971, s. 244.

¹⁷ И. А. Бодуэн де Куртене. Резьянский словарь. В кн. Славянская лексикография и лексикология. М., 1966, с. 209.

рен детерминативом -s- довольно частым в образованиях такого рода. Звукоподражательный характер сербохорватских образований не исключался также П. Скоком: «može biti i naša onomatopeja»¹⁸.

3. Праслав. *guditi 'хулить, порицать' реконструируется нами на основе бел. диал. *gūdzić* 'могил. 'хулить (обговаривать) кого-нибудь'¹⁹, минск. 'судить, оговаривать'²⁰, гродн. 'показывать в плохом виде, порицать'²¹, брест. *gūdyty* 'позорить, порочить, обговаривать'²², а также др.-русс. *гудити* 'хулить'²³, русск. диал. *гудить* 'укорять, клеветать, обманывать', укр. *гудити* 'хулить', чеш. *vyhoudati* 'одурачить', в.-луж. *hudzić* 'хулить', связываемых обычно с *гудеть*²⁴.

Ближе к этимологической истине, как кажется, будет связь праслав. *guditi с *gyditi и *gaditi, которые связаны между собой отношениями чередования гласных корневой морфемы *y; u*. Реальность этимологического объединения названных глаголов подтверждает также сходство их семантики по отдельным славянским языкам. Ср. чеш. *hyzditi*, ст.-чеш. *hyzditi* (<*gyditi*) 'хулить, поносить, корить'²⁵; с.-хорв. *гадити*, словен. *gaditi* 'унижать, порицать', чеш. *haditi* 'порицать'²⁶ и др.

4. Реконструкцию праслав. *guga 'наrost; выпуклость', данного на базе русск. диал. *гѣга* 'мерзляк; тот, кто боится холода, часто мерзнет'²⁷, подтверждает бел. диал. (восточнополесск.) *гіга* 'наrost'²⁸. Связь между белорусским и русским словами вполне очевидна, если исходить из первичности значения 'наrost; выпуклость' и дальнейшей семантической эволюции 'нечто согнутое, скрюченное, смерзшееся' → 'мерзляк'.

5. Вероятным рефлексом праслав. *kovaľ является бел. *кѡвал* 'кусок, отрезок', сохранившееся в белорусском эпосе. Ср. Як ужэ адплыўся крэвал ад берагу, так той стары то за адзетак да сам драла ў лес (сказка «Гора і бяда»); Ужэ стала цела *коваламі* адпадаць, ажно ўгледзела гэта жонка чараўніка... (сказка «Аб кралевічу-чараўніку»)²⁹.

Слово *кѡвал* можно характеризовать как уникальное: в восточнославянских языках обычно широко употребляются структурно усложненные *ковблѡк* (*кавблѡк*), *ковблѡка* (*кавблѡка*), *оковблѡк* и др. Ср. русск. диал. *ковблѡк* 'кусок, комок, большой кусок', частные значения этого слова — 'большой кусок чего-либо съестного', 'кусок жареного или вареного мяса', 'кусок замерзшей грязи, навоза', 'кусок, обрубок бревна', *ковблѡк* 'свёрток чего-либо', *кавблѡк* 'хутор', *ковблѡка* 'кусок чего-либо', *кавблѡка* 'кусок замерзшей грязи'³⁰ и др., бел. *кавблѡк*, 'кусок', 'ломоть', 'обрезок, клѡк, лѡскут', 'толстое бревно'³¹ и др.

Надежных соответствий для *ковал*, *ковалѡк* за пределами восточносла-

¹⁸ P. S k o k. Etimologijski gječnik..., I, s. 244.

¹⁹ I. K. Бялькевіч. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны, с. 141.

²⁰ Г. У. Арашонава. У слоўнік народнай мовы. В кн. Народнае слова. Мінск, 1976, с. 17.

²¹ П. Сцяцко. Дыялектны слоўнік. Мінск, 1970, с. 48.

²² П. А. Міхайлаў. З лексікі роднай вёскі. В кн. Народная лексіка. Мінск, 1977, с. 93.

²³ «Словарь русского языка XI—XVII вв.», вып. 4. М., 1977, с. 154.

²⁴ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, I. М., 1964, с. 471 (без белорусских форм; здесь же перечень этимологических версий).

²⁵ J. G e b a u e r. Slovník staročeský, I. Praha, 1903, s. 528.

²⁶ М. Фасмер. Там же, с. 381.

²⁷ Л. В. Куркина. К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на -и. Этимология 1971. М., 1973, с. 69.

²⁸ Я. М. Рамановіч, А. І. Чабярук. У слоўнік Гомельшчыны. В кн. Народнае слова, с. 159.

²⁹ «Чарадзейныя казкі», II, с. 81, 421.

³⁰ «Словарь русских народных говоров», вып. 12. Л., 1977, с. 289; вып. 14. Л., 1978, с. 25.

³¹ «Беларуска-рускі слоўнік». Пад рэд. К. Крапівы. Мінск, 1962, с. 364.

вянских языков не имеется. Западнославянские формы, семантически во многом совпадающие с вышеуказанными восточнославянскими (чеш. *kaval*, *kavalec* 'большой кусок (хлеба, мяса)', слов. *kavaľ*, польск. *kawał*, *kawalec*, *kawałek*, кашуб. *kawal niwu* и др., восходящие, по мнению многих этимологов, к ср.-н.-нем. *kavel* 'чурка для метания жребия, часть, доля по жребию'³²), можно истолковать также как заимствования из восточнославянских языков.

Засвидетельствованное сказочным эпосом слово *ковал*, интересное с точки зрения своей структуры и акцентовки, может служить в пользу высказанного А. Г. Преображенским предположения о связи русск. *оковалок* с первоначальным значением 'остаток, кусок железа', затем 'кусочек, отрезок вообще', с глаголом *ковать*³³. Эта точка зрения может быть вполне реальной, если исходить из праславянской древности исследуемого *ковал*. Праслав. **kovati*, надо полагать, кроме технического (инновационного) значения (**kovati* — кузнечный термин во всех славянских языках), в отдельных диалектах могло сохранять следы своих древнейших значений 'бить', 'резать', 'рубить, отрубать'. Тогда производное от него **kovaľ* имело первоначальное обобщенное значение 'нечто отбитое (отрезанное, отрубленное)', на базе которого закономерно сформировались более конкретные, предметные значения 'кусочек', 'ломоть', 'обрубок бревна', 'хутор' и т. д. На возможность такого этимологического решения указывают и другие лексические данные белорусского языка, в частности, известное говорам Гомельщины образование *кава́ка* 'ломоть (хлеба)'³⁴ (слово засвидетельствовано также в ономастике — ойконим *Кавáки*), являющееся, на наш взгляд, продолжением узколокального праслав. **kovaka*, словообразовательно связанного с тем же глаголом **kovati*.

6. В плане нашего исследования большой интерес представляет бел. диал. *персьць*, чаще *пéрсці* pl. tant. 'грудь у лошади', известное почти всем говорам Белоруссии: могол. *персьць*, *пéрсці*³⁵, минск. структурно усложненное *пéрсцьні*³⁶, гродн. *персьці*³⁷, восточнопоlessк. *пéрсці*³⁸ и др. Кроме белорусских, названия *пéрсті* (*пéрсці*), *перні* (последнее из **перстыні*) свойственны говорам украинского Полесья³⁹.

В старобелорусских памятниках, отражающих специфику народной речи, слово *персти* засвидетельствовано в более общем значении 'грудь'. Ср.: *На которомъ томъ теле небощъковскомъ видель есми рану на перстях по правой стороне противко сердца чеканомъ пробитую* (1582 г.; АВАК, XXXI, 29)⁴⁰.

Исследуемое слово хронологически не характеризовалось в этимологической литературе. С точки зрения структуры его трудно назвать но-

³² А. В г ü c k n e r. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1974, s. 223; V. M a c h e k. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, 1971, s. 246. М. Фасмер указывает этот же источник и для русск. *оковалок* («Этимологический словарь русского языка», III. М., 1974, с. 129).

³³ А. Г. П р е о б р а ж е н с к и й. *Этимологический словарь русского языка*. I. М., 1959, с. 643.

³⁴ «Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны». В кн. *Беларуская мова і мовазнаўства*, вып. IV. Мінск, 1976, с. 189.

³⁵ I. К. Б я л ь к е в і ч. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны, с. 325.

³⁶ I. Я. Я ш к і н. З лексікі вёсак Дудзічы і Азярычына Пухавіцкага раёна. В кн. *З народнага слоўніка*, с. 116.

³⁷ П. С я ц ц к о. Дыялекты слоўнік, с. 123.

³⁸ В. В. Ш у р. Матэрыялы да дыялектнага слоўніка жывёлагадоўчай лексікі. Мазырышчыны. В кн. *З народнага слоўніка*, с. 178.

³⁹ П. С. Л и с е н к о. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961; с. 51; А. С. Л ы с е н к о. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. В кн. *Славянская лексикография и лексикология*. М., 1966, с. 39.

⁴⁰ *Картотека Исторического словаря белорусского языка* (Хранится в Институте языкознания им. Якуба Коласа АН БССР).

вообразованием, хотя инославянские соответствия для него не обнаружены. Обращение к лексическому материалу других индоевропейских языков делает абсолютно достоверной реконструкцию праслав. *prьstь 'грудь' — формы женского рода (наряду с праслав. *prьstь 'палец' — формы мужского рода, имеющей общеславянское распространение). Имеются в виду авест. *paršta-* ж. 'спина', ср.-н.-нем. *vorst*, др.-в.-нем. *first* ж. 'конек крыши', восходящие к первоначальному значению 'что выступающее'⁴¹, которые структурно целиком совпадают с праслав. *prьstь, имеют ту же грамматическую характеристику. Сказанное в таком случае позволяет квалифицировать белорусский лексический материал как уникальный: на его основе правомерно не только восстановленные формы *prьstь, он свидетельствует о том, что праславянский сохранил из индоевропейского наследия две формы (*prьstь ж. и *prьstь м.), которые семантически дифференцировались: *prьstь ж. 'выступ' → 'грудь; грудь у лошади', *prьstь м. 'выступ' → палец. Обе эти формы по-разному связывают праславянский язык с другими индоевропейскими.

7. Восстановление праслав. *voъ как географического термина возможно на основе белорусского узлокального (центральнополесского) *вой* 'самое быстрое течение в реке; стремень', 'место вихревого движения воды при впадении рва в реку'⁴². Инославянские соответствия для исследуемого слова не обнаружены, хотя основа *вой-* представлена в различных образованиях (чаще префиксальных) отглагольного происхождения (ср. русск. *повой, привой, сувой*, бел. *сувой*, укр. *сувій*, с.-хорв. *závoy*, чеш. *závoj*, польск. *rowoj, zwoj* и др.), претендующих на праславянскую древность.

Праслав. *voъ — отглагольное существительное, связанное по образованию с *viti < *veiti* 'крутить, вить (о воде)', представляет собой одну из ступеней древнейшего чередования (oi).

8. Базой для реконструкции праслав. *žarēti < *gērēti 'гореть, тлеть' послужили следующие славянские глаголы: бел. диал. (восточно-полесск.) *жарэць* 'гореть; рыжеть' (запись наша), гродн. *жарэць* 'гореть, пылать'⁴³, укр. *жаріння* 'тление, горение без пламени'⁴⁴ — явно отглагольное производное от незафиксированного *žarīti 'тлеть, гореть' (ср. также *зажарітися* 'заалеть', 'сделаться ярким'⁴⁵), болг. диал. *жаря* 'гореть', *жаря* 'то же'⁴⁶, словен. *žarēti* 'гореть, пылать'⁴⁷ и др. Предполагаемая форма *žarēti повторяет словообразовательную структуру глагола *gorēti, отличаясь от последнего вариантностью конечной морфемы.

В зоне распространения глагола *žarēti выявляется словарный материал, дающий право на восстановление праслав. *žarjъ в качестве цветообозначения. Ср. бел. диал. *жары* 'рыжий'⁴⁸, 'выгоревший, жухлый (о растениях)' (запись наша), 'о масти: темно-красный'⁴⁹, укр. карпатск. *жарий* 'ярко-красный', словен. *žagi* 'то же'⁵⁰ и др.

⁴¹ В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. Пер. с немецкого. М., 1964, с. 167.

⁴² Г. Я. Яшкин. Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971, с. 161.

⁴³ Т. Ф. Сцяшковіч. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці, с. 160.

⁴⁴ Б. Д. Гринченко. Там же, с. 474.

⁴⁵ Там же, II, с. 37.

⁴⁶ «Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век». Под ред. на Ст. Илчев. София, 1974, с. 132, 133.

⁴⁷ М. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, II. Ljubljana, 1895, s. 954.

⁴⁸ «Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны». В кн. Беларуская мова і мовазнаўства, вып. IV. Мінск, 1976, с. 139.

⁴⁹ Ф. Янкоўскі. Дыялектны слоўнік, II. Мінск, 1960, с. 65.

⁵⁰ В. А. Москович. Из полесской терминологии цветообозначений. В кн. Полесье. М., 1968, с. 146.

9. Бел. диал. (центральнобел.) *за-жу́раць* 'пригореть, немного обуглиться и почернеть'⁵¹, *з-жу́рыць* 'пожелтеть, порыжеть от жара на печи, около огня (об одежде)'⁵², *пры-жу́рыць* 'изменить цвет от огня, но не пригореть'⁵³ и др. имеют надёжные соответствия в болгарских диалектах: *жу́ря* 'печь, жарить', *жу́ря се* 'чернеть', *жу́рея* 'вянуть, сохнуть', *жу́р-вам*, *жу́рна* 'запекать быстро и в большой степени', 'пропекать над огнем, на солнце'⁵⁴ и др. Указанные глаголы, демонстрирующие живые семантические связи с гнездом **gor-/*žag-* образуют своеобразную белорусско-болгарскую изоглоссу *u*—вокализма корневой морфемы **žur-* и являются, на наш взгляд, продолжением праслав. **žurati/*žuriti* 'гореть, тлеть; жечь'.

Белорусский и болгарский материалы делают возможной и реконструкцию отглагольного деривата *žigъ. Ср. бел. диал. *жу́р* 'дух' (слово чаще употребляется в проклятии: *каб з цябе жу́ры вышлі*)⁵⁵, болг. диал. *жу́р* 'что-либо пригорелое, сгорелое'⁵⁶. Не исключено, что к праслав. *žigъ восходит известное многим славянским языкам название *жу́р* 'кисель', первоначально 'кисель из поджаренной, подгорелой муки' или 'горячий кисель'. К этой мысли приводит бел. диал. (туровск.) *жу́р* — кисель, приготовленный из поджаренной овсяной муки, который подавался *г о р ч и м*⁵⁷ (разрядка наша).

Праслав. *žuriti 'гореть, тлеть; жечь' является исходным для явно вторичных по значению праслав. *žuriti, *žuriti se, характеризующихся полисемией: русск. *жу́рить* 'бранить, отчитывать', укр. *жу́рити* 'печалить, озабочивать', *жу́рити* 'иссушить печалью' и др., с.-хорв. *жу́рити се* 'спешить', словен. *žuriti* 'принуждать, торопить', чеш. *žuriti*, чаще *rožuriti*'sa 'рассердиться, поссориться', слов. диал. *živrat*'sa 'ссориться, др.-польск. *žuzyc się* 'гневаться, сердиться' и др. Этимология названных глаголов, согласно данным словарей, остается невыясненной⁵⁸. Идея соотношения праслав. *žuriti 'гореть, тлеть; жечь' и праслав. **žuriti (se)*, рефлексy которого в отдельных славянских языках очень разнообразны, вполне реальна и подкрепляется (при полном формальном совпадении) семантическим переходом 'гореть; жечь' → 'испытывать жгучее чувство', реализующимся в более конкретных значениях 'гневаться, сердиться', 'горевать, печалиться', 'заботиться', 'спешить' и т. п. Ср. русск. *печься* 'беспокоиться, заботиться' *распекать* 'бранить', словен. *reča* 'гнев, русск. *распалить (-ся)* 'рассердить (-ся), разгневать (-ся)', лит. *garėti* 'жечь', 'вспыхивать от гнева' и др.

Вокализм корня в глаголе *žuriti, явно связанного с *žarėti, представляет большие трудности для его истолкования. Создается впечатление, что гласные *u*, *a* могли входить в непосредственные аблаутные отношения, что не признано в учении об аблауте. Не исключена также связь изучаемого слова с известным белорусскому Полесью и украинскому языку глаголом *жэ́ўраць*, *жэ́врити* (*жэ́вряти*, *жэ́врать*) 'гореть без пламени'.

⁵¹ М. В. Ш а т э р н і к. Краёвы слоўнік Чэrvеньшчыны. Пад рэд. М. Я. Байкова і Б. І. Эпімаха-Шыпылі. Мінск, 1929.

⁵² І. Я. Я ш к і н. З лексікі вёсак Дудзічы і Азярычына Пухавіцкага раёна, с. 113.

⁵³ «Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак». Пад рэд. М. А. Жыдовіч. Мінск, 1977, с. 90.

⁵⁴ «Български етимологичен речник». Съставили В. Георгиев, И. Гълъбов, И. Заимов, С. Илчев. Свезка VIII. София, 1971, с. 561 (далее — БЕР).

⁵⁵ М. І. К а с ь п я р о в і ч. Віцебскі краёвы слоўнік, с. 109.

⁵⁶ БЕР, свезка VII. София, 1969, с. 560.

⁵⁷ Л. А. М о л ч а н о в а. Матеріальна культура беларусоў. Мінск, 1968, с. 193.

⁵⁸ М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка, II, с. 68; А. В г ü - c k n e r. Słownik etymologiczny języka polskiego, s. 668; V. M a c h e k. Etymologický slovník jazyka českého, s. 731.

АНТОНИ ЧУВИНСКИЙ

ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ В ПОЗНАНИ

(Научная и издательская деятельность, 1945—1979).

Западный институт в Познани был организован в конце второй мировой войны для продолжения исследований в области славистики и германистики, проводимых в межвоенный период.

Воссозданное в 1918 г. независимое польское государство включало часть земель, захваченных в прошлом Пруссией, и преградило путь германской экспансии на Восток. Германский империализм усиленно пытался завоевать позиции в этом государстве, используя для этого всевозможные средства. Особую роль в антипольской политике играли немецкие научные центры, занимающиеся изучением Востока (Остфоршунг)¹. Немецкие авторы пытались доказать, что территория польского государства в прошлом принадлежала германским племенам, что славяне представляют собой расу, лишенную способности к конструктивным действиям, что польское и некоторые другие славянские государства были основаны немецкими династиями, что славяне, и стало быть поляки, стояли на более низком культурном уровне и основные успехи цивилизации достигнуты здесь в результате благотворного немецкого влияния². Особенно сильное идеологическое давление оказывали немецкие реваншисты и ревизионисты на тогдашнюю Западную Польшу (Великопольшу) со столицей в Познани. Эта, наиболее выдвинутая на запад часть польского государства, была подвержена сильному влиянию немецких пропагандистских центров, сосредоточенных в Кенигсберге, Берлине и Вроцлаве³. Познанские ученые были вынуждены доказывать несостоятельность их псевдонаучных утверждений, выводов и гипотез. Ведущая роль в этом принадлежала основанному в Познани в 1919 г. университету⁴, в котором развернулись исследования в области антропологии, археологии, этнографии, истории, языкознания, права, социологии. На первый план

¹ H. A u b i n. Von Raum und Grenzen des deutschen Volkes. Breslauer historische Forschungen, Bd. 6. Breslau, 1938; «Deutschland und Polen. Beiträge zu ihren geschichtlichen Beziehungen». München — Berlin, 1933; K. L ü c k. Die deutsche Aufbaukräfte in der Entwicklung Polens. Plauen, 1934.

² H. A u b i n. Ibid.; G. K o s s i n a. Der Ursprung der Urfinnen und Urindogermanen und ihre Ausbreitung nach Osten. Würzburg, 1910; K. L ü c k. Ibid.

³ A. C z u b i ń s k i. Rola Wielkopolski i Poznania w rozwoju polskiego ruchu narodowo-wyzwoleńczego w zaborze pruskim oraz w kształtowaniu zachodnich i północnych granic odrodzonego państwa polskiego (1918—1921). «Przegląd Zachodni», 1975, № 5/6.

⁴ «Dzieje Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza 1919—1969» (pod red. Z. Grota). Poznań, 1972.

выдвигалось изучение проблем, к которым проявляли интерес немецкие остфоршеры. Постепенно в Познани сформировался сильный коллектив исследователей, специализирующихся в области славистики, в особенности истории западных славян, и германистики. Работали здесь такие ученые, как антрополог Я. Чекановский, археолог Ю. Костшевский, этнограф Я. С. Быстронь, языковеды Т. Лер-Сплавиньский, М. Рудницкий, Ю. Видаевич, С. Козеровский, историки Б. Дембинский, К. Тыменецкий, историки права М. Едлицкий, Т. Тыц, Зд. Качмарчик, З. Войцеховский, социолог Ф. Знанецкий и другие⁵.

Уже в 1921 г. по инициативе М. Рудницкого в рамках Познанского университета был создан Западнославянский институт и начал издаваться выходящий до настоящего времени журнал «Славия Оксиденталис»⁶, в 1925 г. — выходящий также до настоящего времени журнал «Рочники гисторычне». Помимо научных журналов появилось научно-популярное издание «Стражница Заходня»⁷.

Эта деятельность была прервана после захвата Познани немецкими войсками в 1939 г. Познанский университет был ликвидирован оккупантами, польские библиотеки сожжены, а в научных институтах обособились гитлеровские пропагандисты⁸.

Оставшиеся на свободе польские ученые продолжали свою деятельность в конспиративных условиях: подпольно преподавали и проводили научные исследования. Бывшие сотрудники Познанского университета на территории генерал-губернаторства создали конспиративный Университет западных земель⁹. Среди познанских ученых, сплотившихся вокруг З. Войцеховского, в период гитлеровской оккупации возникла идея создания объединения польских специалистов, занимающихся немецкой проблематикой, историей славян и германской восточной экспансии¹⁰.

После освобождения Познани в 1945 г. познанские ученые возвратились в свой город. 12 февраля 1945 г. З. Войцеховский от их имени представил польскому правительству докладную записку, в которой, в частности, говорилось: «Западный институт — это научно-исследовательская организация, опирающаяся на сотрудничество ученых, занимающихся польско-немецкими проблемами, из всех польских университетов; результаты их исследований могут быть полезны правительству, общественным организациям для внутри- и внешнеполитических нужд государства. Институт должен был объединить ученых, занимающихся следующими научными дисциплинами: демография, география, этнография и музееведение, языковедение, история литературы, история древних веков, история искусства, экономика. Перед ним ставились задачи, вытекающие

⁵ A. C z u b i ń s k i. Problematyka polskich ziem zachodnich i zagadnienia niemcoznawcze w działalności naukowej i społecznej Uniwersytetu Poznańskiego w okresie II Rzeczypospolitej (1919—1939). «Dzieje Najnowsze», 1971, № 3, s. 115—148.

⁶ M. W a l l e r. Instytut Zachodnio-Słowiański przy Uniwersytecie Poznańskim (1921—1939). «Przegląd Zachodni», 1970, № 4, s. 378—407.

⁷ M. M r o c z k o. Związek Obrony Kresów Zachodnich 1921—1934. Powstanie i działalność. Gdańsk, 1977.

⁸ Cz. Ł u c z a k. «Kraj Warty» 1939—1945. Studium historyczno-gospodarcze okupacji hitlerowskiej. Poznań, 1972; J. M a r c z e w s k i. Hitlerowska koncepcja polityki kolonizacyjno-wysiedleńczej i jej realizacja w «Okręgu Warty». Poznań, 1979; E. S e r w a ń s k i. Wielkopolska w cieniu swastyki. Warszawa, 1970; M. W a l c z a k. Szkolnictwo wyższe i nauka polska w latach wojny i okupacji 1939—1945. Wrocław, 1978.

⁹ «Dzieje Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza 1919—1969», Poznań, 1972, s. 303—343; W. K o w a l e n k o. Tajny Uniwersytet Ziem Zachodnich w latach 1940—1944. Poznań, 1946; M. W a l c z a k. Szkolnictwo wyższe i nauka polska w latach wojny i okupacji 1939—1945, Wrocław, 1978.

¹⁰ M. P o l l a k. Instytut Zachodni. Powstanie i rozwój organizacyjny w ciągu dziesięciolecia. «Przegląd Zachodni», 1955, № 3—4, s. 469—486.

из факта объединения с Польшей исконно польских земель, не присоединенных к ней в 1918—1919 гг.¹¹

Один из основателей Института, языковед проф. д-р Т. Лер-Сплавинский писал: «Ядром, из которого вырос Западный институт, был, как известно, коллектив научных работников, начавших еще во время гитлеровской оккупации работу по всестороннему исследованию проблем, связанных с западными землями Польши, которые через много столетий должны были, в результате войны и неизбежного поражения агрессора, возвратиться в состав Польши и стать интегральной, чрезвычайно важной для будущего нации составной частью польского государства. Эти люди, очутившиеся в различных местах оккупированной отчизны, были воодушевлены общей идеей и — в значительной степени вдохновленные... проф. З. Войцеховским... и часто благодаря его непосредственной инициативе — сосредоточили свои научные усилия на двух целях: на доведении до сознания польского народа исконной принадлежности полякам тех земель, на которые они теперь возвращались, и на защите наших морально-политических прав на обладание ими перед зарубежной наукой и общественным мнением, в течение десятков лет неправильно в этом отношении информированными немецкими публикациями, написанными в шовинистическом духе...»¹².

Создатели Западного института не были связаны ни с ППР, ни с ППС; они представляли прогрессивную часть польского научного мира, которая критиковала так называемую ягеллонскую, восточную точку зрения на формирование польского государства и одобряла возвращение Польши на исконные пястовские земли на западе. Главным поборником этой ориентации был З. Войцеховский¹³. В межвоенный период она не имела многочисленных сторонников в польском обществе¹⁴. В результате падения санационного правительства в 1939 г., создания блока демократических партий и установления Польшей сотрудничества с СССР появились условия, позволяющие привлечь широкие массы к строительству польского государства в новых границах¹⁵.

Концепция Войцеховского встретила доброжелательный прием со стороны демократических партий (ППР, ППС, СД, СЛ) и Временного правительства. Премьер Е. Осубка-Моравский 27 февраля 1945 г. подписал декрет о создании Института, выделив ему финансовые средства на развитие организационной, исследовательской, издательской и популяризаторской деятельности.

Сначала Западный институт объединял очень небольшую группу сотрудников и развивал свою деятельность, опираясь на ученых, занятых в различных польских университетах и других учреждениях. Директором Института стал З. Войцеховский, который выполнял эти обязанности до своей смерти в октябре 1955 г. Первым многолетним председателем Кураториума — органа, контролирующего деятельность Института, был Т. Лер-Сплавинский (1945—1958).

До 1949 г. Институт бурно развивал организационную и научно-исследовательскую деятельность. Создавались филиалы Института в раз-

¹¹ Ibid., s. 485—486.

¹² L e h r - S p ł a w i ń s k i. Słowianoznawstwo w pracach i wydawnictwach Instytutu Zachodniego w latach 1945—1954. Poznań, 1955, s. 351.

¹³ Z. K a c z m a r c z y k. Zygmunt Wojciechowski (1900—1955). «Przegląd Zachodni», 1975, № 4, s. 169—179.

¹⁴ M. M r o c z k o. Ibid.

¹⁵ W. D o b r z y c k i. Granica zachodnia w polityce polskiej 1944—1947. Warszawa, 1974; W. T. K o w a l s k i. ZSRR a granica na Odrze i Nysie Łużyckiej 1941—1945. Warszawa, 1965; M. O r z e c h o w s k i. Odra—Nysa Łużycka — Bałtyk w polskiej myśli politycznej okresu drugiej wojny światowej. Wrocław, 1939.

личных городах страны, динамично росла численность публикаций. В этот период Институт принимал активное участие в репозитивации возвращенных земель. В Институте развернулась дискуссия в связи с составлением планов заселения этих земель, шла разработка польских местных наименований вместо насажденных здесь оккупантами немецких названий, велась подготовка публикаций об исконной принадлежности полякам этих земель, о процессе их германизации, анализировалась проблема автохтонов, оставшегося не онемеченным польского населения, были подготовлены и опубликованы новые географические атласы и словари местных названий для Вармии, Мазур, Западного Поморья, Любуской земли и Опольской Силезии. Большую помощь в этом оказали проведенные в Познани еще в межвоенный период археологические, этнографические и ономастические исследования Ю. Костшевского, С. Козеровского, Ю. Видаевича и других¹⁶. Группы сотрудников Института выезжали в разные районы для проведения всесторонних исследований на местах. Уже в ноябре 1945 г. появилась научно-популярная работа М. Келчевской и А. Гродка «Одра — Ныса, лучшая граница Польши», неоднократно затем переиздававшаяся. В 1946 г. вышла книга М. Келчевской «О географических границах Польши». Ю. Колипинский в своих монографиях «Граница по Одре и Нысе с перспективы мировой экономики» (1946) и «Роль возвращенных земель в хозяйственном организме Польши» (1946) проанализировал значение новой западной границы Польши с хозяйственной точки зрения. Ряд географических и демографических исследований в 1945—1947 гг. был опубликован в «Пшеглёнде Заходнем»¹⁷.

В 1948 г. вышла в свет большая коллективная работа под редакцией А. Гродка, М. Келчевской и А. Зерхофера «Монография Одры»¹⁸. На основе тщательных междисциплинарных исследований Институт подготовил и опубликовал в серии «Старопольские земли» большие коллективные научные труды о Нижней Силезии (1948), Западном Поморье (1949), Любуской земле (1950), Вармии и Мазурах (1953) и Верхней Силезии. Издание было рассчитано на 275 учетно-издательских листов¹⁹. В 1947 г. было напечатано исследование А. Клянковского «Правовые принципы границы по Одре — Нысе в свете Ялтинского и Потсдамского соглашений».

В исследованиях Западного института с самого начала важное место заняла также проблематика войны и гитлеровской оккупации Польши. Уже в 1945 г. был издан первый том выходящей и поныне публикации источников под названием «Документы об оккупации». Он включал в себя документ немецкого Института экономических исследований времен войны о военной экономике Силезии, подготовленный к публикации К. М. Поспешальским, а также имел раздел показаний свидетелей об акциях оккупантов против польского гражданского населения во время восстания в Варшаве в 1944 г., озаглавленный «Злодеяния немцев в Варшаве», подготовленный Е. Серваньским и И. Травиньским. Этот том был привлечен как документ Международным военным трибуналом в Нюрнберге²⁰. Подобным же образом был использован II том «Документов об ок-

¹⁶ A. Czubiński. Problematyka polskich ziem zachodnich i zagadnienia niemieckoznawcze w działalności naukowej i społecznej Uniwersytetu Poznańskiego w okresie II Rzeczypospolitej (1919—1939). «Dzieje Najnowsze», 1971, № 3, s. 115—148. S. Koziego wski. Atlas nazw geograficznych Słowiańszczyzny Zachodniej. Poznań, 1945.

¹⁷ M. Kiełczewska-Zaleska. Problematyka geograficzna w pracach Instytutu Zachodniego. «Przegląd Zachodni», 1955, № 3—4, s. 487—495.

¹⁸ M. Sczaniecki. Wkład Instytutu Zachodniego w badania nad Ziemią Lubuską i jej dziejami. «Przegląd Zachodni», 1955, № 3—4, s. 514—517.

¹⁹ Z. Kaczmarszyk. Ziemia Staropolskie. Ibid. s. 496—505.

²⁰ K. M. Pospieszalski. Dzieje okupacji hitlerowskiej w pracy Instytutu Zachodniego. Ibid., s. 543—544.

купации», изданный в 1946 г.²¹ В 1946 г. были опубликованы также монографии К. М. Поспешальского «Польша под немецким правлением, 1939—1945. Западные земли» и А. Кляфковского «Немецкая оккупация в Польше в свете международного права», которые положили начало целой серии, издаваемой Институтом под названием «Исследования о немецкой оккупации в Польше». В этой серии вышли монографии: в 1949 г. В. Русиньского «Положение польских рабочих в период войны (1939—1945) на территории Германии и на „присоединенных территориях“», т. I; в 1950 г. — Я. Дересевича «Немецкая оккупация на польских землях, включенных в состав Германии (1939—1945)» и в 1951 г. — З. Яновича «Административное устройство польских земель, присоединенных к Германии. 1939—1945». Много исследований и документов опубликовано в «Шпегленде Заходнем»²². Это были первые польские монографические исследования политики гитлеровских оккупантов в Польше, политики бесправия, угнетения, эксплуатации, военных преступлений. Они сыграли большую роль в международной дискуссии на тему о характере войны, военных преступлениях, оккупационных системах. Документация, собранная Западным институтом, служит и сейчас исследователям истории гитлеровской оккупации в Польше. Параллельно с исследованиями по проблематике Возвращенных земель и гитлеровской оккупации Институт проводил исследования новейшей истории Германии и польско-немецких отношений, немецкой восточной экспансии и генезиса второй мировой войны²³.

В работах Института освещались генезис славян и отдельных славянских государств, характер славяно-германских отношений. З. Войцеховский опубликовал получившую тогда широкую известность работу «Польша — Германия. Десять веков борьбы» (1945). Ее название несомненно было связано с вышедшей в 1941 г. книгой немецкого автора Ф. Людтке, посвященной тысячелетней войне немцев с поляками²⁴. Работа Войцеховского была написана в период оккупации. Это была отповедь националистической, антипольской немецкой историографии, выдвигавшей беспочвенные обвинения по поводу мнимой польской экспансивности и польских завоеваний. М. Фредберг представил обобщающий труд в двух томах «Польская и немецкая культура. Исконные элементы и немецкое влияние в устройстве и культуре средневековой Польши» (1946). Вышли монографии З. Качмарчика «Немецкая колонизация на восток от Одры» (1945), Ю. Митковского «Западное Поморье и Польша» (1946), Т. Лер-Сплавиньского «О происхождении и прародине славян» (1946), Ю. Костшевского «Прапольская культура» (1947) и «Предыстория Польши» (1949), написанная им во время войны, В. Конопчиньского «Фридрих Великий и Польша» (1947), Я. Паевского «Германия в новое время. 1917—1939» (1947), К. Тыменецкого «История Германии до нового времени» (1948). Опубликовано много других исследований на тему распространения немецкой колонизации на восток и заселения отдельных областей Польши, польско-немецкого культурного взаимовлияния и т. п. Польские авторы разоблачали в них националистическую немецкую историографию межвоенного периода, утверждали свою точку зрения на эти сложные проблемы, формулировали новые научные гипотезы и положения.

²¹ Ibid., s. 544.

²² Ibid., s. 543—550.

²³ A. J. Kamiński. Zagadnienia niemieckie w publikacjach Instytutu Zachodniego. Ibid., s. 531—542.

²⁴ F. Lüdtkе. Ein Jahrtausend Krieg zwischen Deutschland und Polen. Stuttgart, 1941.

Исследования и публикации Западного института в 1945—1949 гг. выполнялись с либеральных позиций, в русле польского национализма, который носил антинемецкий характер. Тогда исследования еще не базировались на принципах исторического материализма, не было понимания классового характера немецкой экспансии, недооценивались демократические и прогрессивные традиции в самой Германии. Связывая решение польско-немецкой проблемы в Европе с польско-советским союзом, авторы этих работ обращались скорее к панславистским традициям и геополитическим концепциям, а не к традициям революционной борьбы народов.

«Антипольская программа Адольфа Гитлера, — писал З. Войцеховский, — есть обобщение всех начинаний его предшественников, от Генриха II до Вильгельма II, и особенно наглядный синтез деяний бранденбургских феодалов и крестоносцев... Национал-социалистская Германия постоянно подчеркивала свою связь с традицией крестоносцев. Идеолог III рейха А. Розенберг хотел сформировать национал-социалистскую партию по модели Тевтонского ордена...»²⁵.

Проблема строительства польского государства после второй мировой войны представлялась З. Войцеховскому главным образом как проблема справедливых границ — по Одре на Западе и Бугу на Востоке, и поэтому он высказывался за союз Польши с СССР и Чехословакией. «Без участия Советского Союза в войне против Германии, — писал Войцеховский, — не было бы речи о разгроме Германии и освобождении Польши и Чехословакии. Мы отдаем себе отчет в том, как изменилась ситуация со времени совместных действий гогенцоллерновской Германии с царской Россией. Мы являемся сегодня свидетелями возврата Польши к старой пястовской территории, расположенной по берегам Одры, мы имеем возможность избавиться от всего прусско-гогенцоллерновского, что угрожало Польше полной гибелью. Вместо германского „Дранг нах Остен“ приходит эпоха распространения славянского влияния на Запад...»²⁶.

В декабре 1948 г. произошло объединение польского рабочего движения, был принят план строительства основ социализма в Польше, стали укрепляться позиции марксистской методологии в гуманитарных науках. Год спустя в ответ на слияние трех западных оккупационных зон и создание буржуазного западногерманского государства в октябре 1949 г. была создана Германская Демократическая Республика²⁷. ГДР продолжила революционные и демократические традиции немецкого народа. Этот факт ставил новые задачи перед польской историографией²⁸.

В 1951 г. была создана Польская Академия наук, в рамках которой в том же году был организован Институт истории²⁹. В 1949—1955 гг. Западный институт переживал очень трудный период в своей деятельности, связанный с реорганизацией научных исследований, а также идейно-политической и методологической переориентацией польских гуманитарных наук. От него отошли филиалы и отделения в Варшаве, Кракове, Торуне, Вроцлаве, Катовицах и Ольштыне. В самом Институте были ликвидированы отделы истории Поморья и западных славян, истории городов Западной Польши и западных славян, истории Германии. Часть проблематики Западного института принял на себя Институт истории ПАН,

²⁵ Z. Wojciechowski. Polska — Niemcy. Dziesięć wieków zmagania. Poznań, 1945, s. 258—259.

²⁶ Ibid., s. 262.

²⁷ S. Doernberg. Narodziny nowych Niemiec 1945—1949. Warszawa, 1962.

²⁸ M. Orzechowski. Rewolucja, socjalizm, tradycje. Przeszłość narodowa i tradycje w myśli politycznej rewolucyjnego nurtu polskiego ruchu robotniczego. Warszawa, 1978, s. 261.

²⁹ T. Manteuffel. Historyk wobec historii. Warszawa, 1976, s. 358—359.

в частности историю Поморья, Силезии, разработку словаря славянских древностей. Число сотрудников Западного института сократилось с 60 в 1949 г. до 19 в 1955 г.³⁰

Научные интересы Института в переходный период концентрировались все более на проблематике интеграции Возвращенных земель с основной территорией Польши; преобладали социологические исследования, хотя большое внимание уделялось и правовым вопросам. Продолжал выходить орган Института «Пшеглэнд Заходни». В это время Институт издал очередные тома из цикла «Старопольская земля»: том II — Западное Поморье (1949), т. III — Любуская земля (1950), т. IV — Вармия и Мазуры (1953), т. V — Верхняя Силезия (1959), т. VI — Восстановление Возвращенных земель. 1945—1955 (1957). Вышли в свет «Кашубский регионализм» А. Буковского (1950), «Западные славяне» К. Ваховского (1950)³¹, «Колонизация Вармии крестоносцами» М. Полякувны (1953), «Этнические перемены в процессе исторического развития Западного Поморья» К. Сленского (1954). Опубликованы очередная, пятый том «Документов об оккупации» под названием «Гитлеровское оккупационное „законодательство“ в Польше», подготовленный К. М. Поспешальским (1952), а также работа Т. Циприана и Ю. Савицкого «Польские вопросы на Нюрнбергском процессе» (1956).

В октябре 1955 г. умер основатель и директор Западного института З. Войцеховский.

До конца 1955 г. Западный институт издал 93 книги объемом 1421 учетно-издательский лист тиражом 366 571 экземпляр и 974 учетно-издательских листа «Пшеглэнда Заходнего» тиражом 133 920 экземпляров³². Функции директора Института после Войцеховского выполнял К. Пиварский (1956—1958), а после него Г. Лябуда (1958—1961).

Учитывая новую организационную систему научных исследований в ПНР, Институт выработал долгосрочный план научной и популяризаторской деятельности. Было создано 10 исследовательских отделов (международного права, истории гитлеровской оккупации, немецкого государственного права, экономический, географический, социологический, культуры, исторический, библиографический, чехословацкий), архив издания «Современная Германия», архив материалов прессы Западных земель и библиотека³³. Перед Западным институтом были поставлены следующие задачи:

- 1) исследование общих условий строительства социализма, освоения Западных земель и их интеграции с остальной территорией Польши;
- 2) изучение проблем строительства социализма в ГДР и деятельности прогрессивных и антивоенных сил в ФРГ в широком международном аспекте;
- 3) освещение проблем, связанных с возрождением национализма и милитаризма в ФРГ³⁴. В 1959 г. по инициативе Западного института была создана Координационная комиссия для согласования научной деятельности всех институтов, находящихся на Западных землях: Силезского

³⁰ M. P o l l a k. Instytut Zachodni. Powstanie i rozwój organizacyjny. «Przegląd Zachodni», 1955, № 3—4, s. 484—485; W. M a r k i e w i c z. Etapy rozwoju i osiągnięcia Instytutu Zachodniego w okresie 25-lecia jego działalności. «Przegląd Zachodni», 1970, s. 237—251.

³¹ Это было переиздание работы, вышедшей впервые в 1903 г. M. W a l e n t y n o w i c z, A. W e d z k i. Bibliografia zawartości Przeglądu Zachodniego 1945—1955. Poznań, 1957.

³² «Instytut Zachodni w Poznaniu 1945—1960. Zarys działalności». Poznań, 1960, s. 8—9.

³³ Ibid., s. 14—15.

³⁴ Ibid., s. 12.

научного института в Катовицах, Силезского института в Ополе, Вроцлавского научного общества, Балтийского института в Гданьске, Западно-поморского института в Щецине и других исследовательских учреждений. В 1960 г. под патронажем Координационной комиссии было начато издание журнала на английском языке «Polish Western Affairs». В 1965 г. стал выходить французский вариант этого журнала «La Pologne et les Affaires Occidentales».

Научное общество «Западный институт», возникшее в 1945 г., объединяет несколько сот членов со всей страны и действует самостоятельно, опираясь на собственный устав. В Западном же институте — научно-исследовательском центре работает несколько десятков человек. Он финансируется из бюджета научных обществ ПАН и подчиняется, с одной стороны, ПАН, а с другой — Обществу «Западный институт»³⁵.

В области научно-исследовательской был выполнен план, составленный в 1958 г. Стабилизировалась также численность сотрудников и исследовательских групп. После проф. Г. Лябуды директором стал проф. д-р М. Счанецкий (1961—1965), затем проф. д-р В. Маркевич (1965—1973) и Л. Тжетяковский (1974—1978).

В соответствии с ранее принятой научной проблематикой в 1957 г. была издана обобщающая работа Ю. Чекановского «Введение к истории славян». Это было второе, дополненное новыми исследованиями и расширенное издание книги, опубликованной первый раз еще в 1927 г. В 1959 г. вышел в свет коллективный междисциплинарный труд «Польские западные земли». Появились монографии: Б. Вевюры «Польско-немецкая граница в свете международного права» (1957) и «Признание приобретений международным правом» (1961), Е. Томали «Темпы развития промышленности в ГДР» (1957), З. Ротоцкого «Возрождение вооруженных сил в ФРГ» (1959), З. Новака «Факторы экономического развития Западной Германии» (1960), К. Скубишевского «Деньги на оккупированной территории» (1960). В исторических исследованиях преобладала тематика новейшей истории. В 1959 г. опубликован сборник «Центральная Европа. Исследование истории немецкого империализма в период первой мировой войны» под редакцией Я. Паевского, работа К. М. Поспешальского «Вопрос о 58 000 „фольксдойчей“. Опровержение гитлеровских измышлений о притеснениях немецкого меньшинства в Польше в последние месяцы перед началом войны и в ходе сентябрьской кампании», монография Б. Древняка по истории трудовой эмиграции из Польши в Германию («Сезонные рабочие в Западном Поморье. 1890—1918 гг.»).

В 1962 г. появилась первая часть работы Е. Красуского, посвященная польско-немецким отношениям в межвоенный период (1919—1925); вторая часть вышла в 1964 г. Завершила эту проблематику монография М. Войцеховского «Польско-немецкие отношения. 1933—1938» (1965). А. Каминьский в своих работах проанализировал «Позицию Германии на первой Гаагской конференции в 1899 г.» (1962), а также развитие и характер прусско-германского милитаризма (1965). Были опубликованы сборник исследова-

³⁵ W. M a r k i e w i c z. Instytut Zachodni w dwudziestopięcioleciu Polski Ludowej. «Przegląd Zachodni», 1965, № 1, s. 1—10; e r o ж е. Etapy rozwoju i osiągnięcia Instytutu Zachodniego w okresie 25-lecia jego działalności. «Przegląd Zachodni», 1970, № 2, s. 237—251; e r o ж е. Etapy rozwoju i osiągnięcia Instytutu Zachodniego w ćwierćwieczu jego działalności. «Kronika miasta Poznania», 1970, № 4, s. 5—24; M. S u c h o c k i. Rola i miejsce Instytutu Zachodniego w rozwoju nauki polskiej. «Przegląd Zachodni», 1974, № 5—6, s. 208—218; e r o ж е. Rola Instytutu Zachodniego w zagospodarowaniu Ziemi Zachodnich. «Przegląd Zachodni», 1960, № 1, s. 3—14; L. T r z e c i a k o w s k i. W trzydziestolecie Instytutu Zachodniego. «Przegląd Zachodni», 1974, № 5—6, s. 1—8.

ний под редакцией Г. Лябуды, посвященный анализу «Восточной экспансии Германии в Центральной Европе» (Дранг нах Остен), где проанализированы также позиции и настроения немецкого населения (1963), две коллективные работы под редакцией Я. Паевского «Польско-германский вопрос в Версальском договоре» (1963) и «История Гакаты», написанная совместно историками Польши и ГДР (А. Галос, В. Якубчик, Ф. Г. Гентцен) и изданная одновременно в Польше и ГДР (1966), исследование В. Вжесиньского о положении польского населения в Германии в межвоенный период (1963). Вышли в свет монографии, анализирующие ситуацию в обоих послевоенных немецких государствах: «Политика в области культуры и высшие учебные заведения в ФРГ» К. Коляньчика (1963) и «Политический строй ГДР» Л. Яницкого (1964), а также два обобщающих труда: «Германская Демократическая Республика» под редакцией Б. Грухмана и Б. Вевюры (1963) и «Федеративная Республика Германия» под редакцией К. М. Поспешальского и Я. Зюлковского (1965). Были изданы монографии, затрагивающие отдельные проблемы германской истории: «БХЕ. Западно-немецкий союз переселенцев» А. В. Вальчака (1967), «Политика четырех держав в германском вопросе в 1945—1949 гг.» (1967) и «Раздел Германии. ГДР и ФРГ в 1949—1955» (1969) Е. Красуского, «Организация промышленности в ГДР» Ю. Бороня (1968), «Позиция правительства ФРГ в отношении границы по Одре и Нысе Лужицкой (1949—1966)» Е. Сулека (1969).

Интеграционным процессам на западных и северных польских землях посвятили свои работы Б. Хмелевский, З. Дульчевский, А. Квилецкий, В. Маркевич, С. Новаковский, П. Рыбицкий и другие авторы³⁶. Западный институт публиковал исследования не только своих авторов, но и частично авторов, работающих в высших учебных заведениях и других научных учреждениях Польши. Сотрудники Института также публиковались в других издательствах, вне Института. Здесь следует назвать для примера монументальные работы Г. Лябуды «Польская западная граница...»³⁷ и В. Маркевича «Общество и социология в ФРГ»³⁸. Публикации Западного института охватывали широкий круг проблем, намеченных научными планами, принятыми в 1944 и 1958 гг. Они играли важную роль в развитии научных исследований в Польше в области истории Германии и польско-немецких отношений, истории западных славян, генезиса прусско-германского милитаризма, восточной экспансии Германии, возникновения и характера второй мировой войны, гитлеровской оккупации в Польше, раздела Германии и развития двух послевоенных немецких государств, ремилитаризации и экономических связей ФРГ. Существенную роль играли журналы Западного института с «Пшеглэндом Заходним» во главе³⁹. Деятельность Западного института привлекала внимание западногерманских публицистов⁴⁰.

³⁶ F. Czarniecki. Bibliografia Ziemi Zachodnich 1945—1958. Poznań, 1962; «Ziemi Zachodnie w granicach Macierzy», Poznań, 1966 (Bibliografia, s. 373—381).

³⁷ G. Labuda. Polska granica zachodnia. Tysiąc lat dziejów politycznych. Wyd. Poznańskie. Poznań, 1971.

³⁸ W. Markiewicz. Społeczeństwo i socjologia w Niemieckiej Republice Federalnej. Wyd. Poznańskie. Poznań, 1966.

³⁹ M. Walentyłowicz, A. Wędzki. Bibliografia zawartości «Przeglądu Zachodniego» 1945—1955. Poznań, 1957; L. Paszkiewicz, W. Tomaszewski. Bibliografia zawartości Przeglądu Zachodniego 1956—1965. Poznań, 1967; A. F. Grabski, Cz. Madajszyk. Deutschland in der Historiographie Volkspolens. «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», 1978, № 2, s. 104—127.

⁴⁰ R. J. Neumann. Polens Westarbeit. Die polnische Kultur- und Bildungseinrichtungen in den deutschen Ostgebieten. Bremen, 1966.

Исследования Института по теме польско-немецких отношений в целом отражены в историографической работе, первая часть которой появилась в 1974 г.⁴¹, вторая часть находится в печати.

Все чаще сотрудники Западного института публикуют теперь большие обобщающие работы. Заслуживают внимания неоднократно переиздаваемая «История Германской империи (1871—1945)» Е. Красуского (Познанское издательство), упомянутая уже выше книга Г. Лябуды «Польская западная граница» и подготовленная под редакцией Я. Рахоцкого работа «Современная Германия как объект изучения в польской науке 1945—1970» (1971). Последняя публикация является своего рода итогом исследований по германистике в Польше до 1970 г., т. е. до подписания польско-западногерманского договора о нормализации отношений.

Договор от 7 ноября 1970 г. между ПНР и ФРГ означал некоторый поворот в развитии польско-западногерманских отношений и оказал заметное влияние на развитие исследований по германистике в Польше, а следовательно и в Западном институте. Заметно оживились экономические и политические отношения и научно-культурный обмен между странами. Уменьшение напряженности в двусторонних отношениях и некоторый прогресс в сфере нормализации взаимоотношений привели к тому, что в ФРГ наряду с антикоммунистически и антипольски ориентированными восточными исследованиями (Остфоршунг)⁴² смелее стали давать о себе знать тенденции более благожелательные и миролюбивые⁴³. В 1972 г. начала свою деятельность Смешанная комиссия ЮНЕСКО по изучению содержания школьных учебников по географии и истории Польши и ФРГ. В 1976 г. были утверждены рекомендации Смешанной комиссии⁴⁴ и началось претворение их в жизнь⁴⁵. Смешанная комиссия систематически организует проблемные конференции историков и географов обеих стран. Наряду с другими дискутировались такие проблемы в отношениях между обоими государствами, как, например, роль Тевтонского ордена в прошлом и движения Сопротивления в период второй мировой войны⁴⁶. Сотрудники Западного института, продолжая программу исследований, определенную в предшествующий период, разрабатывают также проблемы, связанные с текущими событиями, как например, правовая проблематика отношений

⁴¹ «Stosunki polsko-niemieckie w historiografii», cz. I. Pod red. J. Krasuskiego, G. Labudy, A. W. Walczaka: Poznań, 1974, s. 533.

⁴² J. Szl a p c z y ń s k i, T. W a l i c h n o w s k i. Nauka w służbie ekspansji i rewizjonizmu (Ostforschung), Warszawa, 1969; H. L u d a t. Deutschslawische Frühzeit und modernes polnisches Geschichtsbewusstsein. Ausgewählte Aufsätze. Wien, 1969; F. G e l c z e w s k i. Das Deutschlandbild der Polen 1918—1939; «Eine Untersuchung der Historiographie und der Publizistik. Geschichtliche Studien zur Politik und Gesellschaft», Bd. 7. Düsseldorf, 1974 (см. рецензию А. Чубиньского: «Studia Historica Slavogermanica», № VII. Poznań, 1977, s. 135—149); H. D i w a l d. Geschichte der Deutschen. Propyläen (1978), s. 760.

⁴³ K. Z e r n a c k. Osteuropa, Eine Einführung in seine Geschichte. München, 1977.

⁴⁴ «Gemeinsame deutsch-polnische Schulbuchkommission. Empfehlungen für Schulbücher der Geschichte und Geographie in der Bundesrepublik Deutschlands und in der Volksrepublik Polen», Braunschweig, 1977.

⁴⁵ «Die Schulbuch Empfehlungen im Prozess der Normalisierungs zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Volksrepublik Polen. Eine Konferenz der Friedrich Ebert Stiftung und des Polnischen Instituts für Internationale Angelegenheiten in Bonn vom 28 bis 30. November, 1977. Dokumentation», Bonn, 1978.

⁴⁶ «Gemeinsame deutsch-polnische Schulbuchkommission. Widerstandsbewegungen in Deutschland und in Polen während des zweiten Weltkrieges...», Braunschweig, 1979.

между Польшей и ФРГ⁴⁷ или цели культурной политики ФРГ на Востоке⁴⁸. Обстоятельно проанализировано развитие современной немецкой культуры в ФРГ и ГДР (1970), развитие славистики в обоих немецких государствах (1973), деятельность политических партий и эволюция политических систем в этих государствах (1975), роль государства в развитии экономики ФРГ (1973), процессов экономической интеграции и дезинтеграции (1972—1973). В связи с деятельностью Смешанной комиссии по вопросу школьных учебников в Западном институте был создан специальный отдел, который изучает процесс пересмотра школьных учебников в ФРГ.

Подводя итоги, следует сказать, что Западный институт сыграл важную роль в научной жизни ПНР. За 35 лет он подготовил много специалистов, опубликовал несколько сот книг, 35 ежегодников «Пшеглэнда Заходнего», несколько ежегодников «Polish Western Affaires», провел большое количество научных конференций. Институт поддерживает научные контакты со многими зарубежными научными учреждениями, обмениваясь с ними публикациями и принимая ежегодно несколько тысяч зарубежных гостей. Сотрудники Института участвовали во многих научных конференциях в разных странах мира, проводили лекции и дискуссии.

Научная проблематика Западного института постепенно все больше концентрируется на исследовании вопросов, связанных с современным развитием обоих немецких государств.

⁴⁷ См. «Główne problemy prawne normalizacji stosunków PRL — RFN. Materiały z konferencji naukowej 26—27 II 1979 r.». Warszawa — Popowo, 1979; L. J a n i c k i. Zum Ostpolitischen vollzugedefizit. Rechtspolitische Aspekte der Realisierung des Vertrages vom 7. Dezember 1970 zwischen Bundesrepublik Deutschland und der Volksrepublik Polen..., Düsseldorf, 1979.

⁴⁸ См. J. M a d r y. Kultura jako instrument polityki zagranicznej RFN 1949—1975. Katowice, 1978; е г о ж е. Koncepcje programowe współpracy kulturalnej RFN z krajami europejskiej wspólnoty socjalistycznej w latach 1949—1977. Opole, 1979.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Л. Н. ТИТОВА

ИЗ НАСЛЕДИЯ ЧЕШСКОГО БУДИТЕЛЯ ЯНА РУЛИКА

В рукописном отделе государственной библиотеки Сечени в Будапеште хранятся несколько документов, относящихся к наследию словацкого просветителя, евангелического проповедника в Венгрии Юрая (Иржи) Рибай ¹, в том числе письма, полученные им в 80—90-е годы XVIII в. от чешских будителей — видных ученых и литераторов, активных деятелей чешского национального возрождения (всего около 70 писем) ². Из этой обширной корреспонденции, насколько нам известно, опубликованы лишь письма Й. Добровского ³, В. Тама и В. Стаха ⁴.

Определенный интерес представляет письмо Я. Рулика, поскольку в нем содержится интересный историко-литературный материал, затрагиваются вопросы общественно-культурной пражской жизни 90-х годов XVIII в.

Ян Непомук Йозеф Рулик (20 II 1744—6 III 1812)— чешский будитель, писатель, музыкант, переводчик, драматург и редактор. Воспитывался в Желивском монастыре, затем изучал философию в Карловом университете в Праге, готовясь к духовной карьере. Позже Рулик отказался вступить в орден иезуитов и посвятил свою жизнь музыке и литературе. С 1774 г. в качестве певца и скрипача он принимает участие в отправлении службы в храме св. Вита на Градчанах. За заслуги в области церковной музыки получил звание пражского мещанина.

В 80—90-х годах XVIII в. Ян Рулик сотрудничает с ведущими пражскими будителями: К. Р. Унгаром, Ф. М. Пельцелем, В. Тамом, Ф. Б. Томсой и М. В. Крамериусом, «Патриотическую газету» которого он редактирует с 1808 г. вплоть до своей смерти. Рулик известен в чешской культурной жизни конца XVIII в. в первую очередь как автор популяризаторской литературы для самых широких народных масс ⁵, страстный защитник

¹ См. подробнее: Л. Н. Титова. Из наследия словацкого просветителя Ю. Рибай. В кн. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974, с. 155—165.

² «Commercium litterarum cum viris eruditis regni Bohemiae et Moraviae ab Dobrovskij, Durich, Anton, Dlabačz, Zlobiczkij, Rieger, Ceroni J. J. 1785—1800». Sign. Quart. germ. 568.

³ «Jozefa Dobrovského korespondence. IV. Vzájemné listy Jozefa Dobrovského a Jiřího Ribaye z let 1783—1810». Praha, 1913.

⁴ J. J a k u b e c. Dopis Václava Stacha z r. 1785 a Václava Tháma z r. 1787 Jiřímu Ribayovi. V kn. Listy filologické. 1924, č. 1, s. 286—292.

⁵ «Cvičení dítek jednoho každého stavu v čtverém večerním rozmlouvání. Sepsané podle Kampovy knihy od Jana Rulíka. Kramériusovým nákladem, vydané». Praha. 1792; «Kratký spisek o stavu sedlském aneb voračském. Ku poctivosti Panu Františku Vavákovi, Cechu výbornému a poctivému. Sepsaný od Jana Rulíka, měšťana pražského a spisovatele českého». Praha, 1798; «Vesnického faráře Rozmlouvání se svými osadníky. K obecnému naučení vydaná od Jana Rulíka». Praha, 1804.

чешского языка⁶. Ему принадлежит также несколько стихотворных и прозаических переводов и оригинальных драм⁷.

Его адресат Юрай Рибай (1754—1812) был тесно связан с чешскими бу-дителями, подтверждением чему и может служить приводимое ниже письмо.

В Праге 10 Мая
1793

Глубокоуважаемый, достопочтенный
и ученый друг, господин мой.

Ваше любезное письмо я получил надлежащим образом и прочел с таким удоволь-ствием, что и описать Вам не могу, мой добрый друг. О, если бы только можно было помочь Вам в Ваших превосходных намерениях! Я говорю правду, без всякого приук-рашивания, что счел бы себя счастливым, если бы только мог от всего сердца оказать Вам любую услугу. Но, дорогой друг! Прошу Вас не считать притворством мои иск-ренние слова. Пусть не придет Вам в голову ничего подобного. Вы же знаете, что я чех, следовательно я не притворяюсь и не заискиваю и перед добрым приятелем. Жаль, что Вы до сих пор не читали мою Историю о чешском народе, или Что есть чех?⁸ Тогда Вы были бы убеждены, что чех не любит заискивать, не уважает лесть, имеет доброе и искреннее сердце, хотя некоторым оно и кажется слишком простым. Испытайте, драго-ценный друг, справедливо это или нет. Лучше, однако, не испытывайте, а сами ко мне придите и помогите укрепить нашу искреннюю дружбу. Как только Вам представится возможность, приезжайте к нам, чтобы увидеться с Вашими друзьями, ибо узнать Вас лично — единственное мое желание.

Теперь же следует сказать о наших делах и ответить на Ваши вопросы. Прежде всего, да будет Вам известно, что наш пан Пельцель издал свое замечательное и заслужи-вающее всякого внимания сочинение на немецком языке, однако, выйдет ли оно на нашем языке, весьма в том сомневаюсь. Не знаю, почему мы так несчастливы — хотя и всемерно заботимся о нашем языке и его славе, все же не можем достичь цели? Но об этом позже, об этом надо говорить подробнее.

Во-вторых: Патриотическое пробуждение... уже вышло в свет за 3 ф., и я счаст-лив, что смог послать его через нашего высокого правителя (burggrůjho) нашему Импе-раторскому двору. Наш ученый пан Длабач, премонстрант и трагоский каноник также подготовил патриотическое приветствие в честь возвращения п. Добровского из путешествия по Швеции, России и Польше, и эту работу я приложил к той, расширив таким образом мое краткое сочинение. Ныне же я работаю над Чешским Синтаксисом, собственно так, как его следует применять в чешском языке, руководствуясь определен-ными правилами — вещь, разумеется, не только полезная, но и необходимая как для иностранцев, так и для наших. Хотя у нас уже есть несколько недавно изданных грамма-тик, все же мы нигде не находим весьма нужный нам синтаксис. Теперь же я должен по-дождать, пока он приобретет необходимое для выхода в свет совершенство (glaženost).

В-третьих: мы надеемся, что наш ученый пан Добровский издаст сочинение о своем путешествии, однако, судя по всему, на немецком языке. Но это не важно, я уже попро-сил его позволения перевести эту работу на чешский язык для наших патриотов, чтобы порадовать их.

Что же касается пана Крамериуса, который некоторое время был нездоров, то теперь он вполне оправился, и я подробно изложил ему Вашу просьбу и даже дал прочитать Ваше письмо. Все теперь зависит от того, исполнит ли он Вашу просьбу. Я немало со-

⁶ «Sláva a výbornost jazyka českého». Praha, 1792.

⁷ «Plesání nad uvedením profesora jazyka českého». Praha, 1793; «Veselý Kubíček aneb V horách Kašpárských zaklený dudák». Praha, 1799; «Boženka, veselého Kubíčka manželka». Praha, 1799; «Vlastenský mladý rekruta». Praha, 1808.

⁸ Имеется в виду труд Я. Рулика, вышедший в том же году и прославляющий прошлое чешского народа, в первую очередь, гуситское восстание: J. R u l í k. Velmi užitečná historie o slovútném národu českém. Praha, 1793.

жалею о том, что моя работа не сможет попасть в Ваши руки. Верьте мне, дорогой друг! Если бы у меня была возможность или случай посылать книги, с огромной радостью я бы Вам услужил. Но, как Вы сами прекрасно понимаете, дело это для меня невозможное, причем Вы должны приписать это отнюдь не моей бездеятельности, а полному отсутствию возможности.

«Učitel lidu» за 1786—88, вероятно, можно достать, но хуже обстоит дело со старыми чешскими книгами. С того времени, как чешский язык начал расцветать, а достоинства и слава его — подниматься все выше, к книгам у нас стали относиться с большим уважением. Уже больше их страницы не используются для того, чтобы завертывать сыр: раньше за крейцер давали сыр на листке, он мог идти по цене 30 ф. и 40 ф., а этим всегда удачно пользовались евреи и торгаши.

Итак, драгоценный и милый друг, письмо я заканчиваю уверениями в любезной благосклонности и братской искренности. Прошу Вас обращать внимание не на небрежность письма, не на отдельные слова, а на искренность и сердечность, с которыми я Вас нежно обнимаю и желаю отличного здоровья на долгие годы и утешения.

Ваш искренний и верный друг Рулик.
В замке или на Пражском граде, 32.

P. S. Будучи наслышан о Вашей богатейшей библиотеке, убедительно прошу Вас доставить мне удовольствие, послав какую-либо хорошую книгу, которой я мог бы послужить моим патриотам, но sapienti judare ab resolutioni comitto.

Vale⁹.

О тесных контактах Ю. Рибай с чешскими будителями свидетельствуют письма и других его пражских корреспондентов, в том числе, В. Тама и В. Стаха. Это не вызывает удивления. В автобиографии¹⁰ Рибай рассказывает, что во время своего кратковременного пребывания в Праге (1782, 1793) он познакомился со многими деятелями чешской культуры и завязал с ними переписку. Одно время он хотел стать проповедником пражской евангелической церкви, однако на этот пост был назначен М. Маркович. В начале 1793 г. Маркович получает отставку, и приглашения пражан возобновляются. Теперь уже Рибай «никак не может собраться с духом оставить своих прихожан»¹¹. Видимо, это и имеет в виду Ян Рулик, приглашая Рибай в Прагу.

Ю. Рибай известен как страстный и неутомимый собиратель старых славянских книг и рукописей. Его библиотека по-праву считалась самым большим собранием славянских книг в Венгрии в конце XVIII в. Он неоднократно предпринимает поездки по городам Австрийской империи с целью «выискывать и спасать от гибели старые чешские книги и рукописи»¹². Ю. Рибай неоднократно обращается к своим чешским корреспондентам с просьбой присылать ему в Цинкоту¹³ все вновь выходящие в Праге книги, в том числе, как мы видим, и к Яну Рулику.

«Патриотическое пробуждение...», о котором пишет Рулик, появилось в Праге в 1793 г. под названием: «Патриотическое ликование и благодарность по случаю торжественного учреждения имп. корол. должности про-

⁹ «Commercium litterarum...», L. 147, 148.

¹⁰ «Přidavek k listu děkujícímu za darovaný sobě vytistený katalog biblioteky kraginsko Sečjňowské, Běh života Giřjho Ribay obsahující, a spolu s listem Geho Oswj-cenosti Grofowi Frantiskowi Sečjnjmu odeslaný». Sign. 198. Fol. Germ.

¹¹ Ibid.

¹² В письме к Й. Добровскому (от 15 II 1786) Рибай сетует на то, что ему не удается наладить регулярный обмен книгами между библиотекой Карлова университета в Праге и университетской библиотекой в Пеште (см. «Josefa Dobrowského korespondence...», s. 54).

¹³ Цинкота — небольшое словацкое село около Пешты, где Рибай имел приход. В настоящее время — один из новых районов Будапешта.

фессора чешского языка на кафедре славного пражского университета»¹⁴ и было посвящено давно ожидаемому циклу лекций Фр. М. Пельцеля по истории чешского языка в Карловом университете. Упомянутое здесь же «замечательное и заслуживающее всякого внимания сочинение» Пельцеля вышло в свет в Праге за год до написания письма под названием: «Типы склонений чешского языка, упорядоченные новым методом»¹⁵. Второе издание этого труда появилось через два года¹⁶.

Как видно из письма, Ян Рулик ратует за развитие и дальнейшее процветание чешского языка. В своем широко известном трактате «Слава и совершенство чешского языка» (1792) он пишет: «Ибо подобно тому, как уничтожение и недостаток книг способствуют оскудению каждого языка, так труды ученых мужей и обилие читателей возвращают ему славу, делают народ рассудительным, мудрым и опытным»¹⁷. Рулик предпринимает и практические шаги для быстрого достижения «поставленной цели» — равноправия чешского языка с немецким. Как видно из письма, он переводит на чешский язык сочинения Й. Добровского и других будителей, готовит «Чешский Синтаксис» — книгу «не только полезную, но и необходимую».

Как известно, между Добровским и молодыми чешскими будителями были разногласия по поводу будущего чешского языка, возможностей его дальнейшего развития. Добровский неоднократно подчеркивал, что не следует забывать о чешской действительности, противоречащей смелым надеждам молодых литераторов. В этой связи он упоминает и имя Рулика: «Стоит лишь представить себе французскую книготорговлю и сравнить ее с убогими лавками Крамериуса, Рулика и других чешских издателей. Рецензент (Добровский — *Л. Т.*) не хочет недооценивать истинные совершенства чешского языка и способен по достоинству оценить патристические усилия некоторых молодых авторов, направленные на то, чтобы устоять против грозного потока. Как бы только увлечение одним лишь языком не ослепило адресата, страсть и излишнее усердие которого не позволяют ему видеть то, что так явно лежит на поверхности»¹⁸.

Письмо Яна Рулика Ю. Рибай еще раз свидетельствует о тех тесных контактах, которые существовали в конце XVIII в., уже на начальном этапе чешского национального возрождения между чешскими будителями и словацкой просветительской интеллигенцией.

¹⁴ «Vlastenecké plesání a diku činění nad slavným uvedením císař. král. profesora jazyka českého na učitelskou stolicí v slavné pražské universí. Seepsané od Jana Rulíka». Praha, 1793.

¹⁵ «Typus declinationum linguae bohemicae nova methodo dispositarum». Prague, 1793.

¹⁶ «Typus declinationum ex grammatica Pelcliana». Prague, 1795.

¹⁷ «Slava a výbornost jazyka českého. Předložena od Jana Rulíka». Praha, 1792.

¹⁸ Цит. по кн. *Dějiny České literatury*. Praha, 1960, sv. 2, s. 128.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

М. ИСУСОВ. Политическите партии в България. 1944—1948. София, 1978, 448 с.

М. ИСУСОВ. Политические партии в Болгарии. 1944—1948.

Исследование проблемы многопартийности в ее различных аспектах, в частности, структуры и эволюции многопартийной системы по мере развития и углубления революционного процесса, ее места и функции в политической системе народной демократии, взаимоотношения между многопартийной и парламентарной системами и пр., является актуальной задачей с точки зрения не только теории, но и политической практики.

К истории политических партий Болгарии межвоенного периода и после второй мировой войны болгарские исследователи активно обратились в начале 60-х годов. С того времени усилиями прежде всего таких ученых, как П. Аврамов, В. Ванков, Н. Генчев, И. Дмитров, Й. Зарчев, М. Исусов, К. Кожухаров, К. Куков, П. Остоич и других, было немало сделано для изучения процессов организационной консолидации и политической борьбы партий, входивших в правящие или оппозиционные коалиции. В середине 70-х годов появились работы более высокого уровня обобщения, посвященные процессам формирования и функционирования в стране многопартийной системы.

Монография М. Исусова — итог многолетнего плодотворного труда ученого по изучению политической структуры Болгарии периода после второй мировой войны — является предметом нашего рассмотрения. Она состоит из введения, пяти глав и заключения. Завершает ее резюме на русском и французском языках.

Первая глава освещает процесс консолидации многопартийной системы в Болгарии. Хронологически она доведена до августа 1945 г., когда в результате сложных процессов дифференциации, развивавшихся в партиях Отечественного фронта (ОФ) и приведших к выделению из рядов БЗНС и БРСДП оппозиционных группировок, и давления империалистических сил народная власть была вынуждена отложить выборы в парламент. Многопартийная система в Болгарии

с самого начала своего формирования характеризовалась внутренними противоречиями, которые по мере углубления социально-классовых тенденций в революционных преобразованиях подчас достигали остроты, фактически равной кризису. В монографии последовательно выделены группы проблем, ставших источником осложнений внутри многопартийной системы: слом старых и формирование новых органов государственного аппарата, чистка и демократизация старой армии, складывание новой парламентской системы и пр. При этом автор стремится к комплексному рассмотрению как внутренних, так и внешних условий и факторов, влиявших на состояние и развитие многопартийной системы. Весьма интересным представляется нам тезис М. Исусова о том, что летом 1945 г. в результате создания потенциальных возможностей для изменения соотношения политических сил внутри многопартийной системы сложился новый тип противоречий. Резкость и глубина этих противоречий привели в конечном счете к расколу многопартийной системы (с. 140).

Во второй главе рассматривается процесс формирования оппозиционного лагеря в 1944—1945 гг., анализируется состояние всех его группировок, в том числе и находившихся за пределами страны. Автор приходит к выводу, что политическое господство рабочего класса в системе народной демократии вступило в реальное противоречие с традиционными взглядами некоммунистических партий по вопросам власти, организации государственных представительных органов и т. д. Противоречия между последовательными и непоследовательными революционными и демократическими силами составили важный источник оппозиционных настроений (с. 150). Всесторонне показаны причины, приведшие к изменению «закрытого» характера многопартийной системы, закрепленного в декларации четырех партий ОФ от 12 октября 1944 г. Была разрешена деятельность

легальных оппозиционных партий вне ОФ, началось восстановление традиционных буржуазных партий, за счет включения части Радикальной партии расширился состав ОФ.

Вопросам функционирования парламентарной системы и взаимоотношений с ней политических партий посвящена третья глава. В центре внимания автора — избирательно-парламентская борьба 1945—1946 гг., которая, как показано в работе, развивалась по законам политической борьбы в целом. Оппозиции не удалось добиться формирования контрреволюционного парламента, придания его деятельности антинародного характера. Это во многом объясняет настойчивые попытки с ее стороны деформировать новую парламентскую систему путем создания правительственного кабинета неконституционным путем (с. 210—211).

Значительное место отведено в монографии экономической политике народно-демократической власти. Очевидно, что от умелого и своевременного решения хозяйственных вопросов во многом зависел исход борьбы за политическую армию революции. С этим связано и появление осенью 1945 г. новых тенденций в экономической политике компартии и руководимого ею ОФ, выразившихся в известной либерализации экономической политики. В полной мере этот процесс отразила Декларация ЦК БРП(к) по экономическим вопросам от 28 сентября 1945 г. Всестороннее и внимательное рассмотрение автором истоков появления этого важного документа, а также оценок его союзниками по фронту и оппозицией восполняет один из существенных пробелов в историографии и, бесспорно, представляет значительный интерес (с. 213—218).

Подробно раскрыто в монографии воздействие на политическое развитие страны в частности такого фактора, как попытки создания по инициативе США и Англии «непарламентарного правительства».

Анализируя ход борьбы за принятие нового законодательства, автор выделяет те законы, которые имели в условиях Болгарии особенно важное значение. Прежде всего это законы о конфискации имущества и капиталов, нажитых путем спекуляции и взяточничества в условиях военного времени, о трудовой поземельной собственности, о проведении референдума, решившего судьбу монархии, и некоторые другие. Однако здесь нам хотелось бы возразить автору, утверждающему, что «законодательная инициатива БРП(к) придавала парламентским реформам и общественно-революционным преобразованиям социалистический характер» (с. 318). Думается, что для подобного вывода в работе отсутствуют необходимые доказательства. Мы склонны

считать, что некоторые мероприятия народной власти выходили за рамки разрешения противоречий между монополиями и болгарским обществом в целом, т. е. имели определенную антикапиталистическую направленность, но это не дает оснований делать заключение о социалистическом характере преобразований в 1945—1946 гг.

Переломным моментом в развитии революционного процесса в стране явились выборы в Велико Народное собрание (ВНС) осенью 1946 г. Подробно и убедительно показано в работе, как продолжительная и острая избирательная борьба обнажила резкую поляризацию политических сил, сконцентрировавшихся на двух полюсах: БРП(к) — оппозиция. Борьба за коренные реформы в экономике, политике и общественных отношениях развивалась по парламентскому пути, т. е. приобрела мирные формы. Стремление к усилению позиций в парламенте, подчеркивает М. Исусов, отразило одну из характерных тенденций многопартийной системы — «соревновательную» или конкурентную.

Четвертая глава знакомит читателя с состоянием политических партий и многопартийной системы в целом после выборов в ВНС, в период подготовки и развертывания наступления революционных политических сил. Революционный процесс в стране, показывает автор, достиг такой глубины, которая поставила массы перед альтернативой — либо последовательное развитие народно-демократической революции, либо ее приостановка.

Изменения на мировой арене в связи с антикоммунистическими и антидемократическими действиями империалистических сил привели в конце 1947 г. к своеобразной интенсификации революционного процесса в Болгарии и других странах народной демократии (с. 382). Важную роль в этом сыграло международное совещание представителей коммунистических и рабочих партий в Польше в сентябре 1947 г. Были сформулированы задачи дальнейшего укрепления и реорганизации ОФ, развертывания наступления против сил реакции, расширения государственного сектора в экономике, нормализации экономической политики государства по отношению к крестьянству, внесения существенных изменений в проект новой конституции по линии усиления в ней черт социалистического характера и пр. (с. 390). Ряд поставленных задач был выполнен уже к концу 1947 г.

Заключительная, пятая, глава раскрывает структурные изменения многопартийной системы. Здесь в центре внимания автора такие вопросы, как реорганизация ОФ и превращение его в Единую общественно-политическую организацию, объединение БРП(к) и БРСДП, переход БЗНС на социалистические по-

зиции, самороспуск «Звена» и Радикальной партии и пр. В результате изменений экономической и социальной структуры к концу 40-х годов политический плюрализм как феномен, существовавший в Болгарии в переходный от капитализма к социализму период, изжил себя. Многопартийная система, заключает автор, выдержала испытания, не только существуя и успешно функционируя в сложную эпоху борьбы и потрясений, но и став существенным компонентом модели социалистического общества в период его возникновения и на первых порах консолидации (с. 466).

Рецензируемая монография, безусловно, полное и целостное исследование проблемы политических партий и многопартийной системы в Болгарии. Ценность ее увеличивает и поистине уникальная источниковедческая база. Но вместе с тем превосходное знание автором архивных фондов иной раз оборачивается излиш-

ней детализацией изложения, чрезмерной перегруженностью текста фактическим материалом. Вряд ли целесообразно было отказываться от историографического анализа проблемы, призванного оценить творческий вклад других ученых, занимающихся данными сюжетами, а также наметить дальнейшие перспективы исследования. К сожалению, нет в монографии и библиографического приложения, что при явном стремлении автора сослаться прежде всего на первоисточник (архивные фонды) суживает возможности читателя составить более полное представление об имеющихся по данной проблеме трудах.

Отмеченные недочеты тем не менее не носят принципиального характера и не умаляют заслуги автора, внесшего весомый вклад в исследование данной проблематики.

Т. Игнатьева

В. П. ЧУГАЕВ. В борьбе против фашизма и угрозы войны. Киев, 1980, 376 с.

Совместная борьба рабочего класса, широких трудящихся масс Польши и Западной Украины против фашизма, нарастания угрозы и развязывания международного империализмом второй мировой войны — одна из ярких страниц интернациональной революционной солидарности.

Проблема совместной борьбы, интернациональной солидарности трудящихся Польши и Западной Украины против фашизма и войны в межвоенный период, в частности, в 1933—1939 гг., впервые получили наиболее полное и всестороннее освещение в рецензируемой монографии В. П. Чугаева. Работа основана на широкой источниковедческой базе. В ней использованы документы и материалы Коминтерна, международных совещаний и конференций братских марксистско-ленинских партий, советских архивов (Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, партийных архивов институтов истории партии при ЦК Компартии Украины и ЦК Компартии Белоруссии, Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, Центрального государственного архива УССР в г. Львове и ряда областных государственных архивов); документальные материалы польских архивов (Центрального архива при ЦК ПОРП, Центрального архива Объединенной крестьянской партии,

Архива новых актов в Варшаве), издания Коминтерна, МОПРа и других революционных организаций, а также монографические исследования, научные статьи, изданные в СССР и ПНР, пресса обеих стран. Автор вводит в научный оборот целый ряд новых документов из переписки Политбюро и Секретариата ЦК Компартии Польши (КПП) и ЦК Компартии Западной Украины (КПЗУ), уточняет даты проведения съездов и пленумов ЦК.

В работе убедительно показана авангардная роль КПП и КПЗУ в революционном движении, их деятельность по созданию единого рабочего и широкого антифашистского народного фронта. Несомненным ее достоинством является то, что автор не ограничился освещением только двусторонних отношений, а убедительно показал революционизирующее влияние успешного социалистического строительства в СССР, активной миролюбивой ленинской внешней политики на усиление борьбы трудящихся Польши и Западной Украины против наступления фашизма и подготовки империалистами войны. В книге подчеркивается, что единственно последовательным революционным классом в межвоенный Польше был пролетариат, общая численность которого вместе с семьями, по данным переписи 1931 г., достигала девяти миллионов человек. Его основное ядро составлял промышленный пролетариат. Свыше 668 тыс. рабочих было занято на крупных предприятиях страны (с. 28—29). В За-

падной Украине рабочий класс также был значительной общественной силой. Его численность уже в 30-х годах составляла около 730,6 тыс. человек (с. 29). В сложных условиях нелегального положения КПП и КПЗУ постепенно, шаг за шагом, продвигались по пути осуществления важных задач — сплочения рядов рабочего класса и объединения вокруг него широких масс трудящихся для отпора наступлению реакции и фашизма.

В монографии детально проанализированы внутренние противоречия, раздиравшие Польшу. Социальный гнет, который испытывало все население, в Западной Украине и Западной Белоруссии усугублялся национальным угнетением местного населения.

Тесное переплетение острой классовой и национально-освободительной борьбы порождало частые внутриполитические кризисы. Международный империализм отводил Польше роль «санитарного кордона» и «защитного барьера от большевизма», стремился превратить ее в послушное орудие агрессии, в плацдарм для нападения на Советский Союз. Фашистское движение в Польше не имело широкой социальной базы. Все правительства «санации» проводили политику грубого насилия и террора, жестоко подавляли революционное движение рабочего класса и крестьянства, национально-освободительные стремления трудящихся Западной Украины и Западной Белоруссии, а во внешней политике — поддерживали антисоветские агрессивные силы в Европе. Автор убедительно показывает, что, с одной стороны, эта губительная по своим последствиям политика толкала Польшу на путь тяжелых испытаний и социальных потрясений, с другой — побуждала широкие трудящиеся массы Поль-

ши, Западной Украины и Западной Белоруссии во главе с рабочим классом и его марксистско-ленинским авангардом к непримиримой классовой борьбе.

Значительное внимание в книге уделено анализу политики и тактики единого рабочего и широкого антифашистского народного фронта и борьбы КПП и КПЗУ за воплощение в жизнь этого революционного курса (с. 71—85, 193—214, 293—307). КПП и КПЗУ, используя опыт международного рабочего движения, проводили активную деятельность по формированию единого рабочего и антифашистского фронта. Автор указывает на отдельные ошибки в деятельности КПП, которые выражались, в частности, в недооценке ею происходивших в ППС и других социал-демократических организациях процессов полевенения рядовых членов и части актива, которые становились на путь революционной борьбы против фашизма.

Есть в монографии и отдельные недостатки. На наш взгляд, автору следовало бы полнее показать деятельность КПП и КПЗУ по вовлечению комсомольцев и молодежи в борьбу против наступления фашизма и угрозы войны, а также борьбу КПП и КПЗУ за влияние в профсоюзах.

В целом монография В. П. Чугаева, содержащая обширный и впервые сведенный воедино фактический материал, написана на высоком научном уровне. Актуальные проблемы, связанные с интернациональной солидарностью трудящихся Польши и Западной Украины, освещены автором по-новому, он поднимается от анализа исторических фактов к глубоким обобщениям и аргументированным выводам.

О. М. Швадак

А. ВЕКОВ. Г. В. Плеханов и социалистическое движение в България. София, 1978, 236 с.

А. ЕКОВ. Г. В. Плеханов и социалистическое движение в Болгарии

Первый русский марксист Г. В. Плеханов прошел сложный, полный противоречий путь. Он был выдающимся пропагандистом марксистских идей, борцом за научное материалистическое мировоззрение. В. И. Ленин говорил, «что нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все, и аписанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма»¹. И Ленин же осуждал «полити-

ческое грехопадение» Плеханова в 1905—1907 гг., его переход к меньшевизму, а затем и к социал-шовинизму.

Крупная и противоречивая личность Плеханова привлекла к себе внимание болгарского историка проф. А. Векова не случайно. С первых шагов развития болгарской социал-демократии ее представители, находившиеся в непосредственном общении с русскими революционерами, были хорошо информированы о состоянии российской социал-демократии и идейной борьбе в ней; благодаря близости языков болгарские революционеры имели возможность читать в оригинале

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 42, с. 290.

русские революционные издания, распространявшиеся в Болгарии массовыми тиражами. Эти обстоятельства не могли не способствовать тому, что именно на Болгарию и на болгарское социалистическое движение Плеханов, крупнейший в то время теоретик и пропагандист марксизма, оказал самое сильное после России и русской социал-демократии влияние. Исследование объема и характера этого влияния важно и для советского обществоведения.

Рецензируемая книга — первая попытка монографического исследования проблемы. Автор считает своей первоочередной задачей показать место и роль Плеханова в развитии марксистской мысли в Болгарии; определить характер влияния Плеханова на болгарских социалистов на каждом этапе эволюции его собственных взглядов и в соответствии с той эволюцией, которую одновременно проходила международная, и в том числе болгарская, социал-демократия. Задача не из простых, но автор в целом справился с нею хорошо. В книге широко освещены вопросы, по которым после 1903 г. происходила борьба в русской и международной социал-демократии, разногласия между Лениным и Плехановым в вопросах стратегии и тактики, прослежены истоки скатывания Плеханова к меньшевизму и последующего его краха как одного из лидеров II Интернационала в связи с переходом его на социал-шовинистические позиции с началом первой мировой войны, а затем и неприятием Октябрьской социалистической революции. Свободное ориентирование автора в этих вопросах помогло ему интересно подать и болгарский материал.

В первой части книги («Плеханов и создание марксистской партии в Болгарии. 1885—1903 гг.») А. Веков, отметив, что на его родине, как и в России, марксизм прокладывал себе путь в ожесточенной борьбе с народничеством, на конкретных фактах показывает, сколь большое значение для победы марксизма в Болгарии имела поддержка, которую Плеханов оказывал болгарскому революционно-марксистскому течению. Много интересного и нового узнает читатель о Г. Бакалове, Кр. Раковском, Сл. Балабанове — болгарских студентах-социалистах, учившихся в Женеве и поддерживавших непосредственные связи с Плехановым. Как пишет автор, из всех иностранных студентов именно их Плеханов считал своими наиболее близкими товарищами.

А. Веков сосредоточил свое внимание главным образом на влиянии Плеханова на тесняков и отношении тесняков к Плеханову (отсюда некоторое несовпадение названия книги и ее содержания), что связано в первую очередь с отсутствием в болгарской историографии предварительных исследований проблемы и, в частности, вопросов о взаимодействии меж-

ду Плехановым и различными течениями болгарской социал-демократии (тесняками, широкими, анархо-либералами). Но представляется принципиально важной постановка автором вопроса о том, что, хотя Плеханов был величайшим авторитетом для всех течений болгарской социал-демократии, точки соприкосновения с ним у каждого течения были разными: если тесняки учились у Плеханова революционному подходу, что широкие брали то, что стало зародышем его будущих меньшевистских взглядов. Попутно заметим, что отсутствие в литературе специальных работ об анархо-либеральном направлении не извиняет автора рецензируемой книги, сумевшего обойтись без хотя бы самой общей характеристики этого течения болгарской социал-демократии; а она тем более необходима, что многие страницы книги посвящены главному переводчику и издателю трудов Плеханова в Болгарии Г. Бакалову, который был одним из руководителей анархо-либералов.

Во второй главе, охватывающей период 1903—1914 гг., рассматриваются вопросы, касающиеся перехода Плеханова на позиции меньшевизма и отношение к этому болгарских тесняков. Эта центральная глава потребовала от автора и обостренной политической интуиции, и диалектического подхода, и определенного такта. Ибо нетрудно представить акценты, говоря о влиянии Плеханова на тесняков, когда он почти во всем прав (до 1903 г.) или почти во всем неправ (после 1914 г.). Гораздо сложнее разобраться в диалектике переломного периода в деятельности Плеханова и в жизни болгарской социал-демократии.

А. Веков показывает, что тесняки не поняли сути разногласий между Лениным и Плехановым по организационным вопросам, возникшим в конце 1903 г.; они считали, что нет оснований обвинять Плеханова в оппортунизме за его позицию в споре. Вместе с тем из ряда статей Д. Благоева явствует, что руководитель тесняков выступал за дисциплину и централизм в партии, был против упования на то, что на определенной стадии развития рабочий класс сам поднимется до социалистического сознания. И хотя, — пишет А. Веков, — утверждаемые Благоевым в партии тесняков организационные принципы не были во всем идентичны ленинским, объективно тесняки приближались по ряду позиций к Ленину (с. 130).

Когда же в международной и болгарской социал-демократии возникла полемика по вопросу о взаимоотношениях между партией и профсоюзами, тесняки, не выступая открыто против Плеханова (который был за нейтральность профсоюзов), высказались за тесные организационные и идейные связи партии и профсоюзов. Такую же позицию они заняли

и на Штутгартском конгрессе II Интернационала, что весьма повысило авторитет тесняков в международной социал-демократии.

А. Веков убедительно показал, что в 1903—1914 гг. тесняки выражали в ряде случаев взгляды, более близкие к ленинским, чем к плехановским, или поддерживали Плеханова постольку, поскольку он все еще стоял на марксистских позициях и вместе с Лениным участвовал в борьбе против ликвидаторов и троцкистов. Эти примеры еще «негласного» сопротивления тесняков авторитету Плеханова создавали основу для их открытого осуждения Плеханова в 1914 г., когда он перешел на позиции социал-шовинизма. Благоев был первым после Ленина, кто выступил со смелой критикой предательского по отношению к рабочему классу шага Плеханова, хотя это, замечает автор, и не означало, что Благоев был против всей системы его взглядов.

Изучение революционных событий в России, знакомство с большевистской стратегией и тактикой в годы первой мировой войны, личные контакты с Лениным и большевиками способствовали тому, что по основным проблемам империализма, войны, мира и революции тесняки постепенно все более отходили от Плеханова и приближались к Ленину. В 1917 г. они открыто осудили антимарксистские взгляды Плеханова на характер и перспективы социалистической революции в России. В отличие от Плеханова Благоев видел в Октябрьской революции начало новой эпохи в мировой истории.

Книга А. Векова углубляет представление о теснячестве как о своеобразном марксистском революционном течении в социал-демократии. Таким оно проявило себя и в отношении Плеханова, ибо, как пишет автор, относясь по существу критически к меньшевистским

ошибкам Плеханова, тесняки тем самым приближались к единственно последовательному революционному течению в русской и международной социал-демократии — большевизму.

В заключение отметим, что автор, несколько увлекшись выявлением различий между революционным теснячеством и меньшевизмом Плеханова, только вскользь говорит о традициях «плехановизма» в теснячестве, составлявших одну из черт слабости последнего. И хотя А. Веков не забывает указать, что влияние Плеханова на тесняков в определенной степени задерживало процесс проникновения в Болгарию ленинских идей, эта мысль должна была бы, как мне представляется, получить более полное звучание.

Гораздо более крупным недостатком является то, что в книге совершенно не уделено внимания революции 1905—1907 гг. и позиции Плеханова в эти годы. Читателю ничего не сообщается о том, что в годы первой русской революции Плеханов оппортунистически выступал за союз с либеральной буржуазией, осуждая курс на вооруженное восстание. Естественно, далее автор ничего не говорит и об отношении болгарской социал-демократии к революционным событиям в России. Нельзя также согласиться с утверждением А. Векова, будто после Февраля 1917 г. «перед страной не стояло никаких задач буржуазно-демократического характера» (с. 212).

И последнее: обращает на себя внимание чрезвычайная неряшливость научного аппарата, изобилующего ошибками в передаче названий книг и статей на русском языке. Монографию, посвященную важной проблеме и написанную на хорошем профессиональном уровне, хотелось бы видеть изданной более тщательно.

Р. Гришина

Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim. Gustaw Ehrenberg i «świętokrzyżcy». Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1978, 477 + XI s.

Содружество польского народа в Королевстве Польском. Густав Эренберг и «свентокшижцы»¹

Конспиративная революционная организация «Содружество польского народа», возникшая в Галиции и Кракове в середине 30-х годов XIX в., стремилась распространить свое влияние на все территории бывшей Речи Посполитой. В

1836 г. Г. Эренберг создал варшавскую организацию «Содружества польского народа», которая получила в мемуаристике и историографии название «свентокшижцы». Этой организации посвящена содержательная книга ныне покойного польского историка Б. Лопушанского², однако ее история изучена недостаточно.

¹ Редакторы тома: В. А. Дьяков, С. Кеневич, В. Сливовская. Документальные приложения к печати подготовили: В. А. Дьяков, Г. В. Макарова, Е. Сковронек, В. Сливовская.

² B. Łopuszański. Stowarzyszenie ludu polskiego (1835—1841). Geneza i dzieje. Kraków, 1975.

Рецензируемый том во многом восполняет этот пробел.

Его тематический стержень образуют статьи В. А. Дьякова «Содружество польского народа в Королевстве Польском (1836—1839 гг.)» и В. А. Бориса и И. М. Нефедова «Программные документы „Содружества польского народа“ и другие материалы о его деятельности в Центральном государственном историческом архиве УССР во Львове». Они основаны на новых, впервые вводимых в научный оборот материалах следствия и суда над участниками польского национально-освободительного движения (фонд Полевого аудитората 1 армии в Центральном военно-историческом архиве СССР в Москве и в ЦГИА УССР). В. А. Дьяков подробно рассказывает о создании, составе и структуре варшавской организации «Содружества польского народа». Благодаря тщательному анализу опубликованных в томе и неопубликованных архивных материалов он детально реконструирует развитие этой организации, вносит важные коррективы, показывает, что план присоединения «свентокшижцев» к Всеобщей конфедерации польского народа реализовывался в острой идейно-политической борьбе. Автор уделил большое внимание анализу идеологии, политической программы и тактики «свентокшижцев», раскрыл противоречия и различия, которые существовали среди конспираторов, особенно по крестьянскому вопросу. В его статье подробно рассматривается и практическая деятельность варшавской организации «Содружества польского народа». Впервые В. А. Дьяков подробно рассмотрел историю келецкой организации «Содружества польского народа», которая ранее описывалась лаконично, а подчас неточно, а также историю «ломжинского кружка» Р. Блоньского. Вопреки ранее высказанной точке зрения он показывает, что этот кружок существовал всего четыре-пять дней и был незрелым в идейно-политическом и в организационном отношении. Автор отмечает перемены, произошедшие в польском национально-освободительном движении второй половины 30-х годов XIX в. на собственно польских землях: в это время можно проследить демократизацию общественного движения как с точки зрения социального состава его участников, так и их идеологии.

В. А. Борис и И. М. Нефедов обстоятельно охарактеризовали львовские архивные документы, указали на их значение для изучения польского национально-освободительного движения 30-х годов. Вводимые ими в оборот материалы уникальны. Они существенно расширяют наши представления о всей организации «Содружество польского народа».

Известная польская исследовательница В. Сливовская в статье «Почему „свен-

токшижцы“?» выяснила происхождение этого названия.

Статья польского литературоведа, специалистки по истории польской литературы периода романтизма М. Янион «Литература и заговор» посвящена анализу влияния польской романтической литературы на мировоззрение, поведение и идеологию конспираторов в Королевстве Польском. В их показаниях, как подчеркивает автор, ясно проявилась тесная связь между «литературой» и «жизнью». На основе показаний «свентокшижцев» М. Янион исследует психологию заговорщиков, их поведение во время следствия. Она приходит к заключению, что причиной душевного надлома у большинства деятелей варшавской организации «Содружества польского народа» было противоречие между риторикой великих идеалов и жестокой реальностью ареста. М. Янион подчеркивает серьезное влияние романтической литературы на молодых конспираторов.

Б. Лопушанский опубликовал «Обзор источников польского происхождения и польских публикаций, касающихся деятельности „Содружества польского народа“ в Вольном городе Кракове и в Королевстве Польском», в котором детально проанализированы материалы по истории этой организации. Однако только недоразумением можно объяснить упоминание среди польских авторов советского историка В. А. Бориса (с. 111).

Б. С. Шостакович и Д. Б. Кацнельсон в своих статьях, написанных на основе материалов государственных архивов Иркутской и Читинской областей, рассмотрели пребывание участников «Содружества польского народа» в Восточной Сибири и на Нерчинской каторге.

Опубликованные в качестве приложения архивные материалы о «Содружестве польского народа» из ЦГВИА СССР и ЦГИА УССР во Львове по своему содержанию можно разделить на три группы: программные документы и агитационно-пропагандистские тексты, следственные показания и протоколы очных ставок, судебные решения и официальная переписка властей. Трудно переоценить значение и богатство содержания этих документов. Как подчеркнул проф. С. Кеневич в предисловии к тому, «голос того поколения революционеров доходит до нас сегодня из глубины паскевичевской и меттерниховской ночи как свидетельство героизма и предсказание лучшего будущего» (с. 9).

Следует подчеркнуть тщательность и подробность комментариев, которые имеют самостоятельное научное значение. Полнотой сведений отличается и указатель имен, составленный В. Сливовской. Отметим неточность: после ареста Э. Желиговский действительно оказался в ссылке в Оренбургском крае, но до этого с января 1851 г. по май 1853 г.

он находился в ссылке в Петрозаводске.

Рецензируемый том открывает много-томную серию «Польское общественно-политическое движение и литературная жизнь 30—50-х годов XIX в. Исследования и материалы», которая подготавливается совместно советскими и польскими исследователями, а издается только в ПНР. С польской стороны эта работа проводится Комитетом исторических наук, Комитетом наук о литературе, Институтом литературных исследований и Институтом истории ПАН, с советской стороны — Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. Двадцатипятилетие, от восстания 1830—1831 гг. до конца Крымской войны, было переломным в истории польского освободительного движения, но изучен этот период недостаточно, за исключением политической эмиграции, которой посвящено немало содержательных исследований. Тем большее значение будут иметь публикуемые в серии материалы. Целью новой серии является обобщение уже накопленных наукой сведений по истории

польского общественного движения внутри страны, изучение его связей с литературным процессом, введение в научный оборот новых фактов и источников. Издание серии рассчитано на 1978—1985 гг. Том «Революционное подполье в 1840—1845 гг. Эдвард Дембовский» объемом около 70 печатных листов уже находится в производстве. Завершена подготовка тома «Польское общество и попытки возобновления вооруженной борьбы в 1833 г.». Планируются тома «Общественно-политическое движение в Королевстве Польском в 1830—1850 гг. Биобиблиографический словарь», «Варшавская „Организация 1848 г.“. Круг „энтузиастов“ и „энтузиастов“», «Польша в 1846 г.», «Литература и конспирация 1832—1855 гг.».

Исследования и материалы о «Содружестве польского народа» в Королевстве Польском — весомый вклад в исследование истории польского национально-освободительного движения в XIX в., прекрасная рекомендация для всей новой серии.

Б. С. Попков

Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979, 427 с.

Изучение истории славяноведения в России началось уже в 70—80-е годы XIX в. благодаря усилиям второго поколения славистов (А. А. Кочубинский, А. Н. Пыпин и др.), считавших своей обязанностью обобщить достижения первого периода отечественного славяноведения и воздать дань уважения своим учителям и предшественникам. Отчасти это диктовалось также необходимостью дать оценку деятельности славянофилов в связи со сложившейся новой ситуацией и новым подходом к идее славянской взаимности.

В советский период появился ряд содержательных работ, представляющих собой обзоры истории отечественного славяноведения (С. А. Никитин, С. Б. Бернштейн, В. Д. Королюк, Н. И. Толстой), написаны очерки истории изучения славянских языков в России (С. Б. Бернштейн, Н. А. Кондрашов), а также довольно многочисленные статьи о жизни и деятельности виднейших славистов прошлого. Значительным событием в науке явился выход библиографического словаря М. Г. Булахова «Восточнославянские языковеды» (т. 1—3, Минск, 1976—1978), в котором представлен богатый биографический и библиографический материал, дана оценка научной деятельности восточнославянских и советских языковедов. Этот словарь на-

глядно отразил все, что сделано и что предстоит сделать в области истории славянского языкознания.

Но несмотря на значительное количество работ, история славяноведения в России более или менее изучена лишь в своих главных чертах и ведущих представителях. Научное наследие многих ученых оказалось совершенно не освещенным (А. С. Будилович, С. К. Булич, Н. М. Каринский, П. И. Кешен, А. А. Котляревский, В. И. Ламанский, А. Н. Пыпин, Г. К. Ульянов, Т. Д. Флоринский и др.), остался не использованным значительный фактический материал.

Новый биобиблиографический словарь «Славяноведение в дореволюционной России», вышедший под редакцией В. А. Дьякова, несомненно, большой вклад в разработку истории отечественной славистики.

Книга открывается вступительной статьей В. А. Дьякова и А. С. Мельникова «Об основных этапах истории славяноведения в дореволюционной России». Важнейшими критериями периодизации истории славяноведения авторы считают внутренние закономерности развития этой науки и общественные условия, стимулировавшие ту или иную тематику. На основе этого в истории дореволюционного славяноведения в России выделяется два этапа. Первый (XVIII в. — 60—70-е го-

ды XIX в.) характеризуется постепенным выделением славянской проблематики из филологии и истории в устойчивый комплекс наук о славянах. Этот процесс происходил в тесной взаимосвязи с формированием и развитием русской национальной культуры и подъемом национально-освободительного движения у зарубежных славян. В 1835 г. он нашел себе организационное оформление в виде самостоятельных университетских кафедр славянских языков и литератур. Второй этап (с 60—70-х годов XIX в. до Октябрьской революции) отличается тем, что славноведение развивается уже как сложившийся комплекс научных дисциплин.

Соглашаясь с характеристикой основных этапов истории славяноведения и оценкой деятельности отдельных ученых, данными в словаре, хотелось бы высказать некоторые частные замечания. При анализе первого этапа развития славистики следовало бы отметить лингвистические труды М. А. Максимовича, особенно посвященные классификации славянских языков и происхождению старославянского языка. Характеризуя общие принципы казанской школы, авторы ссылаются на статью В. А. Богородицкого. Однако впервые они были сформулированы И. А. Бодуэном де Куртенэ в работе «Лингвистические заметки и афоризмы» (1903). Трудно согласиться и с утверждением, что Ф. Ф. Фортунатов «создал цельную теорию синтаксиса» (с. 22). Неточно даны названия статьи А. Х. Востокова 1820 г. и дата выхода книги А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике».

Словарь содержит 377 статей, в которых приводятся биографические и библиографические сведения об отечественных историках, археографах и искусствоведах, занимавшихся изучением зарубежных славян. Такой широкий подход обусловлен общепринятым пониманием славяноведения как комплекса научных дисциплин. В словарь включены и сведения об ученых, которые занимались другой проблематикой, но имели работы и по славяноведению. Приводятся сведения о путешественниках, публицистах, писателях (И. С. Аксаков, А. С. Хомяков, П. И. Бартенева, Ф. В. Чижов и др.), имена которых неразрывно связаны с изучением славянства. Хотя они не были учеными в прямом значении этого слова, но их деятельность несомненно способствовала распространению сведений о славянских народах, вызвала интерес к ним и тем самым влияла на развитие славяноведения.

Территориально рамки словаря ограничены пределами бывшей Российской империи, т. е. включают царство Польское и Великое княжество Финляндское. Поэтому в нем приводятся сведения не только о русских славистах, но также украинских, белорусских и выходцах из других славянских стран, работавших

в России (М. П. Драгоманов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, М. С. Дринов, И. В. Ягич и др.). Хронологически словарь охватывает период с середины XVIII в. до Великой Октябрьской революции. Отсюда биографические сведения об ученых, деятельность которых относится преимущественно к послеоктябрьскому периоду, приводятся лишь в сокращенном виде. Отчасти это объясняется и тем, что предполагается подготовить отдельный справочник, посвященный советским славистам.

Авторами статей выступают свыше 120 ученых, работающих как в академических учреждениях, так и в ведущих вузах страны, т. е. по сути дела в составлении словаря принимали участие почти все наиболее квалифицированные специалисты в области истории славяноведения.

Каждая статья состоит из трех частей: биографических сведений, оценки научного наследия и библиографии. Первая часть включает в себя дату и место рождения и смерти, происхождение, имущественное положение и род занятий родителей, сведения об образовании, служебной и научной деятельности ученого, характеристику политических взглядов, участие в общественной жизни. При этом авторы статей использовали не только всю имеющуюся справочную литературу, но и нередко архивные материалы, что позволило им в ряде случаев уточнить даже энциклопедические сведения, в том числе и приводимые в БСЭ. Список уточнений приведен в конце книги.

Однако несмотря на большую и тщательно проделанную работу, отдельные неясности продолжают оставаться. Приведем два примера. В справочной литературе местом рождения М. В. Ломоносова обычно считаются деревни Денисовка или Мипанинская. В книге приведен, пожалуй, наименее удачный вариант — с. Куростров Двинского уезда Архангельской губернии. Принято считать, что В. И. Григорович родился в г. Балта Подольской губернии. Но А. А. Кочубинский, очень близко знавший ученого, местом его рождения называет деревню Антоновку Херсонской губернии, где находилось имение его матери. Возможно, стоило бы также привести и современные географические названия — ведь не каждый читатель знает, что Елисаветград ныне Кировоград; не говоря о еще меньших населенных пунктах. Характеристика общественно-политических взглядов иногда выглядит не совсем убедительной (А. Х. Востоков), иногда полностью отсутствует (И. А. Бодуэн де Куртенэ), хотя в последнем случае она необходима, так как общественно-политические взгляды Бодуэна тесно переплетаются с его общелингвистическими взглядами.

Важное место в статьях занимает опи-

сание деятельности ученых в области славяноведения, определение их научного вклада в изучение той или иной проблемы, накопления фактического материала, подготовку кадров. При решении этих вопросов авторы стремились отметить принадлежность ученых к той или иной школе или направлению, а также особенности их взглядов и подхода в рассмотрении соответствующей проблематики. Все это помогает одновременно выяснить место и роль ученого в истории славистики в целом и даже охарактеризовать основные этапы ее развития. В целом оценки носят объективный и строго научный характер. Но славяноведение в большинстве случаев носило недифференцированный или комплексный характер. Поэтому при написании ряда статей нужно было бы шире прибегать к соавторству ученых различных областей славяноведения, чтобы и оценки носили наиболее полный и всесторонний характер. Например, в статье о П. И. Прейсе хорошо представлены его фольклористические взгляды, но в несколько затененном виде оказались лингвистические работы.

В конце статей приводится библиографическая справка. Здесь новым и особенно важным является указание на местонахождение архивных материалов и даже номера фондов. Составители словаря в

значительной мере облегчили архивные разыскания историографов славяноведения. Справка дает и довольно полное представление о научном наследии славистов прошлого. Это достигается или перечислением уже опубликованных библиографий, которые во многих случаях малоизвестны и труднодоступны, или библиографическим описанием работ, которые в них не попали. В конце библиографической справки приводятся работы, где дается оценка научной деятельности славистов. Разумеется, полной библиографии составители привести не могли — для этого потребовался бы особый справочник (только о Ф. И. Буслаеве, например, опубликовано на русском языке свыше 100 исследований). Можно спорить и о том, насколько удачна приведенная литература, но безусловно, она дает определенное представление о жизни и деятельности отечественных ученых.

Подготовленный и изданный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР биобиблиографический словарь «Славяноведение в революционной России», содержащий богатый биографический и библиографический материал, воскрешающий многие забытые имена, займет достойное место в отечественной историографии.

С. В. Смирнов

С. ИВАНЧЕВ. Приноси в българското и славянското езикознание. София, 1978, 364 С.

С. ИВАНЧЕВ. Труды по болгарскому и славянскому языкознанию

Рецензируемый сборник включает статьи известного болгарского слависта, заведующего кафедрой славянского языкознания, профессора Софийского университета С. Иванчева, написанные за последние двадцать с лишним лет. Он дает достаточно полное представление о весомом вкладе С. Иванчева как в разработку сложных теоретических проблем (например, глагольного вида, пагленений, употребления членных форм), так и в описание более частных, конкретных явлений языка. Научные интересы С. Иванчева сосредоточены преимущественно вокруг трех проблем — семантико-функциональные категории глагола, анафора и языковые контакты. Основное направление в его научно-исследовательской деятельности — сопоставительное изучение славянских языков, в центре которого стоит болгарский язык.

Сборник состоит из четырех разделов. Открывается он, после краткого предисловия, разделом «Фонетика» (с. 7—47). Две статьи этого раздела посвящены мало изучавшимся вопросам рифмы в бол-

гарском языке. В статье «О болгарской рифме» (с. 20—34) анализируются статистические данные о распределении около 70 тыс. рифмоформ (под ними автор понимает часть слова, включающую в себя ударенный гласный и всю последующую часть слова или ударенный гласный и непосредственно предшествующий ему звук, если слово оканчивается этим ударенным гласным) с точки зрения количества слогов в них и способности реально образовывать точную рифму в речи, выступающую по крайней мере в двух разных словах. В статье «Рифмы у Ивана Вазова и Пенчо Славейкова» (с. 35—47) С. Иванчев анализирует интересные и, на первый взгляд, неожиданные данные об особенностях соотношения безударных гласных *o: y, a: ъ, e: i* в рифмах сочинений Вазова и Славейкова. В связи с этим он касается и более общего вопроса об аканьи и статусе редукции в современном болгарском языке, подчеркивая, что вопреки мнению некоторых ученых, редукция в современном болгарском языке — это не историческое зву-

ковое явление, а все еще действующий фонетический закон (с. 44). В двух других статьях раздела «Фонетика» рассматриваются иптонационные особенности долгих гласных в болгарских диалектах (с. 7—9) и не отмеченный ранее в диалектологии переход конечных $m > n$ и $n > m$ как результат словачного влияния в болгарских говорах ряда сел в районе Плевена и Никопола (с. 9—20).

В разделе «Морфосинтаксис» (с. 48—127), содержащем десять статей, анализируются значения и функционирование ряда грамматических категорий, прежде всего глагольных, в болгарском и других славянских языках. В статье «Морфо-семантическая-функциональная теория глагольного вида в славянских языках и специфика болгарского языка» (с. 48—80) изложена авторская концепция понимания глагольного вида в славянских языках в целом и особенности ее выражения и функционирования в отдельных языках и особенно в болгарском. В ней С. Иванчев доказывает, что распространенное мнение о незначительности различий славянских языков в отношении глагольного вида неубедительно, и рассматривает целый ряд существенных особенностей системы глагольного вида в болгарском в сопоставлении с видом в других славянских языках. Он приходит к заключению о значительной нестроте этих языков в отношении категории аспектуальности в целом. Совокупность одних из этих особенностей противопоставляет северные и южные славянские языки, совокупность других — западные и восточные. Из отдельных языков наиболее отстоят друг от друга «как два типа аспектуально различных языков» болгарский и чешский; русский занимает промежуточное положение, сближаясь одними особенностями видовой системы с болгарским, другими — с чешским. Наиболее развитой категорией аспектуальности предстает, по мнению С. Иванчева, в болгарском (с. 78—79). Что же касается полного — в отношении аспектуальности — положения болгарского и чешского языков, то оно объясняется комплексом дивергентных причин, одной из которых является активное взаимодействие этих языков с неславянскими языками разной структуры.

В статье «Проблемы развития и функционирования модальных категорий в болгарском языке» (с. 80—91) С. Иванчев доказывает, что новые формы условного наклонения, типа *писвам*, как морфологическая категория возникли в болгарском в результате перестройки видовой системы, связанной с расширением функций глаголов несовершенного вида, на основе одного из частных значений категории будущего времени (с. 83—84). Относительно так называемого пересказывательного наклонения он высказывает мнение, что одним из возможных путей его

происхождения могла быть «синтаксическая конденсация» нейтрально передаваемых с чужих слов высказываний типа: *Той каза, че Иван е чел книгата* → *Иван чел книгата*.

В других статьях, посвященных глаголу, анализируется употребление сокращенного инфинитива (условно и остаточного супина) в конструкциях с императивом глаголов движения, типа *иди се повесели* (с. 91—95), происхождение деепричастий на *-щец* (*-щиц*), типа *пеещец*, не получивших в литературе удовлетворительного объяснения (с. 95—104), семантико-функциональная категория количественности и средства ее выражения в болгарском языке (с. 98—104), место вокатива в словоизменительной системе имени (с. 107—108), происхождение местоимений *това, такъв* (с. 120—127). С. Иванчев обращает внимание и на ряд частных явлений, в грамматиках не описанных или не объясненных, например, широкое употребление звательной формы *брат* (и *брат ми*) наряду с *брате* и *братко*, от сущ. *брат* (с. 118—120), редких форм числительных типа *доби, шестори* и их судьбу в болгарском (с. 104—107), различные случаи расширяющегося употребления членных форм имени в качестве вокатива (с. 108—118).

Раздел «Вопросы анафоры» (с. 128—249) содержит статьи, посвященные исследованию употребления членных форм, личных и указательных местоимений с позиций теории актуального членения предложения. Опубликованная в 1957 г. статья С. Иванчева «Наблюдения над употреблением членной формы в болгарском языке» (с. 128—152), где дан анализ правил употребления членных форм, явилась первым в болгарском языковедении опытом применения этой теории к болгарскому материалу. Одним из важных ее выводов было установление того, что мнение о генерализующей функции членной формы при именах родовой соотнесенности (типа *Орелът е птица*) ошибочно, поскольку наличие или отсутствие членной формы при таких именах определяется их местом в теме или реме. С позиций теории актуального членения предложения успешно разрабатываются С. Иванчевым и другие вопросы, относящиеся к употреблению членных форм в болгарском языке (с. 152—172), семантика и функции личных и указательных местоимений в болгарском и других славянских языках. Очень интересна предложенная С. Иванчевым общая семантико-функциональная характеристика местоимений *този/тая* в болгарском (с. 184—195) и *он* и *ten* в чешском (с. 206—238) языках. С этим циклом работ связана и статья «К грамматической характеристике числительных имен» (с. 238—249), в которой устанавливается, что в чешском языке только у количественных числительных категория определенности обяза-

тельно выражается препозитивно употребленным указательным местоимением *ten*, между тем как при других именах такое употребление этого местоимения для выражения определенности факультативно.

В десяти статьях раздела «Лексикология» (с. 250—344) исследуются разные вопросы лексикологии и связанные с нею вопросы словообразования, семантики и этимологии.

В трех статьях этого раздела анализируется очень важный и еще слабо изученный вопрос истории современного болгарского литературного языка — формирование специальной терминологии. В них описано влияние чешского языка на создание болгарской научной ботанической (с. 270—280), ремесленной (столярно-плотничьей) (с. 280—306) и спортивной, в частности гимнастической (с. 306—328) терминологии. Из чешского языка, по мнению С. Иванчева, заимствованы сочетания *с оглед, без оглед* и производные *безогледен, безогледно, безогледност* (с. 328—334), небольшая группа прилагательных на *-чен*, типа *гравитачен*, при более распространенных прилагательных на *-ционен*, типа *гравитационен* (с. 334—335), а из словацкого — жаргонное и разговорное *фукам се* (с. 335—338). Особый интерес представляет статья о глаголах с префиксидом *само-* и возвратной частицей *се*, типа *самонаказвам се* (с. 250—

270), по существу оставшихся вне поля зрения грамматистов. Заключают раздел и весь сборник две заметки, в которых С. Иванчев предлагает свою этимологию болг. *гъльби* 'кукуруза' (с. 338—342) и польск. *bocian* 'аист' (с. 342—344).

Собранные в рецензируемом сборнике статьи дают широким кругам читателей более зримое и осязаемое представление о вкладе С. Иванчева в болгарское и славянское языкознание. Вместе с другими работами и прежде всего с широко известной монографией «Проблемы актуальности в славянских языках»¹ этот сборник свидетельствует о широком тематическом диапазоне исследовательских разысканий автора, о его умении нестандартно ставить и творчески решать как крупные теоретические проблемы, так и конкретные вопросы славянского языкознания.

В заключение хотелось бы пожелать проф. С. Иванчеву, которому недавно (10 июля 1980 г.) исполнилось 60 лет, новых успехов в дальнейшей разработке давно стоящих и вновь возникающих проблем лингвистической науки.

Г. К. Венедиктов

¹ С. И в а н ч е в. Проблеми на актуалността в славянските езици. София, 1971.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

С конца 1978 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР регулярно проводятся историографические чтения. В них принимают активное участие не только сотрудники Института, но и преподаватели, аспиранты и студенты исторического факультета МГУ, сотрудники Института истории СССР АН СССР, ИНИОН АН СССР, Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Государственной публичной исторической библиотеки и других научных учреждений Москвы. В заседаниях нередко участвуют слависты из других городов — Ленинграда, Минска, Тарту, Львова, Ивано-Франковска, а также зарубежные гости. В докладах и сообщениях в равной мере освещаются исторический и филологический аспекты отечественной и зарубежной славистики. После многих докладов развертывались оживленные дискуссии, носившие творческий характер.

На первом заседании, состоявшемся 7 декабря 1978 г., был заслушан доклад С. Б. Бернштейна «О некоторых вопросах изучения истории русского славяноведения в первой половине XIX в.»¹. На примере анализа научной деятельности И. И. Срезневского С. Б. Бернштейн показал, что историю русского славяноведения нельзя понять в отрыве от истории России, от истории политической борьбы и общественных движений, что успешно заниматься историей науки можно лишь в том случае, «если в основу анализа положить не деятельность ученого, а историю научной проблематики, историю идей и методов их решения, если изучать историю науки в тесной связи с историей других наук, на первый

взгляд часто очень далеких, с историей общественной и политической мысли»². С. Б. Бернштейн отметил, что поскольку славяноведение представляет комплекс дисциплин — литературоведение, языковедение, история, этнография и т. д., перед историками отечественной славистики возникает необходимость создания серьезных трудов по истории каждой из них. Это, однако, не исключает необходимости написания сводной, комплексной истории славяноведения в России. Касаясь соотношения между понятиями «славист» и «славянофил», С. Б. Бернштейн оспаривал представление об идейной близости русского славяноведения XIX в. к различным славянофильским доктринам, о влиянии славянофилов на его научную проблематику.

На втором заседании, проведенном 1 февраля 1979 г., Л. П. Лаптева (МГУ) выступила с докладом — «Профессор Варшавского университета Викентий Макушев и его работы о Польше», в котором рассматривалась педагогическая и научная деятельность видного русского специалиста по истории и филологии зарубежных славянских народов. Особое внимание было уделено периоду работы В. В. Макушева в Варшавском университете (1871—1883), где он читал общий курс истории славянских литератур и вел спецсеминары. Л. П. Лаптева проанализировала статьи Макушева, посвященные истории Польши, взаимоотношениям России и Польши в XVIII в., общественно-политическим произведениям польской литературы, а также его рецензии на работы польских авторов.

На следующем заседании (1 марта 1979 г.) В. А. Дьяков в докладе «Некоторые аспекты истории зарубежной и советской славистики (1918—1939)» по-

¹ Полный текст доклада С. Б. Бернштейна опубликован в журнале «Вестник Московского университета», сер. Филология. М., 1979, № 4, с. 3—18.

² Там же, с. 4.

казал влияние новой исторической обстановки, сложившейся после Великой Октябрьской социалистической революции, на развитие славяноведения, проанализировал те новые тенденции в развитии науки, которыми ознаменовался межвоенный период. В сфере общественно-политической докладчик выделил острую борьбу вокруг идеи славянской взаимности, которую пытались использовать в своих интересах чехословацкие, польские и другие буржуазные националисты, а также русские белоэмигранты, обосновавшиеся в славянских государствах. В сфере научной особое внимание было обращено, во-первых, на сдвиги в понимании предмета исследования в славяноведении, во-вторых, на развитие неопозитивистских концепций и структурализма в славистике.

Выступление М. Г. Булахова (Минский педагогический институт) на заседании 29 марта 1979 г. было посвящено классификации и характеристике источников для изучения славянского языкознания. Главным среди них, по мнению автора, являются работы ученых-славистов, в которых исследуются важные теоретические и методологические вопросы истории славяноведения. В числе других автор назвал биографические и автобиографические материалы, монографии и статьи об ученых-славистах, справочники о научных учреждениях, архивные материалы, полемическую и художественную литературу, периодическую.

На заседании 17 мая 1979 г. были заслушаны доклад И. С. Достян — «Знания и представления о балканских народах в русском обществе первой трети XIX в.» и сообщение Е. К. Жигунова (МГУ) — «П. Л. Лавров о роли славянских народов в истории человечества».

И. С. Достян подчеркнула важное значение этой темы для изучения истории русско-балканских общественных и культурных связей, а также для анализа истоков славянофильства и панславизма. Отметим рост интереса русского общества к балканским народам в рассматриваемый период, она остановилась на его причинах — активизации политики России в Восточном вопросе, влиянии идей Великой французской революции, расши-

рении международных связей в период наполеоновских войн и др. Подробно были освещены идеи политического объединения славян в декабристском движении, представления руководителей Общества соединенных славян о зарубежных славянских народах. Большое внимание было уделено анализу знаний и особенностей представлений об отдельных балканских народах в русском обществе и переменам в этих представлениях на протяжении первой трети XIX в.

Е. К. Жигунов посвятил свое выступление изложению и анализу публичной лекции известного теоретика русского революционного народничества П. Л. Лаврова, прочитанной в Цюрихе в декабре 1872 г. и озаглавленной «Роль славян в истории мысли» (текст лекции обнаружен докладчиком в ЦГАОР СССР). Е. К. Жигунов показал, что лекция является не только публицистическим произведением, воспроизводящим взгляды П. Л. Лаврова и его единомышленников на славянский вопрос, но и развернутым изложением народнической концепции истории общественной мысли славянских народов, имевшей несомненно прогрессивный характер и отчетливо противопоставленной как славянофильским доктринам предреформенного периода, так и панславизму 70-х годов XIX в.

С докладом «О понятии „научная школа“ и „научное направление“ в истории славянской филологии» выступил 19 июня 1979 г. С. В. Смирнов (Тартуский госуниверситет). Определив понятие «научная школа» как одну из форм организации научного труда, докладчик выделил два вида научных школ: научно-образовательные и научно-исследовательские. В первом случае речь идет о передаче знаний учителем группе учеников. Характерными чертами научно-образовательной школы являются локальный характер (институт, лаборатория), прямой контакт учителя и учеников, широкая база объединения различных дисциплин. Научно-исследовательская школа — это объединение ученых вокруг лидера для решения научных задач. При этом имеет место не формальное, а добровольное объединение ученых вокруг лидера, прямой контакт лидера с последователями, огра-

ничество платформы школы ее научно-исследовательской программой. Таким образом, научная школа вообще — это группа людей науки, объединенных для распространения знаний и находящихся в соотношении «учитель — ученики» или «основоположник — последователи». Подчеркнув, что понятие «научное направление» значительно шире понятия «научная школа», С. В. Смирнов отметил, что оно возникает, когда принципы и идеи научной школы получают широкое распространение, общенаучный характер. Научное направление не является формой объединения, поэтому не имеет локального характера и может существовать как в национальном, так и в международном масштабе, причем исследовательская программа носит сравнительно общий характер.

13 декабря 1979 г. на историографических чтениях был заслушан доклад Л. П. Лаптевой — «Славянская комиссия Московского университета (1892—1915)», в котором были освещены основные моменты истории создания и деятельности комиссии. Одной из форм деятельности Комиссии было обсуждение результатов исследований ученых по таким вопросам славяноведения, как изучение письменного наследия славян, история славяноведения, история зарубежных славянских народов, разыскание славянских рукописей и печатных изданий, научное описание этих материалов, информация о них научной общественности и т. д. Л. П. Лаптева подробно остановилась на первой программе преподавания славистических дисциплин в Московском университете, составленной Ю. И. Венелиным. В заключение она констатировала, что вклад Комиссии в развитие отечественного славяноведения был весьма значительным. Ее успешная деятельность может служить подтверждением того, что русское славяноведение в эти годы переживало период подъема, а Московский университет был крупнейшим в России центром славистики. В то же время, подчеркнула Л. П. Лаптева, при оценке успехов Славянской комиссии необходимо учитывать то, что в методологическом отношении члены ее не поднимались выше свойственных

буржуазной науке идеалистических представлений³.

21 февраля 1980 г. состоялось очередное заседание историографических чтений, посвященное памяти известного русского слависта И. И. Срезневского (1812—1880). Было заслушано шесть докладов: сотрудников Института М. Ю. Досталь, Н. И. Толстого и Л. Н. Виноградовой, а также Л. П. Лаптевой, А. В. Крюкова (Ивано-Франковский гос. пед. институт) и С. В. Смирнова. Предполагался также доклад Н. А. Мещерского (ЛГУ)⁴.

Заседание открылось докладом М. Ю. Досталь «И. И. Срезневский как славист», в котором был показан вклад ученого в отечественное славяноведение в 40—70-е годы XIX в., отмечена широта его научных интересов, выявлены заслуги в постановке преподавания славистики в Харьковском и Петербургском университетах и Главном педагогическом институте, в подготовке кадров русских славистов, а также в издании единственного в 50-е годы XIX в. русского научного журнала «Известия ОРЯС», почти треть материалов которого была посвящена славистическим проблемам. Срезневский стал основоположником ряда научных дисциплин в русском славяноведении: в 40-е годы — этнографии, фольклористики, диалектологии; в 60—70-е годы — славяно-русской палеографии, археологии, отчасти историографии. Большой вклад внес ученый в развитие русско-славянских научных и культурных связей⁵.

В докладе Л. П. Лаптевой «Переписка И. И. Срезневского с А. Патерой» было обстоятельно проанализировано содержание корреспонденции Срезневского с видным чешским палеографом, хранителем рукописей библиотеки Нацио-

³ Подробнее о деятельности Славянской комиссии см. Л. П. Лаптева. Славянская комиссия Московского университета (1892—1915). «Вестник Московского университета», сер. История. М., 1979, № 6, с. 57—69.

⁴ Н. А. Мещерский. И. И. Срезневский — учитель революционных демократов. «Вестник ЛГУ», сер. История, язык, литература, вып. 2, январь 1980, с. 61—67.

⁵ Полный текст доклада см. М. Ю. Досталь. И. И. Срезневский как славист. «Советское славяноведение», 1980, № 3, с. 90—105.

нального музея в Праге Адольфом Патерой (1836—1912). Сохранилось десять писем Срезневского Патере за период 1867—1879 гг. (LAPNP, Прага) и десять писем Патеры Срезневскому за 1869—1878 гг. (ЦГАЛИ). В переписке затрагивались важные вопросы о подлинности ряда древнечешских рукописей и, в частности, чешских глосс средневекового латинского словаря «*Mater verborum*». Корреспонденты занимали противоположные позиции: И. И. Срезневский защищал подлинность рукописей, А. Патера разоблачал фальсификаты. Ученые оказывали друг другу помощь в подготовке изданий писем И. Добровского (обработывал А. Патера) и А. Шлейхера (публиковал И. И. Срезневский), вели обширный книгообмен, сообщали друг другу о новой научной литературе и главных событиях научной и культурной жизни в своих странах. Письма Срезневского дополняют наше представление об общественно-политических взглядах ученого. В письме от 5 мая 1869 г. Срезневский подробно охарактеризовал Патере книгу идеолога пореформенного славянофильства Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», высказав свое отрицательное отношение к панславистской идее объединения славян под эгидой России. Письма Срезневского периода русско-турецкой войны (от 5 XII 1877, 24 II 1878 и 11 X 1878) свидетельствуют о его крайнем монархизме. В заключение Л. П. Лаптева высказала мысль о сложности взаимосвязей между политическими и научными позициями ученого. Однако политическое ретроградство Срезневского не исключает его научных заслуг.

А. В. Крюков сделал доклад на тему «Срезневский как историк Украины». Он подчеркнул, что деятельность Срезневского-украиноведа не получила еще надлежащей оценки в историографии. Этому мешало утвердившееся в литературе обвинение Срезневского в фальсификации нескольких дум в сборнике «Запорожская старина» (1833—1838), выдвинутое Н. И. Костомаровым, В. Б. Антоновичем и М. П. Драгомановым еще в 70-е годы XIX в. А. В. Крюков считает, что пришло время полностью отказать от этого обвинения, чему дают

основания новые исследования современных украинских ученых. Докладчик показал вклад Срезневского в украиноведение, анализируя его исторические комментарии к «Запорожской старине», работы о запорожском казачестве, в частности, книгу «Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины» (1839), статью «Казак-гайдамаки Униатской войны 1595—1654» (1840) и др. Заслугой Срезневского было то, что он в числе первых в украинской историографии увидел одно из основных направлений освободительной борьбы украинского народа в конце XVI — первой половине XVII вв. — его стремление к воссоединению с русским народом. Слабой стороной исторической концепции Срезневского было преувеличение в этой борьбе роли религиозного фактора и преуменьшение социальной направленности освободительной борьбы народных масс.

В докладе С. В. Смирнова «И. И. Срезневский в воспоминаниях современников» отмечено, как в них отразилась эволюция восприятия Срезневского его бывшими студентами и эволюция отношения русского общества к славистике на протяжении 40—70-х годов XIX в. В своем докладе «И. И. Срезневский — славянский диалектолог» Н. И. Толстой сообщил о наиболее интересных материалах по диалектологии кашубов, силезцев, лужицких сербов и других славянских народов, собранных ученым во время своего заграничного путешествия (1839—1842) и хранящихся ныне в ЦГАЛИ. Наиболее обстоятельно охарактеризован в докладе вклад Срезневского в славянскую диалектологию на примере изучения им диалектов словенского языка.

Доклад Л. Н. Виноградовой «И. И. Срезневский — собиратель славянского фольклора» был посвящен анализу вклада ученого в славянскую фольклористику. В нем раскрыты определенные принципы отбора материала в собирательской деятельности Срезневского периода его заграничной командировки: так называемые «славянскость» и «исконная древность», отмечены высокий для того времени профессионализм фольклорных и этнографических записей ученого.

Е. Л. Валева, М. Ю. Досталь

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1980 г.

СТАТЬИ

Азим-заде Э. Г. К сопоставительному анализу славянских и тюркских названий созвездий	№ 1
Аксенова Е. П. Вопросы истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы на страницах «Современника» (1854—1862)	№ 4
Андрюшин Е. Н. Восприятие Д. Благоевым ленинской концепции Октябрьской революции	№ 2
Архипов А. А. О происхождении древнеславянской тайнописи	№ 6
Барновский М. Эволюция позиций буржуазных политических партий в Словакии периода национально-освободительной борьбы и революционного процесса 40-х годов	№ 6
Бернштейн С. Б. Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII—XIX веках	№ 1
Боброва С. П. Вопросы социально-экономической истории средневековой Болгарии в освещении Димитра Благоева	№ 5
Большакова К. В. Связи и сотрудничество между профсоюзами СССР и Польши (1946—1949)	№ 4
Вилинбахов В. Б. Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь»	№ 1
Вышомирская - Кузьминская О. (ПНР). Деятельность Польско-советского института	№ 1
Вялова С. О. Неизвестные глаголические и кириллические памятники собрания Ивана Берчича в Отделе рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	№ 2
Гибианский Л. Я. Проблемы периодизации югославской народно-освободительной войны и революции в послевоенной историографии СФРЮ	№ 2
Греков И. Б. Куликовская битва — важная веха в политической жизни Восточной Европы второй половины XIV в.	№ 5
Григорьянц Т. К вопросу о формировании договорной системы СССР и народно-демократических стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1945—1947 гг.	№ 1
Даскалова Екатерина (НРБ) Александр Блок и славянский мир	№ 6
Димитрис Лулес (Греция) Образование Греческого государства и Россия (1821—1832)	№ 3
Злыднев В. И. Проблемы периодизации социалистической культуры в Болгарии	№ 4
Иванова Н. А. Первая народная революция эпохи империализма (к 75-летию революции 1905—1907 гг. в России)	№ 6
Ищенко Д. С. Хиляндарский список славянского перевода поучений Феодора Студита	№ 4
Кадацкий В. Ф. Борьба БКП против монархо-фашизма и политика буржуазно-демократической оппозиции в Болгарии	№ 5
Калениченко П. М., Ярош Л. В. Общественно-политическая деятельность В. Василевской в годы второй мировой войны (К 75-летию со дня рождения)	№ 2
Клепикова Г. П. Изучение лексико-семантических явлений в единичной языковой системе и в совокупности языковых систем	№ 2
Козлов Р. М. К проблеме реконструкции праславянской лексики	№ 6
Копысский З. Ю. Новые документы об аграрном строе Белоруссии в XVI — первой половине XVII века	№ 1
Корневская Н. Образ времени в поэзии Десанки Максимович	№ 3

- К о с т ю ш к о И. Выкуп и регуляция феодальных повинностей в Силезии по законам от 2 марта 1850 года . . . . . № 6
- Л а в р и к Э. Г., П о к и в а й л о в а Т. А. К вопросу о складывании многостороннего экономического сотрудничества европейских социалистических стран . . . . . № 3
- Л а б ы н ц е в Ю. Распространение польских произведений Яна Кохановского на фоне общей реценции польской книги и литературы в России XVII века . . . . . № 6
- М а й о р о в а О. Н. Сотрудничество ВОКС и ОПСД в области пропаганды советского производственного и научного опыта в Народной Польше (1950—1955) . . . . . № 5
- М а н а н ч и к о в а Н. П. К вопросу о ранней мануфактуре в Дубровнике XV века . . . . . № 6
- М а р т ы н е н к о Г. Я. Грамматико-лексическое поле и типовое значение заместителей (на материале указательных местоимений болгарского языка) . . . . . № 3
- М е л ь н и к о в Г. П. Из истории общественно-политической борьбы в Чехии в 20-е годы XVI в. . . . . № 5
- М о л о к Ф. А. Издание трудов В. И. Ленина в Чехословакии . . . . . № 3
- М у р а ш к о Г. П. Словацкое восстание — начало национально-демократической революции . . . . . № 1
- Н е д о р з о в А. И. Основные этапы и итоги развития чехословацкого общества в годы революции и строительства социализма . . . . . № 2
- О й м а т о в Х. БКП — организатор первомайских кампаний в болгарской деревне (1930—1934) . . . . . № 1
- О р е л В. Э. Личные местоимения в албанском языке в сопоставлении с личными местоимениями в славянских и других индоевропейских языках . . . . . № 5
- П р и б ы л о в В. И. Лига Наций и гданьский вопрос (1919—1926) . . . . . № 4
- Т в е р д и с л о в а Е. С. Методологические и теоретические проблемы сравнительного литературоведения ПНР 60—70-х годов (на материале изучения русско-польских литературных связей второй половины XIX в.) . . . . . № 1
- Т и р а с п о л ь с к и й Г. И. К вопросу об условиях и причинах утраты болгарского субстантивного склонения . . . . . № 4
- Т и т о в а Л. Специфика формирования чешской театральной культуры . . . . . № 4
- Т и х о м и р о в а В. Я. Особенности развития польской поэзии 40—70-х годов XX в. . . . . № 5
- Ч у б и н ь с к и й А н т о н и (ПНР) Западный институт в Познани (Научная и издательская деятельность. 1945—1979) . . . . . № 6
- Ш и н к а р е в А. КПЮ и Независимые профсоюзы в Югославии (1921—1929) . . . . . № 3
- Ш о л т а Я. (ГДР). Марксистско-ленинская концепция истории лужицких сербов . . . . . № 1

СООБЩЕНИЯ

- Б о б р и к М. Н. Борьба ПНР за созыв общеевропейского совещания (1964—1972) . . . . . № 3
- В о й т е х М а т е р с к и й (ПНР) У истоков польско-советского сотрудничества в Организации Объединенных Наций . . . . . № 5
- Н е м и р о в с к и й Е. Л. Издания Ивана Федорова в книгохранилищах Сербии и Воеводины . . . . . № 5

Из истории славяноведения

- Д о с т а л ь М. Ю. И. И. Срезневский как славист (1812—1880) . . . . . № 3
- И в а н о в Ю. Ф. Научная деятельность Н. Н. Любвича . . . . . № 4
- И т о Т а к а ю к и (Япония). История и современное состояние славяноведения в Японии . . . . . № 2
- Ч е р н я в с к и й Г. И. Исследования С. И. Сидельникова по проблеме национально-освободительного движения болгарского народа . . . . . № 2

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

- П а ш а е в а Н. М. Два автографа Яна Коллара в Исторической библиотеке . . . . . № 1
- Т и т о в а Л. Н. Из наследия чешского будителя Яна Рулика . . . . . № 6

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- А н т о н ю к С. М., В а с и л ь е в а Л. Д., М а к а р Ю. И. Очерки истории советско-польских отношений 1917—1977 . . . . . № 3

- Белыева В. И. Současné problémy studia fašismu a antifašistickeho boje v
Evropě mezi světovými válkami . . . . . № 4
- Белыевич И. И. Ценная книга по истории борьбы народов Центральной
и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость . . . . . № 3
- Булак Т. Следы прошлого . . . . . № 5
- Булатова Р. В. «Археографски прилози» . . . . . № 2
- Венедиктов Г. К. С. Иванчев. Приноси в българското и славянското
езикознание . . . . . № 6
- Габрусевич С. А., Мараш И. Я. А. С. Клевченя. Очерки по истории
марксистско-ленинской философской мысли в Польше . . . . . № 4
- Горский И. К., Соловьева А. П. К. И. Ровда. Россия и Чехия.
Взаимосвязи литератур . . . . . № 1
- Григорян Э. А. А. Н. Нерсисян. Борьба болгарского народа против
султанской Турции в 70-х годах XIX в. . . . . № 1
- Гришина Р. А. Веков. Г. В. Плеханов и социалистическое движение
в България . . . . . № 6
- Гросул В. Я., Губогло М. Н. К истории молдаво-славянских свя-
зей . . . . . № 5
- Еремеева Г. V. Záček. Josef Václav Frgič . . . . . № 5
- Злыднев В. И. Новый болгарский журнал «Проблемы культуры» . . . . . № 5
- Иванова Ю. В. Хозяйство и общество на Балканах в средние века . . . . . № 3
- Игнатьева Т. М. Исусов. Политическите партии в България. 1944—1948
И. К. К вопросу о психологических истоках польского романтизма . . . . . № 4
- Ионова Т., Комкова Т. V. Bystrický, J. Hrozičič. V spoločnom boji.
(Revolučná činnosť bulharských študentov na Slovensku v období II svetovej
vojny) . . . . . № 5
- Исаевич Я. Д. Б. Н. Флоря. Русско-польские отношения и политическое
развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале
XVII в. . . . . № 1
- Карасев В. Г. Сопротивление австро-венгерской оккупации Боснии и
Герцеговины в 1878 году . . . . . № 5
- Костюшко И. В. А. Полуян. Революционно-демократическое движение
в Западной Белоруссии (1927—1939) . . . . . № 5
- Креканэ М. Г. Мурашко Г. П. Борьба рабочего класса за национализацию
промышленности. Из опыта революций 40-х годов в странах Центральной
и Юго-Восточной Европы . . . . . № 3
- Кудрявцева Н. И. Stefan Turlej. Консерсје ustrojowe obozu londyňského
Лейкин Э. А. Д. Б. Мельцер, И. Тончев. Национальной свободе Болгарии
100 лет . . . . . № 4
- Лизанец П. Н. М. М. Тешак. Стиль ділових документ в XIV ст. . . . . № 1
- Лилич Г. А., Мокиенко В. М. Slovník spisovné češtiny pro školu a
veřejnost . . . . . № 2
- Липатов А. В. Из истории теории русско-польских литературных взаимосвязей
Лозинский И. Н. Н. Ф. Копыстьянская. Жанровые модификации в чешской
литературе . . . . . № 3
- Михайленко В. И. Книга о боевых действиях войск фашистской Италии
против Югославии (1941—1943) . . . . . № 3
- Мурашко Г. П. M. Barnovský. Sociálne triedy a revolučné premeny na
Slovensku v rococh 1944—1948 . . . . . № 2
- Мыльников А. С. И. И. Свирида. Польская художественная жизнь
конца XVIII — первой трети XIX в. . . . . № 1
- Наумов Е. П. Османское господство в Центральной и Юго-Восточной
Европе в XVI—XVII веках . . . . . № 4
- Ненашева З. С. И. В. Чуркина. Словенское национально-освободительное
движение в XIX в. и Россия . . . . . № 1
- Попков Б. С., Орехов А. М. E. Łukawski. Ludność polska w Rosji.
1863—1914 . . . . . № 2
- Попков Б. С. Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim. Gustaw
Ehrenberg i «wiotokrzyżcu» . . . . . № 6
- Прокофьева Д. С. К проблеме русско-польских литературных связей
Пуцко В. Г. Э. Бакалова. Бачковската костница . . . . . № 2
- Смирнов С. В. А. С. Мыльников. Эпоха Просвещения в Чешских землях
Смирнов С. В. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический
словарь . . . . . № 6
- Софронова Л. Новое исследование польского романа . . . . . № 2
- Стеблій Ф. И. Новое исследование по истории революции 1848—1849 гг.
в Австрийской империи . . . . . № 1

Стецкевич С. М. А. М. Орехов. Становление польского социалистического движения. Структура, программные концепции, деятели (1874—1893)	№ 5
Токаръ Г. P. Ondrus. Kapitoly zo slovenskej morfológie	№ 4
Удальцов И. И. Проблемы освободительного движения народов Австрийской империи	№ 4
Федорук А. Генезис и развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (от истоков до 1917 года)	№ 3
Фрейденберг М. М. «Сплитский литературный круг»	№ 1
Хелимский Е. А. Новый славистический журнал в США	№ 5
Хитрова Н. И. Радоман Јовановић. Политички односи Црне Горе и Србије. 1860—1878	№ 4
Швыдак О. М. В. П. Чугаев. В борьбе против фашизма и угрозы войны	№ 6

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Белякевич И. И. Научная конференция, посвященная 35-летию Польской Народной Республики	№ 3
Валева Е. Л., Досталь М. Ю. Историографические чтения в Институте славяноведения и балканистики АН СССР	№ 6
Венедиктов Г. К., Лещиловская И. И. Международная научная конференция по болгарскому культурному Возрождению	№ 2
В. З. Гете и славянский мир	№ 2
В. М. Заседание, посвященное 35-летию Словацкого национального восстания	№ 1
Воробьева И. Г. Научный симпозиум по проблемам аграрной истории развитого феодализма в Ижевске	№ 3
Г. В. В специализированном совете по славянской филологии при Институте славяноведения и балканистики АН СССР	№ 5
Горская Н. А. Научная конференция Комиссии историков СССР и ПНР	№ 4
Гусев В. Е. История и современность (XXVI Конгресс фольклористов Югославии)	№ 5
Е. П. В специализированном Совете при Институте славяноведения и балканистики АН СССР (по всеобщей истории)	№ 3
И. К. Научная сессия в Катовицах	№ 3
Ляткер Я., Северная О. Исследования Научного объединения искусствоведов Болгарской Академии наук	№ 4
Норман Б. Ю. Научная конференция белорусских и болгарских языковедов	№ 3
Орел В. VII Международная конференция по «Общекарпатскому диалектологическому атласу»	№ 1
Робинсон А. Н. Пленарное заседание Международного комитета славистов в Венгрии	№ 2
Р. С. Новые книги	№ 2
Р. С. Новые книги	№ 3
Смирнов Ю. И. Конференция «Польская народная баллада»	№ 2
Фалькович С. Научная конференция в Варшаве	№ 5

НЕКРОЛОГИ

<u>Сергей Александрович Никитин</u>	№ 4
---	-----

CONTENTS

<i>Ivanova N. A.</i> The First People's Revolution of the Epoch of Imperialism (To the 75-th Anniversary of the 1905—1907 Revolution in Russia). <i>Barnovský M.</i> (Czechoslovakia). The Evolution of the Bourgeois Political Parties' Positions in Slovakia during the Period of National Liberating Struggle and Revolutionary Process of the 1940s. <i>Kostyushko I.</i> The Buying Back and Regulation of the Feudal Services in Silesia according to the Laws of the March 2, 1850. <i>Mananchikova N. P.</i> To the Early Development of Manufactory in the XV-th Century Dubrovnik. <i>Daskalova E.</i> (Bulgaria). Alexander Block and the Slavonic World. <i>Labyntsev Yu.</i> Circulation of J. Kochanowski's Polish Writings on the Background of General Reception of the Polish Book and Literature in the XVII-th Century Russia. <i>Arshipov A. A.</i> About the Origins of Old Slavonic Cryptogram. <i>Kozlova R. M.</i> To The Problem of Reconstruction of Proto-Slavic Lexique. <i>Czubiński A.</i> (Poland). The Western Institute in Poznań (Scientific and Publishing Activities. 1945—1979)	3
--	---

PEOPLES, EVENTS, FACTS

<i>Titova L. N.</i> From the Heritage of the Czech Buditel Jan Rulík	104
--	-----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Ignatjeva T. M.</i> Исусов. Политическите партии в България. 1944—1948. <i>Shvydak O. M. B. P.</i> Чугаев. В борьбе против фашизма и угрозы войны. <i>Gri-shna R. A.</i> Веков. Г. В. Плеханов и социалистическото движение в България. <i>Popkov B. S.</i> Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim. Gustaw Ehrenberg i «świętokrzyżcu». <i>Smirnov S. V.</i> Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. <i>Venediktov G. K.</i> С. Иванчев. Приноси в българското и славянското езикознание	108
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Valeva E. L., Dostal M. Yu.</i> The Historiographical Readings at the Institute of Slavic and Balkan Studies of the Academy of Sciences of the USSR. . . . . Guide of Articles and Materials Published in the Magazine in 1980	120
--	-----

Технически редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.08.80.   Подписано к печати 15.10.80   Т-12790   Формат бумаги 70×108^{1/16}
 Высокая печать   Усл. печ. л. 11,2   Уч.-изд. л. 12,3   Бум. л. 4.0   Тираж 1220 экз.   Зак. 3362

Издательство «Наука» 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.

Индекс 70891